Государственная Академия Истории Материальной Культуры
имени Н. Я. Марра

К 369/50
XXIV 67/1

МАТЕРИАЛЫ ЭСКИ-КЕРМЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1931—1933 гг.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1935

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

Выпуск 117

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
1. **Г. И. Петров.** Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции (предварительная информация)	12
2. **Н. И. Репников.** Подъемная дорога Эски-Кермена	18
3. **Н. И. Репников.** Ирригационные сооружения округи Эски-Кермена	43
4. **Е. В. Веймарн.** Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931—1933 гг.	47
5. **Е. В. Веймарн.** Остатки древнего водопровода близ урочища Мустафа-бей, в долине реки Качи	77
6. **У. А. Боданинский.** Черкес-Керменское укрепление „Кыз-Кулле“ по разведкам 1933 г.	81
7. **В. П. Бабенчиков.** Пещерный комплекс Шулдана	88
8. **Н. И. Репников.** Городище Качи-Кальен	102
9. **Е. В. Веймарн** и **Н. И. Репников.** Сюйренское укрепление	115
10. **Н. И. Репников.** О новейших раскопках крымских „дольменов“	126
11. **А. Н. Бернштам.** О деревянных постройках Крыма	135
12. **В. П. Бабенчиков.** Из истории Крымской Готии	145

Список опечаток в книге „Материалы Эски-Керменской экспедиции“.

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
8	17 снизу	подземной	подъемной
133	подпись к рис. 91	Разрезы кургана.	Погребение в кургане.
134	8 снизу	(рис. 92)	(рис. 91).

2131

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике объединены материалы Эски-Керменской экспедиции, преимущественно за 1931—1933 гг. Сборник, тем самым, непосредственно примыкает к «Готскому сборнику», выпущенному в 1932 г. Государственной Академией истории материальной культуры имени Н. Я. Марра[1] и содержащему итоги полевых исследований Эски-Кермена за 1928—1930 гг. Содержание печатаемых здесь работ почти вовсе лишено синтетических построений на широкой исторической базе и не охватывает той проблематики, какую ставил главной задачей Готский сборник. Оно сводится в основном к обнародованию извлечений из полевых дневников и путевых заметок. И все же незамедлительное опубликование такого собрания фактических данных отчетного характера вполне оправдано, особенно при наличии широкого интереса не только внутри СССР, но и за рубежом, возбужденного работами Академии в Эски-Кермене. Однако в виду коренного отличия скромных задач настоящего сборника от задач намечавшейся первым Готским сборником целой серии таких сборников, он выпускается вне этой серии. Этим подчеркивается, что широкая постановка готской проблемы вовсе не снимается в Академии, вовсе не подменяется частными темами из истории одной Крымской Готии. Напротив, она продолжает рассматриваться как одна «из основных в истории Восточной Европы»,[2] и ее разработка ставится с необходимой научной точностью и широтой.

Среди полевых кампаний последних лет в Эски-Кермене, информация о которых составляет предмет настоящей публикации, особенно должна быть выделена работа Советско-американской экспедиции 1933 г. В ней участвовали Государственная Академия истории материальной культуры имени Н. Я. Марра и Государственный Исторический музей, с одной стороны, и Филадельфийский университетский музей, с другой. Экспедицией, кроме некоторых работ на собственно городище и кроме раскопок его могильника, были проведены исследования в округе Эски-Кермена в более широких

---

[1] Готский сборник, Известия ГАИМК, т. XII, 1932 г.

[2] Ср. Н. Я. Марр, Готское слово guma 'муж', Известия Академии наук СССР, 1930 г., № 6, стр. 447.

размерах, чем во время предыдущих кампаний. На самом же городище задачи, напротив, были очень сужены и ограничились расчисткой всего 9 усыпальниц в районе так наз. Судилища и западной крепостной стены. Отчеты о результатах этих работ читатель найдет в соответствующих статьях настоящего сборника, иллюстрированных многочисленными чертежами и фотографическими снимками. Среди иллюстраций нет только изображений вещевого материала, добытого при раскопках. Но данные о находках приведены в тексте отчетов. Не дается вовсе документированной информации об исследовании могильника и о находках в нем. Публикация всех этих материалов будет осуществлена в отдельном издании совместно с американской частью экспедиции.

За кампанию 1933 г. было раскрыто 38 земляных склепов с коллективными погребениями, 3 подбойные могилы и 4 грунтовых на южном склоне городища к западу от храма с фреской «трех всадников», т. е. в том же районе, что и при раскопках 1928—1929 гг. Все погребения, и по способу захоронения и по вещевому инвентарю, аналогичны обнаруженным в предыдущие годы, опубликованным в Готском сборнике. Большинство их было ограблено или потревожено в древности; вполне сохранившимися оказалось 9 склепов. Скелеты в многих из них оказались настолько сохранившимися, что позволили собрать большую коллекцию костей и черепов, в значительной части сильно деформированных. Печатаемая здесь в порядке предварительной информации статья Г. И. Петрова делится результатами антропологического изучения костных остатков. Исследование их выдвигает важнейшие проблемы этногенеза, значение которых выходит далеко за пределы Крымской Готии.

Сборник состоит из 12 статей, касающихся разных объектов, охватывающих ряд основных пунктов, многие из которых служили предметом полевых исследований с начала экспедиционных работ в Эски-Кермене. Статья Н. И. Репникова о подземной дороге сводит воедино результаты расчистки ее и прилегающих к ней участков за весь период 1928—1933 гг.

Проблемой воды, выдвинутой с самого начала работ на безводном городище, объединено три статьи сборника — две Е. В. Веймарна и одна Н. И. Репникова. Эта проблема получила новое направление с момента обнаружения в 1929 г. водопровода в балке Бильдеран, в полуторах километрах от Эски-Кермена. Совершенно естественно, что вопрос о водоснабжении был поставлен руководством Академии одной из основных задач экспедиции. От разрешения его зависела в известной мере не только полнота исторического изучения Эски-Кермена, но и прежде всего намечавшаяся возможность использования водопровода в настоящее время для ирригации засушливого Эски-Керменского района, что должно было бы сыграть крупную роль в поднятии сельского хозяйства. Подробный отчет Е. В. Веймарна показывает, как напряженные и широко поставленные поиски и разведки не дали положительных результатов. Даже част-

ная задача о способах питания водой Эски-Кермена в период расцвета его жизни так и осталась неразрешенной.

Следующая группа статей сборника, тематически связанных друг с другом, объединяет 4 работы: У. А. Боданинский—Черкес-Керменское укрепление «Кыз-Кулле» по разведке 1933 г., В. Л. Бабенчиков — Пещерный комплекс Шулдан, Н. И. Репников — Городище Качи-Кальена, Е. В. Веймарн и Н. И. Репников — Сюйренское укрепление. Все они посвящены обследованию поселений и укрепленных пунктов на периферии Эски-Кермена, составлявших с ним некую единую, связанную цепь. В частности, относительно одного из них, именно, соседнего Черкес-Керменского укрепления Кыз-Кулле, высказывалось предположение, в связи с запиской готского топарха, что оно-то и служило временным центром Готских Климатов в промежуток между разрушением и восстановлением Дороса. Статья У. А. Боданинского о разведках, произведенных там в 1933 г., свидетельствует, что добытые пока данные указывают, в основном, на XIII—XIV вв., как на дату комплекса Кыз-Кулле. Поэтому, до тех пор пока не удастся раскрыть здесь сооружений X в., т. е. синхроничных записке топарха, вопрос об отожествлении крепости топарха с Кыз-Кулле остается без научных обоснований.

Статья Н. И. Репникова о раскопке поля каменных ящиков сообщает о выполнении еще одной дополнительной исследовательской задачи, также на периферии Эски-Кермена.

На первый взгляд обособленная от Эски-Кермена краткая заметка А. Н. Бернштама о деревянных постройках Крыма является, на самом деле, информацией участвовавшего в нескольких экспедиционных кампаниях этнографа о намечающихся связях между отдельными строительными приемами базилики, раскопанной в 1930 г. на Эски-Керменском городище, и некоторыми древними конструкциями деревянного строительства Крыма.

Таким образом, публикуемые в настоящем сборнике материалы в целом представляют безусловно определенное единство. Они тематически связаны друг с другом и являются многосторонней информацией об экспедиционных исследованиях на протяжении многих лет.

Особняком стоит помещаемая в конце статья Бабенчикова «Из истории Крымской Готии». Она касается некоторых важных моментов из истории классовой борьбы в Крымской Готии и построена на интерпретации двух письменных источников: «Жития Иоанна Готского» и «Записки готского топарха». Таким образом, по содержанию и по характеру она выходит за пределы документированных извлечений из дневников о полевых работах и, тем самым, как бы нарушает единство сборника. И, тем не менее, включение ее вполне оправдано прежде всего тем, что она дает попытку связать с событиями внутренней жизни, с историей классовой борьбы некоторые археологические наблюдения экспедиции.

Но автор многого не учитывает. Выясняя роль Иоанна Готского

в восстании, он не обращает внимания на такой показательный факт, как то, что Иоанн в конце концов спасается в Византию. При наличии соседнего с Готией Византийского Херсонеса это обстоятельство должно было бы четко отразиться на всей его концепции.

Пытаясь раскрыть данные «Записки топарха», автор объясняет намечаемый раскопками факт катастрофической гибели города результатом напряженной классовой борьбы, сопровождавшейся приходом в Эски-Кермен «варваров» — хазар. Самый факт разрушения стен, по его мнению, говорит как будто бы за то, что целью «варваров» было уничтожить только крепость противника — замок феодалов. Отсюда, по его словам, становится ясным, что если «варвары» громили феодалов, то они представляли собой противоположный класс, т. е. эксплуатируемых крестьян. И дальше: «мы видим в данном случае в хазарах — широкие массы населения, а не их правителей, не хаканов... Кстати, топарх нигде не говорит о хакане или, по крайней мере, о начальниках варваров, как будто бы подтверждая нашу мысль, что на этот раз массы действовали самостоятельно». Само собой разумеется, что из одного факта разрушения феодального замка еще нельзя делать вывода обязательно о революционном разгроме его, хотя революционное разрушение замков в результате крестьянских восстаний в условиях феодального общества имело место неоднократно. Вывод о гибели замка в результате революционной борьбы должен быть обставлен в каждом отдельном случае вескими историческими данными. Ведь разрушение замков, поглощение одних феодальных центров другими типично для феодальной экспансии, для феодальных войн. Поэтому доводы автора — они все того же характера, что и только что приведенные, иных у него нет — не могут иметь значения исторически обоснованных доказательств. Автор хотя и базируется на данных, теоретически не только возможных, но и исторически необходимых в определенной обстановке, однако на таких, о которых нет никаких конкретных данных. К таковым, для примера, относится «ряд восстаний», приведших к упадку хазарское государство. В. П. Бабенчиков вообще, касаясь хазарского вопроса, не учитывает, что он пользовался, главным образом, материалами и высказываниями о хазарах белоэмигранта Васильева, сделанные к тому же не в результате специальных штудий, а в общей работе. Ограничиваясь благодушным несогласием с ними и не давая заостренной их критики, нельзя дать правильного исторического истолкования этого эпизода классовой борьбы в Крымской Готии. Не расширять базиса своего построения, не вводить новых источников, которыми не пользовались буржуазные ученые или которые были замолчаны ими, значит — оставаться фактически на базе, более узкой, чем у них, и всецело зависеть от них, так как они не только дают враждебное нам освещение исторических фактов, но и тенденциозный подбор самых фактов и скрывают многие из них.

Автор должен был бы знать, что для изучения причерноморского юга и освещения его по-новому, для изучения всего Подонья-При-

кубанья и Приволжья — района на определенном отрезке времени хазарского государства — сделано советскими экспедициями много, особенно за последние 10—12 лет, и, в частности, экспедициями Академии истории материальной культуры. Говорить о хазарском государстве без учета всей истории причерноморской степи и лесостепи, без учета исторической смены оседлого хозяйства кочевническим и нового возникновения оседлых пунктов и центров и их гибели — невозможно.

Попытка В. П. Бабенчикова по-новому интерпретировать источники — несовершенна. Но она обещает, что, если за интерпретацию их возьмутся мастера-историки с широкой исторической подготовкой, то будут вскрыты лежащие еще мертвым капиталом исторические сокровища. Излагать историю Крымской Готии без учета попытки автора отныне уже нельзя. Поэтому включение статьи В. П. Бабенчикова в настоящий сборник оправдано вполне. Если же она привлечет внимание специалистов к затронутым ею вопросам, хотя бы в плане развернутой компетентной критики, то наличие ее в сборнике придаст последнему еще более активную роль в изучении Крыма.

Г. И. Петров

Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции

(Предварительная информация)

Археологические раскопки в Эски-Кермене в 1928, 1929, 1930 и 1933 гг. доставили весьма большое количество костных антропологических материалов из различно датируемых погребений. Они происходят из земляных склепов V — VII вв., из подбойных могил VII — VIII вв., из разновременных усыпальниц (от VIII до XIII вв.) и, наконец, из простых грунтовых могил XI — XIII вв. [1] Среди костных материалов наиболее обильно представлены черепа, но наряду с ними имеется и значительное количество длинных костей, особенно из усыпальниц. Количество их (серия черепов достигает 300 экземпляров) уже сейчас представляется достаточным для ряда выводов по вопросу об изменчивости физических признаков (и физического типа) человека в Эски-Кермене. Правда, следует отметить, что количество материалов, падающее на отдельные виды погребений, возрастает по мере уменьшения возраста погребений. Самые обильные сборы мы имеем из поздних усыпальниц. Нет сомнений в том, что по мере дальнейших археологических работ в Эски-Кермене антропологический материал будет увеличиваться. Поэтому весьма важно внести известную плановость в получение его при полевых работах, что вполне возможно в условиях Эски-Керменского некрополя (равно как, впрочем, и в ряде других некрополей Крыма). Изучение материала уже сейчас четко намечает те пробелы, которые нуждаются в скорейшем заполнении. Для реализации этой задачи необходимо лишь признание того факта, что изучение истории изменения физического типа населения Крыма представляет не только местный интерес, но является весьма важным и для исследования вопроса о формировании «расовых типов» человечества в целом, и что такое изучение может быть с успехом использовано для борьбы с метафизической трактовкой расогенеза.

Более обстоятельный анализ антропологических материалов Эски-Керменской экспедиции еще не закончен и будет осуществлен в специальной работе. Здесь представляется целесообразным изложить некоторые существеннейшие положения, относящиеся к характеристике их в целом.

1. Уже в наиболее ранних из известных в Эски-Кермене погребениях (катакомбный могильник) мы встречаемся с весьма значи-

[1] Датировка по Готскому сборнику, стр. 179—180.

тельной дифференциацией «расовых признаков». Отчетливо выступают, например, значительные различия в форме головы (головной указатель), в профилировке мозгового и лицевого черепа, колебания роста и т. д. В единичных случаях такого рода дифференциация «типа» отчетливо совпадает с половыми различиями (различный характер «расовых признаков» у мужчин и женщин). Последнее обстоятельство ставит весьма существенный вопрос о характере процесса метисации у крымского населения в соответствующую эпоху. В качестве типичного лишь для катакомбного могильника явления можно отметить наличие в материалах из могильника ряда деформированных черепов. Способ деформации — обычный для соответственных находок в Крыму, известных ранее (Керчь, Херсонес). Две повязки, перетягивавшие голову ребенка в затылочно-теменной области, ведут к вытягиванию затылка назад и вверх (рис. 1).

Все деформированные черепа можно с известной уверенностью определить как мужские. Кроме того, твердо установлен факт,

Рис. 1.

что деформирование головы отнюдь не было широко распространенным явлением. Даже в одних и тех же катакомбах, которые, может быть, являются семейными погребениями, деформация головы ни разу не была встречена одновременно у всех погребенных. Оба эти названных обстоятельства позволяют твердо считать деформацию головы признаком, связанным с определенным общественным положением ее обладателя.

2. Дифференциация признаков и типов особенно усложняется в материалах из погребений более поздних, чем катакомбный могильник. Генетическая связь отдельных «типов», выступающих здесь, с «типами» катакомбного могильника, однако, совершенно бесспорна и вполне очевидна. Это дает возможность полагать, что усложнение расово-антропологической дифференциации в соответственном районе Крыма протекало в названную эпоху путем усиленной метисации. На краниологическом материале в качестве наиболее дифференцированных отчетливо выступают два основных типа (особенно в более поздних погребениях), которые могут быть названы условно: 1) брахиоидным и 2) долихоидным (черты их прослеживаются и в катакомбном могильнике).

Брахиоидный resp. широкоголовый *тип*, с большой высотой

головы, уплощенным затылком, сильно выступающим носом и т. д., представлен на рис. 2 (a + b). По своим морфологическим особенностям черепа брахиоидного типа из Эски-Кермена вполне идентичны брахиоидным черепам Закавказья. В Крыму этот тип отчетливо прослеживается также на материалах из Мангупа.

Долихоидный resp. (долихоцефальный) тип, с умеренной высотой головы, не резкой профилировкой лица и т. д., изображен на рис. 3 (a + b + c). Полную аналогию этому типу мы находим в материалах из Мангупа (рис. 4). Весьма отчетливо выступает он (даже в более чистом виде) в ряде находок с Кавказа (вплоть до Кобанского могильника). Для иллюстрации к сказанному приводим здесь изображение черепа из Мощевой балки в окрестностях Новороссийска (рис. 5).

Рис. 2a.

Рис. 2b.

Сказанное дает возможность считать достаточно обоснованными представления о полной «расовой однородности» населения Эски-Кермена и Мангупа, с одной стороны, и о явственной генетической увязке населения Крыма с населением Кавказа — с другой стороны.

Наличие многочисленных типов менее дифференцированных, занимающих в известной мере промежуточное положение между названными основными, свидетельствует вновь о необычайной сложности и бурности процессов расо-генетического порядка на названной территории.

Задача исследовательской работы над костными материалами из Эски-Кермена заключается, впрочем, не столько в «выделении» и «регистрировании» определенных комплексов ра-

совых признаков («расовых типов»), сколько в исследовании истории, точнее — исторических возможностей их становления. Разрешение этой задачи мыслимо, естественно, лишь при исследовании большего количества *отдельных объектов*, различно датируемых. Пополнение костных материалов, относящихся к катакомбному периоду, выступает в свете этого условия как одна из особенно важ-

Рис. 3a.

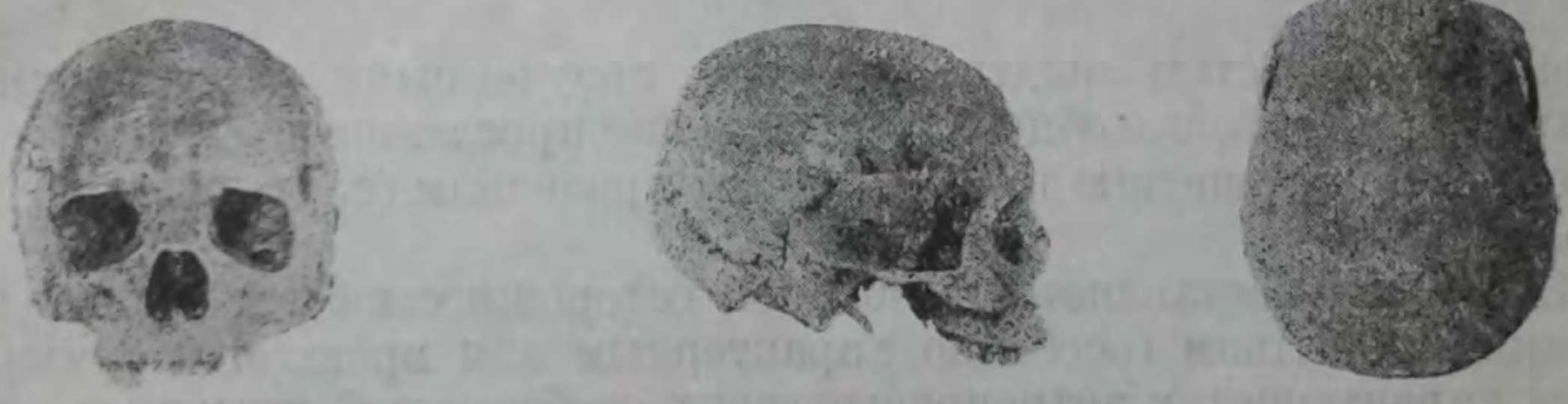

Рис. 3b.

Рис. 3c.

ных для антрополога задач при дальнейшей работе в Эски-Кермене.

Для наиболее полной картины исторического развития отдельных «расовых типов» применительно к населению Крыма весьма существенным является сравнение расовых особенностей ископаемых материалов с расовыми признаками, встречающимися у современного населения. Для разработки этого вопроса были организованы сборы антропологических материалов у современного населения в районе (пока) второй гряды Крымских гор. Кроме населения д. Черкес-Кермен, находящейся в непосредственной близости от Эски-Кермена, были произведены наблюдения в деревнях

Каралез, Ходжа-Сала, Таш-басты, Узенбаш, Ай-Тодор и Лаки (более 400 наблюдений). При этом с полной непреложностью выявилась чрезвычайно явственная географическая дифференциация характерных расовых особенностей (несмотря на исключительную смешанность расовых черт в целом). Отмечавшийся и ранее в литературе (Беседин и др.) факт выступающих иногда различий в расовых признаках населения даже отдельных деревень горного

Рис. 4.

Крыма полностью подтверждается полученными материалами. Характерно, что подобного рода явление прослеживается в первую очередь по отношению к рецессивным признакам (напр., светлоглазость).

Этот факт заставляет с особенной осторожностью относиться ко всяким попыткам (особенно характерным для прошлого) суммарных характеристик антропологических особенностей крымского на-

Рис. 5.

селения (Теребинская, [1] Носов [2] и др., не говоря уж о более ранних работах).

Следует отметить также, что вариабельность расовых особенностей современного населения еще значительно выше, чем в костных материалах из поздних усыпальниц. Выделение каких-либо «чистых» типов, хотя бы даже приблизительное, представляется здесь поэтому делом практически не осуществимым. Наоборот, широко дифференцированная изменчивость признаков, а особенно их

[1] Н. В. Теребинская-Шентер, Крымские татары, РАЖ, т. XVII, вып. 1—2.
[2] А. З. Носов, До антропології крымских татар, «Антропологія», 1928 г., т. II.

сочетаний, может проявляться в столь сильной степени, что при беглом знакомстве создается впечатление некоторого «псевдоединства» типа, впечатление «расового своеобразия». Изучение изменчивости отдельных признаков убеждает, однако, что стабилизации каких-либо новых «типов» мы здесь пока не имеем.

Варианты расовой изменчивости, выделенные на черепном материале, прослеживаются с достаточной отчетливостью и среди современного населения.

Для углубления разработки вопроса представлялось интересным подвергнуть антропологическому изучению потомков крымских переселенцев («готов») на побережьи Азовского моря. С этой целью была предпринята антропологическая поездка в Мариупольский округ УССР (с. Карань). Одной из задач этой поездки была проверка известных в литературе наблюдений Брауна [1] о локализации среди населения этого района светлопигментированного расового типа, названного им «готским».

Антропологические исследования в с. Карани обнаружили, что «светлый тип» Брауна встречается здесь лишь в качестве исключения и что расовые признаки проявляются здесь отнюдь не в менее «смешанном» виде, чем у крымского населения. Это обстоятельство позволяет думать, что широко распространенное предвзятое мнение о существовании «единого типа» крымских готов является голой фикцией, и происхождение такого мнения нужно отнести лишь за счет фантастических построений, навеянных индоевропеистской лингвистикой (представление о германском языке как языке «расовом»).

Задачей дальнейшего исследования вопроса являются сборы материалов по современному населению более обширного района. чем тот, который охвачен наблюдениями до сих пор.

---

[1] Ф. А. Браун, Мариупольские греки, «Живая старина», 1890 г.

Н. И. Репников

Подъемная дорога Эски-Кермена

(Извлечения из дневника зачисток 1928, 1929, 1931 и 1933 гг.)

Пути, шедшие к древнему городу из огибающих его ущелий, равно с юга из долины Шули через перевалы Кафка-богаз и Чилтерский, сходились в одной точке. Следы дорог отчетливо прослеживаются. По местам они замощены камнем, а в низких, топких участках проложены по специально насыпанным гатям.

Рис. 6. Нижний марш дороги, вид с севера.

Дороги сходятся у начала седловины, подводящей к юго-западной оконечности Эски-Кермена.

Помянутой седловиной проложена была широкая дорога, приводящая к подножью столовой горы древнего города. Только здесь конфигурация местности определила устройство колесного пути на плато. Последний был проложен тремя маршами по падению террасы склона врубной в камне дорогой. Эти марши зачи-

щены полностью в итоге работ 1931 и 1933 гг.[1] Рекогносцировочные работы по зачистке пещерных сооружений, находившихся на верхнем марше, равно и перед городскими воротами, велись уже в 1928, 1929 и 1930 гг.[2]

В момент начала зачисток дорога была присыпана по местам камнем и землей.[3] Напластование последней в отдельных участках достигало 1,50 м мощности, заключая немногочисленные фрагменты керамики и черепиц. Происхождением своим эта насыпь обязана натеку с господствующего над дорогой плато городища. Начальный

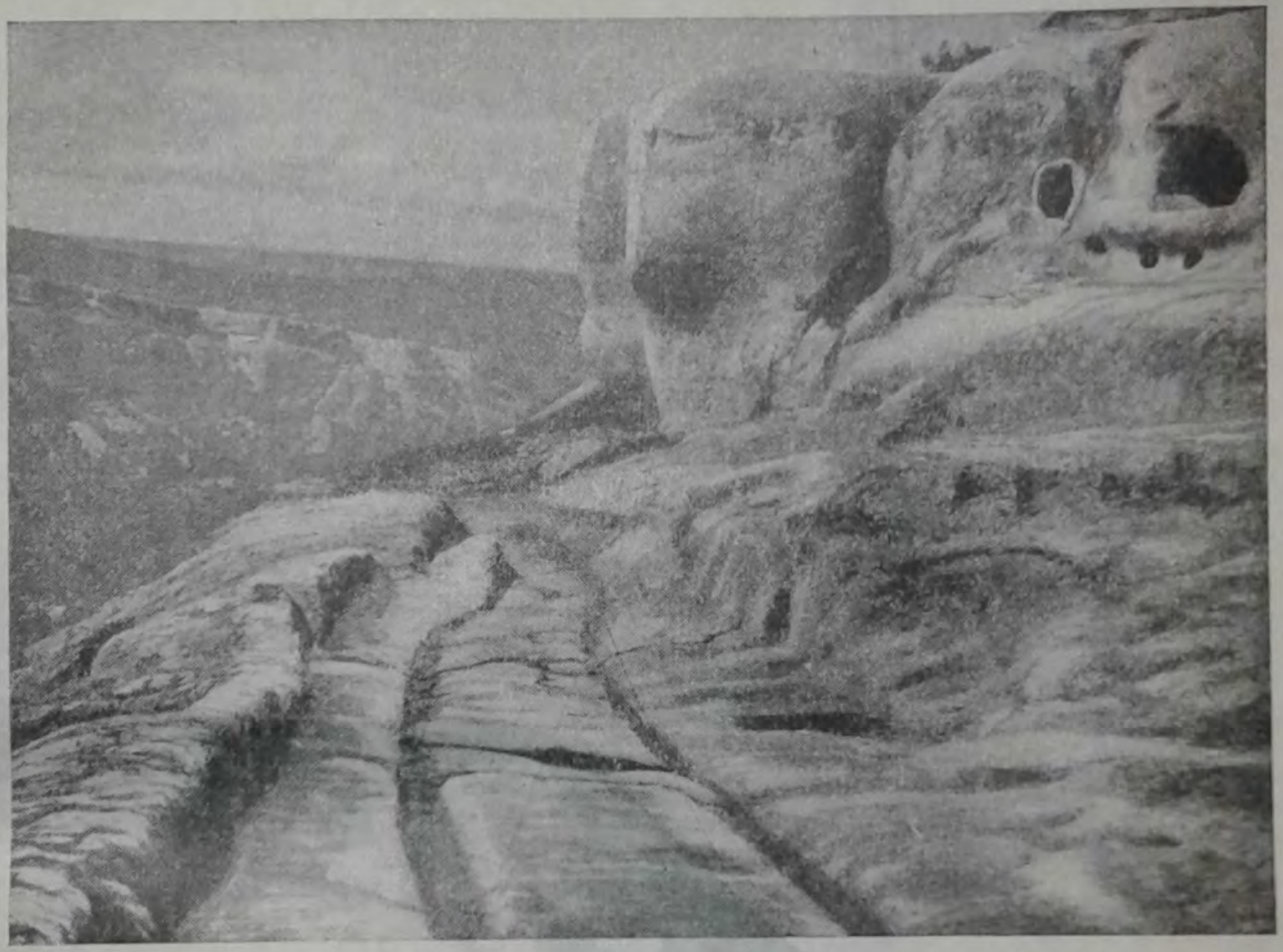

Рис. 7. Нижний марш дороги, вид с юга.

момент засорения приходится отнести ко времени запустения города в XIII — XIV вв. Нижний марш вырублен вдоль края основной скалистой террасы (рис. 6—7). Поднимаясь по нему вверх, дорога на поверхности скалы сохраняет следы колеи от колес повозок и выбоины от копыт лошадей. С правой стороны описываемого нижнего марша, по мере подъема в сторону обрыва, начинается вырубленный в камне парапет. В последнем имеются два разрыва-прохода, определяющих наличие пешеходных проходов в сторону обрыва.

---

[1] Н. И. Репников, Разведки древнего водопровода в Эски-Кермене в 1931 г. Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 11-12, стр. 65. Ср. «Проблемы истории материальной культуры», 1933 г., № 9-10, стр. 61.

[2] Готский сборник, стр. 118—124, 190—192.

[3] Там же, стр. 122, рис. 12.

Линия границы раскопа

I

140

38

103

33

32

34

102

36

37

98

B

A

Траншейная засыпка

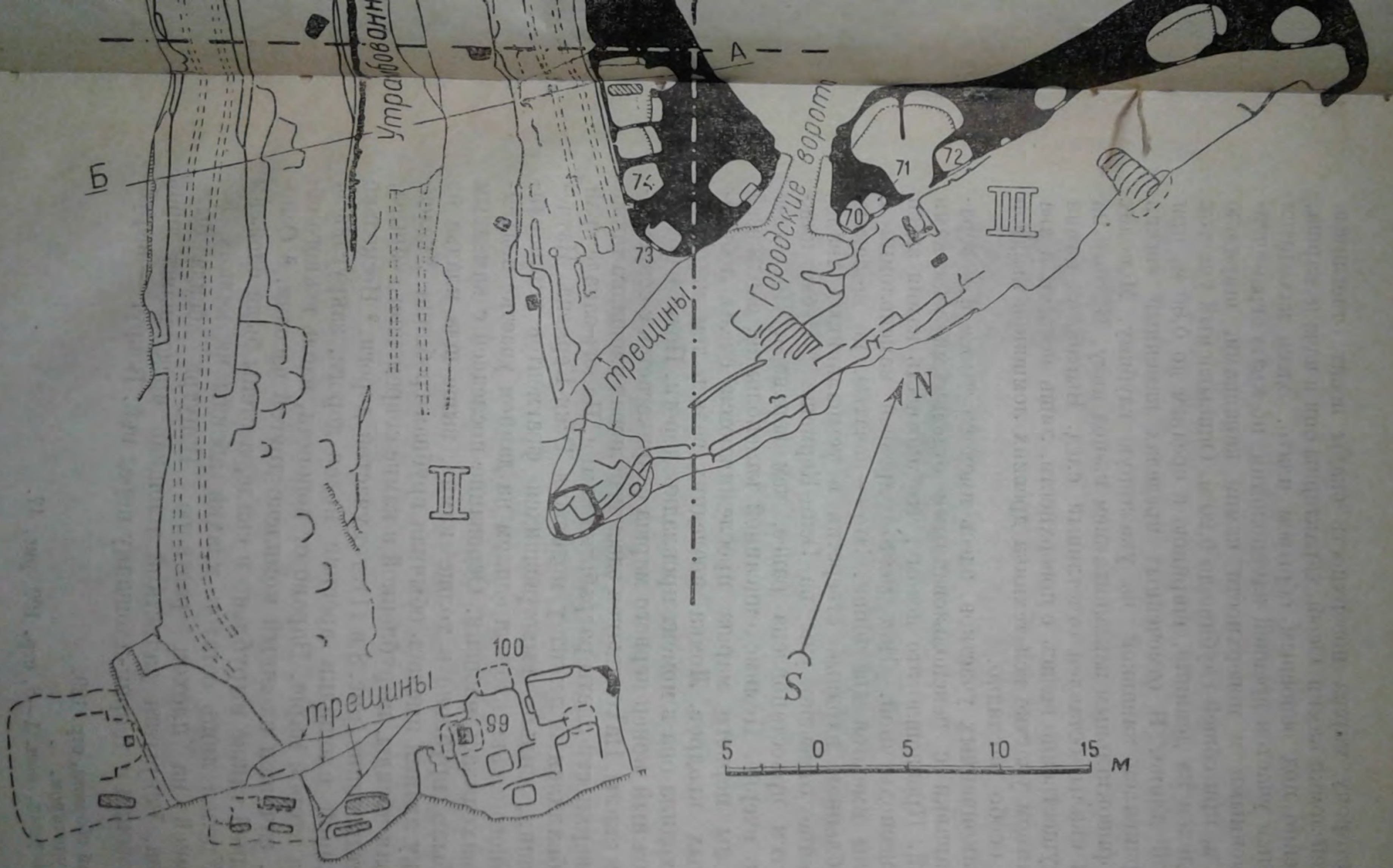

Рис. 8. Схема плана подъемно й дороги.

По левую сторону марша поверхность скалы носит отчетливые следы древней ломки камня. Особо характерны они в начале марша, непосредственно под основным обрывом плато. Здесь находится прямоугольный участок древней каменоломни, по краю ограниченный нарубленными в поверхности камня канавками, шириною 0,05 — 0,06 м, при общей глубине до 0,20 м. Описываемый участок выборки поделен на делянки, шириною в среднем до 0,80 м, при произвольной длине. В отмеченных пределах каменный массив квадра очерчивался канавкой на указанную глубину. Монолит отрывали горизонтальным заклиниванием из-под низу. В итоге на поверхности скалы оставлен отчетливый след. Выработка камня здесь преимущественно велась с поверхности, лишь местами в два слоя. На данном участке вся техника древних ломщиков квадров выясняется особо наглядно.

Помимо законченных участков, здесь имеются также и недоработанные канавки с неиспользованными отдельными участками поверхностей. Произошло это потому, что плотность камня здесь оказалась несподручной. Над местом древней каменоломни в обрыве скалы имеются две ниши. Это — начатые, но не законченные долблением входные отверстия в усыпальницы. Аналогичное явление отмечено уже на Эски-Кермене. [1] Рубка нижнего отверстия приостановлена ранее, чем верхнего. Последнее начато лишь вчерне. Помимо описанной каменоломни, вдоль всей левой стороны первого марша прослеживаются следы добывания каменных квадров. Ломка последних велась тем же приемом. Происходила она в момент прокладки дороги. Полого поднимающийся южный конец первого марша соприкасается с современным обрывом скалы. Находящаяся здесь небольшая площадка также носит на поверхности следы разработки камня. На юго-западе край площадки обвалился и лежит у подножья Эски-Кермена. Изучение рухнувших, сильно выветрившихся фрагментов устанавливает с несомненностью, что в прошлом на данном участке подъемной дороги находилась часовня. Основание последней с каменным престолом было врублено в толще камня, выше шла кладка из камней. Сбоку здания имелась обычная врубная гробница. Уцелевший след края абсиды, вырубленной в камне современного обрыва, локализирует на плане (рис. 8 и 11) этот участок дороги. [2] Несколько выше описанной площадки древняя колея дороги, закругляясь, переходит на второй марш. Вправо от поворота, вдоль южного обрыва скалы, зачищен сложный комплекс другой часовни. [3] Основание последней также вырублено в скале, а стены были сложены из камня. Уцелел лишь остаток кладки абсиды из мелких, неровных камней на плохом растворе. Изнутри абсида была оштукатурена. Вскрытая зачисткой площадь представляет лишь основание часовни и дворик-площадку перед ней. Вокруг — выруб-

[1] Ср. Готский сборник, стр. 129.
[2] Отмечен пунктиром.
[3] Готский сборник, вып. 1—8, стр. 190, рис. 47.

ные гробницы, а в толще скалы — пещеры и усыпальницы. Вырубка комплекса велась вертикальными кирковыми ударами, давшими сравнительно гладкую поверхность. К часовне через помянутый дворик с дороги ведет вырубная лесенка, с правой стороны которой в камне — вырубка для установки деревянной переборки. Ближе часовни высечена под обрез скалы *усыпальница № 100*. [1] Вход ее сильно разрушен обвалом скалы. Усыпальница — квадратной в плане формы, с округленными углами. Потолок пря-

Рис. 9. Разрезы подъемной дороги.

мой, уровень пола сильно понижен. Выборка в скале произведена частыми кирковыми ударами. Поверхность стен бугорчатая, неровная. Усыпальница доверху была засыпана землей и камнями. На полу ее лежал нетолстый (0,10 — 0,18 м) слой сильно истлевших костей. Вещей нет.

В описываемую часовню с запада вела дверь. Порог последней лесенкою в одну ступень вырублен в целом камне. Стены здания внутри были оштукатурены. Местами на стенах врубного основания от штукатурки сохранились остатки с примесью рубленой

[1] Нумерация погребений общая с момента начала работ на Эски-Кермене.

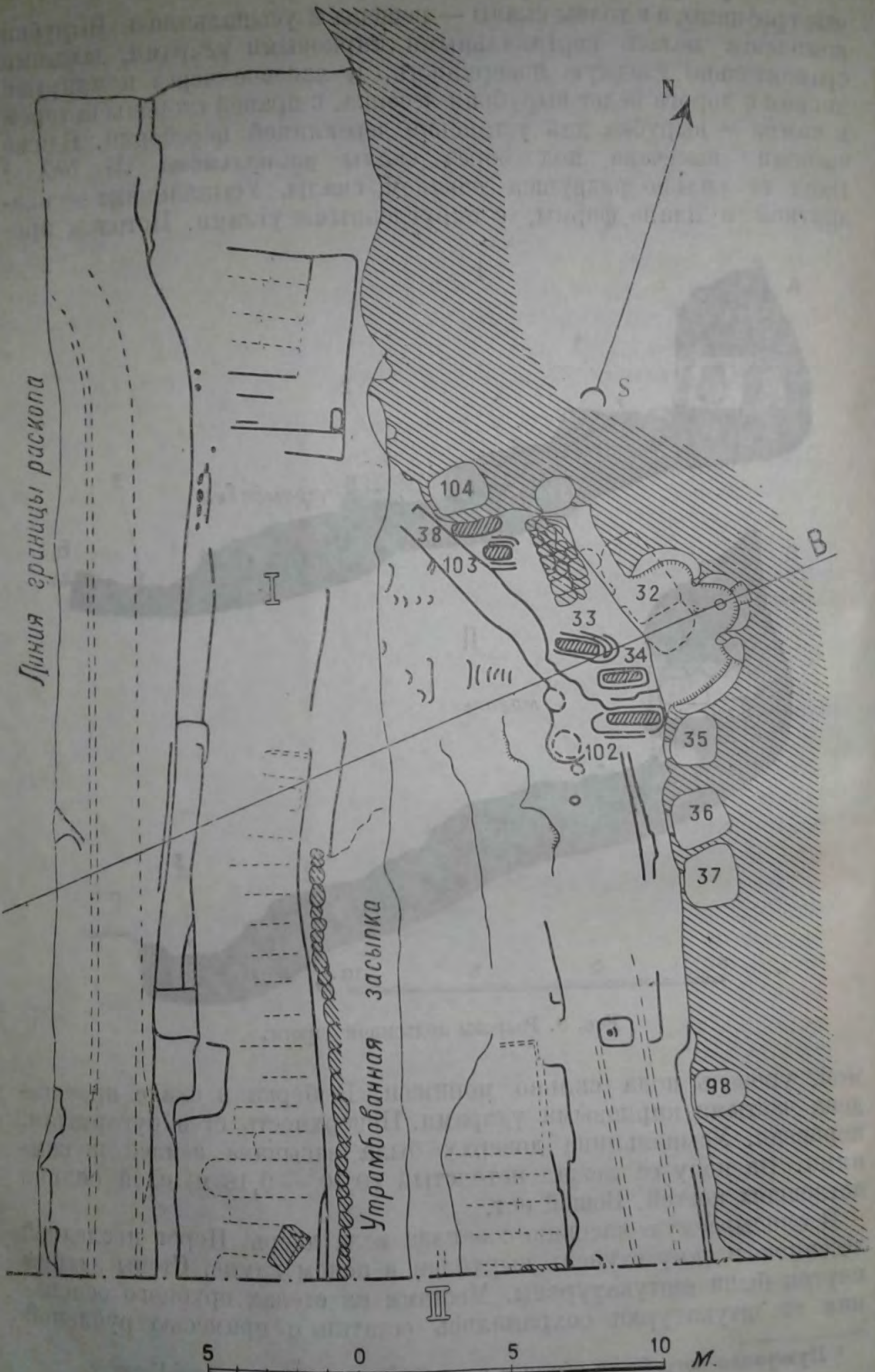

Рис. 10. Деталь плана северного участка дороги.

соломы для вязкости. Следов фресковой росписи по штукатурке не наблюдается. С наружной стороны северной стены часовни в поверхности скалы врублена неглубокая водоотводная канавка, огибающая здание в направлении его абсиды. От кладки основания стен, как уже отмечалось, сохранился лишь незначительный остаток. Внутри абсиды in situ — четырехугольное основание престола, вырубленное в камне. Южная стена часовни, состоявшая целиком из каменной кладки, снесена до основания. Под обрез края обрыва здесь вырублена пещера. Она выбрана в толще камня редкими, взаимно перекрещивающимися кирковыми ударами. Поверхность стен этой пещеры после тески не сглаживалась. Потолок ее слегка округляется, а дно по отношению к входу сильно углублено. Перед пещерой род небольшой выбранной в камне площадки. На поверхности последней три параллельных вырубки с поперечными углублениями для заклинивания концов деревянных брусьев — лежней навесной площадки, имевшейся здесь в древности.[1]

Вдоль самого края площадки по обрыву ряд симметрических гнезд для установки деревянных стояков перил. От описанной площадки к западу, вдоль края обрыва скалы, — неглубокая вырубка, заканчивающаяся неглубоким квадратным углублением. Последнее выбрано взаимно перекрещивающимися кирковыми ударами.

Впереди описанной часовни находится небольшой дворик. В поверхности камня здесь нарублена водоотводнканая авка и ряд квадратных и круглых углублений, возможно, для установки пифосов. В северо-западном углу описываемого дворика, у лесенки, на скале лежали, перекрывая друг друга, две тщательно тесанные плиты известняка. Они вплотную закрывали люк, ведущий в *усыпальницу № 99*. Последняя трапециевидной в плане формы, со слегка скругленными углами. Выбрана она в толще скалы взаимно перекрещивающимися кирковыми ударами, сравнительно тщательной работы внутри. Усыпальница не потревожена и не заключала вовсе натека земли. На подошве ее — немного сильно истлевших костей, сложенных в беспорядке. Среди костей — вырезанная из известняка модель часовенки со сквозным вертикальным отверстием. Западнее описанного комплекса на краю скалы — две обычных пустых вырубных гробницы. Вокруг последних в поверхности скалы водоотводные канавки. К западу, под обрывом, лежит обломок края скалы. На поверхности его еще три аналогичные вырубные гробницы.[2]

Второй марш дороги аналогичен первому. Его перекрывал нетолстый накат земли и камней, намытый с плато городища. В нем изредка встречались отдельные облицовочные блоки боевой стены и фрагменты черепиц. Вдоль левого края марша, в начале его, по местам сохранился парапет, вырубленный в камне.

---

[1] Ср. аналогичные конструкции: Готский сборник,, стр. 112 и 118.
[2] Рухнувшее на плане отмечено пунктиром.

На поверхности скалы в начале дороги также сохранились следы колеи от колес повозок и выбоины от копыт лошадей. С правой стороны описываемого марша поверхность склона скалы носит следы древней ломки камня. Здесь тоже выламывались квадры для городских построек. В средней своей части и на северном конце описываемый второй марш переходит в срубленную под углом в 45° наклонную поверхность скалы. Зачистка здесь выявила, что древняя вырубная дорога с парапетом и колеею от езды стесана преднамеренно. Разрушение здесь подъездного пути в город — полное, чему в значительной мере способствовало свойство самой скалы, на данном участке весьма рыхлой. Момент разрушения дороги естественнее всего связать со временем насильственного разрушения боевых сооружений Эски-Кермена. [1] В более позднюю эпоху жизни города дорогу починили. Разрушенную скалистую основу пути заменили трамбованной насыпью из отесков. Все сооружение со стороны падения склона над первым маршем закрепили опорной стенкой. Последняя сложена из сборных камней, положенных на вырубке-постели по бровке обрыва. Эта позднейшая вымостка дороги сохранилась не полностью. В северной своей части она сползла под скалистый обрыв. Прохождение ее здесь определяется наличием продолжения постелей опорной стенки.

Что касается первоначальной вырубной дороги, то она здесь стесана весьма основательно. Самый поворот с марша второго на третий также стесан почти без остатка.

Принимая во внимание направление скругляющейся колеи верхнего третьего марша, точку поворота естественнее всего помещать южнее нарубленной в камне лесенки. Последняя по поверхности камня вела врубными ступенями к комплексу пещерного храма с гробницами и усыпальницами.

Марш третий был присыпан более интенсивно накатом с плато. Среди камней, обнаруженных при его зачистке, найдены: плита с рельефным четырехконечным крестом, большой медный колокольчик с железным языком, 2 костяных наконечника стрел, немногочисленная керамика и фрагменты черепиц. Третий марш дороги, следуя изгибу плато, приводит к городским воротам. К северу от уничтоженного стескою места поворота со второго марша на третий находится под обрывом скалы плато упомянутый уже комплекс большого пещерного храма с усыпальницами и вырубными гробницами. [2] Со скалистой площадки из-под обрыва в пещерный храм ведет лесенка, сложенная из камней насухо на земле. В кладке этой лестницы находятся части облицовочных блоков боевой городской стены. Последнее обстоятельство датирует сооружение самой лестницы временем после разрушения обороны Эски-Кермена. Над лестницею в обрезе скалы неглубокая, тщательно выбранная ниша: Подъем к пещерному храму упирается в угол скалы, отсюда поворачивает вдоль вырубленного карниза, приводящего

[1] Готский сборник, стр. 117, 131, 136, 139, 140, 201, 209.
[2] Готский сборник, стр. 118.

к храму. Над поворотом в обрыве скалы вырублена пещера с широким входом, на лицевой стороне которого имеется глубокий водоотлив. Сама пещера овальной в плане формы, с скругленным потолком. Выбрана она в толще скалы широкими, взаимно перекрещивающимися кирковыми ударами, поверх которых поверхность стен дополнительно не сглаживалась. От этой пещеры тропа-проход приводит к храму. У обрыва скалы, над проходом, оставлен неширокий приступок — род завалинки для сидения. С западной стороны храм раскрыт во всю ширину, оставлены только неширокие заплечики с боков. Наличие пазов и гнезд для балок по линии наружного обреза поверхности скалы (западной части храма) указывает, что стена здесь была деревянная в виде переборки, в которой находились окна, освещавшие храм, а в загибе северного конца переборки была устроена дверная коробка. [1] Пещерный храм вырублен довольно тщательно. Стены его сохранили следы взаимно перекрещивающихся частых кирковых ударов, поверх которых в частях абсиды они подверглись дополнительной обработке «зубаткою». Потолок слабо бугорчатой поверхности. Пол неровный, сильно вытертый. Восточная часть храма образована тремя полукружьями. На высоте одной трети от пола, вдоль боковых полукружий, оставлен род выступов — завалинок для сидения. В абсиде такой же выступ, но он выше боковых. В глубине абсиды над ним выбрана неглубокая, сужающаяся вверху ниша, с боков которой выбрано по гнезду, а в основании имеется квадратное углубление. У стены под нишей на уровне пола оставлен невысокий приступок с прямоугольным углублением. Посредине пола абсиды — неглубокая прямоугольная выемка с закрайком (для основания престола), налево от которого небольшой приступок. Вдоль северной стороны абсиды, по полу храма, к западному обрыву идет неширокий, прорубленный в камне каналец для стока воды, которая могла затекать в храм по поверхности скалы сверху. Абсида отделяется от боковых закруглений стен храма нетолстыми простенками, поднимающимися к потолку. Над абсидой простенок скругляется своеобразным карнизиком. В толще лицевой стороны последнего — глубокая выемка для деревянной переборки иконостаса. В толще правого простенка — прямоугольные гнезда, в которые были вставлены балки тябл иконостаса. В полу, в соответствии с описанным, — слабые следы гнезд для установки деревянных частей иконостаса, а в потолке пять прямоугольных выемок, куда вгонялись концы деревянных стояков того же иконостаса. На южной выгнутой стене пещерного храма, в толще скалы, примыкая к абсиде, над скамьею — повышенная выборка с закрайком, быть может, жертвенник. Низ его в толще скалы до уровня пола имеет неглубокую корытообразную выборку. В той же южной стене, у за-

---

[1] Ср. аналогичную конструкцию Успенского пещерного храма на рисунке Кюгельгена 1823 г. — Ю. А. Кулаковский, Прошлое Тавриды, Киев, 1914 г., стр. 72.

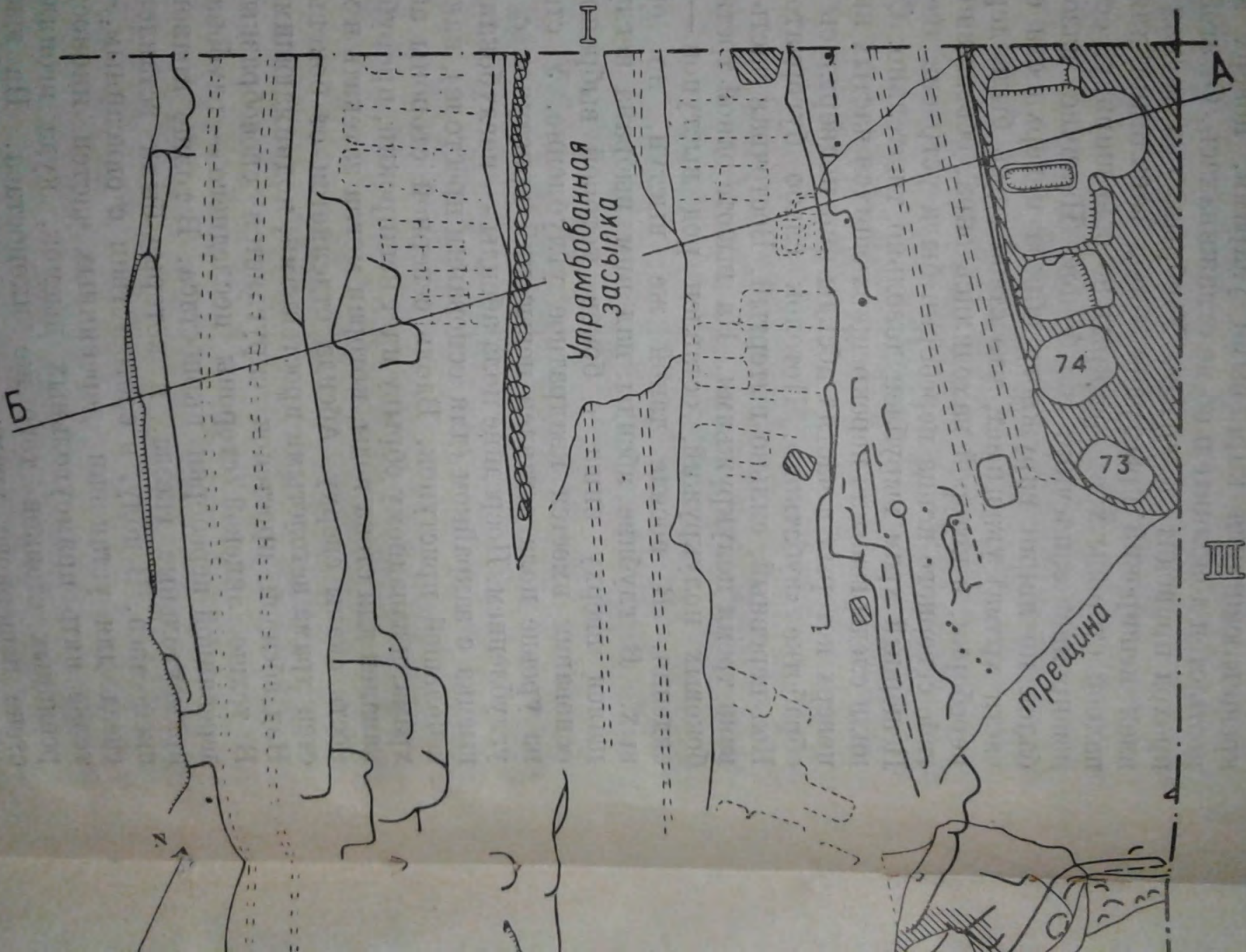
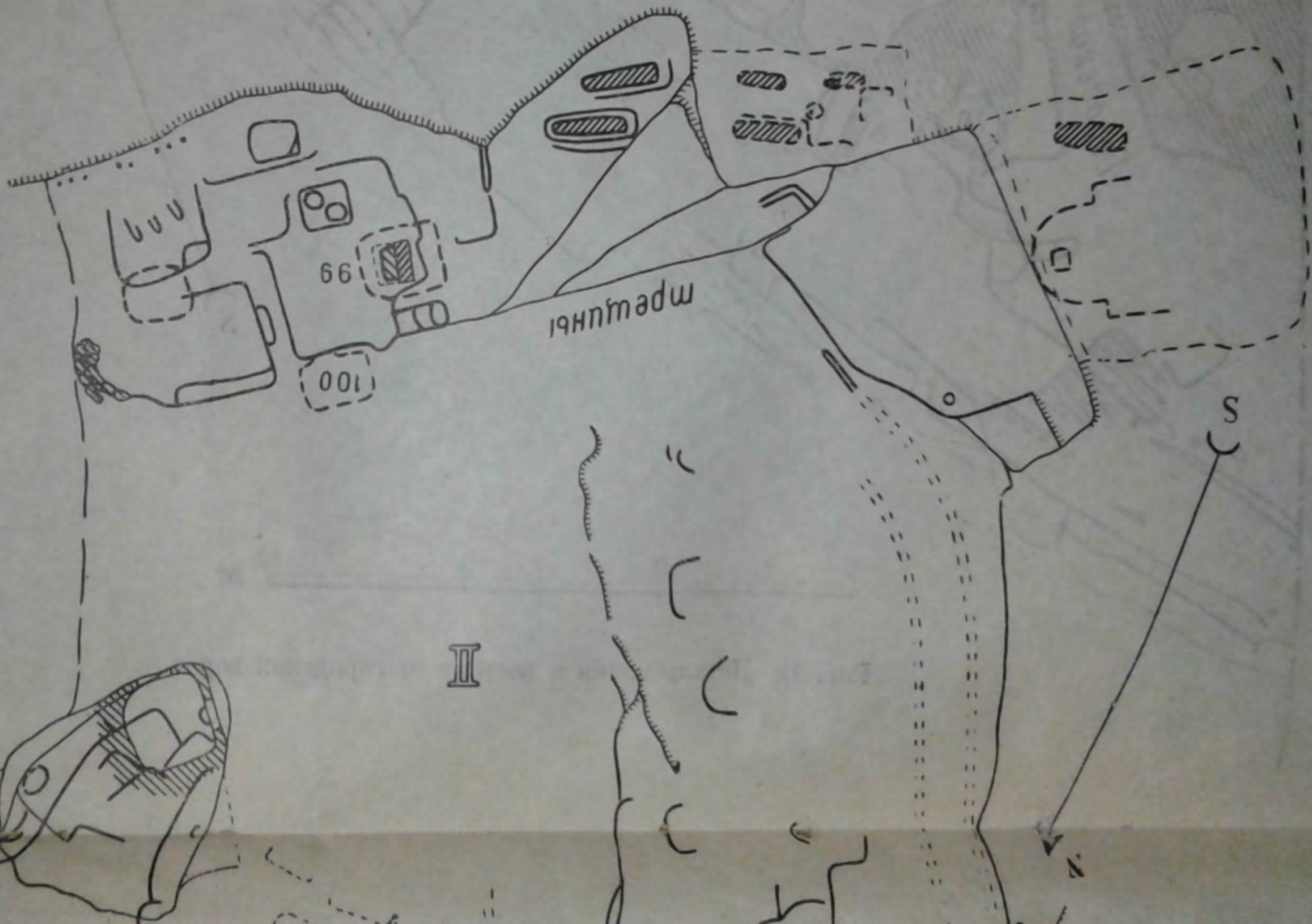

I
II
III
А
Б
Утрамбованная засыпка
74
73
трещина

Рис. 11. Детали плана ложного участка дороги.

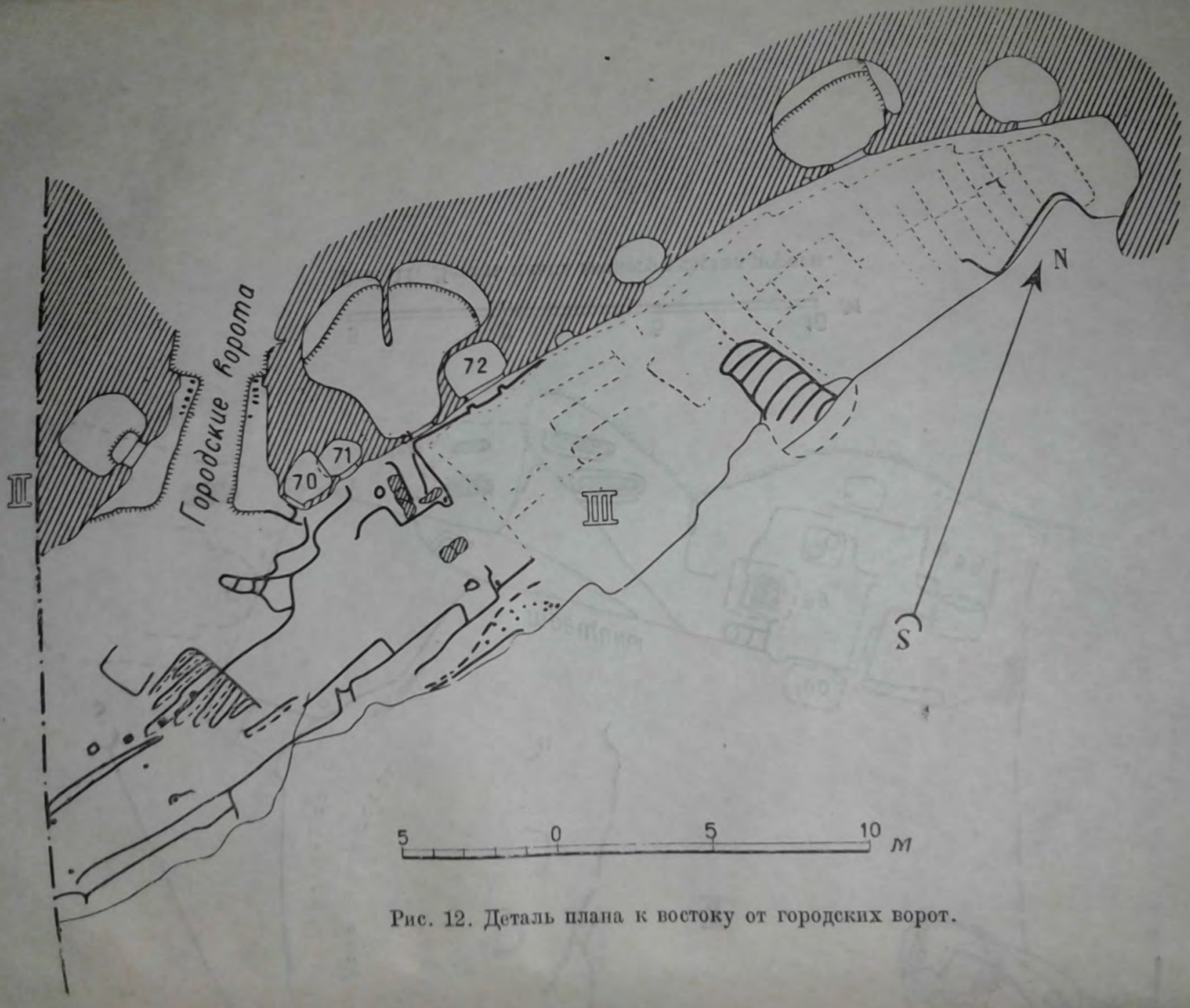

Рис. 12. Деталь плана к востоку от городских ворот.

крайка храма, над скамьею, выбрана в толще стены продолговатая невысокая ниша, верхняя часть которой сливается с потолком. Под пещерным храмом расследована *усыпальница № 32* вытянутой овальной формы. Потолок скругленный. Пол в южной части углубленный прямоугольной выемкой во всю ширину усыпальницы. Стены тщательно выбраны кирковыми ударами. В усыпальницу ведут два круглых отверстия — входа. На полу в куче — перерытые кости хорошей сохранности, слоем до 0,20 м мощности; среди костей найдены: браслет синего стекла, три медных браслета (один из круглой, остальные из слегка сплюснутой проволоки) и медная пуговка (литой шарик с плоской петелькой).

Рис. 13. Комплекс оснований вырубного храма, вид с юга.

К югу от описанной усыпальницы, в обрыве скалы раскопаны еще три аналогичных сооружения. *Усыпальница № 35*. Отверстие в нее грубо вырублено над выступом-порогом, выбранным в камне. Входное отверстие не имеет углубленных закрайков для установки плиты заклада. При наличии помянутого порога плита заклада удобно могла закрывать усыпальницу. До момента раскопок отверстие было засыпано сплошь накатом земли сверху. Усыпальница вытянутой формы, с скругленными углами, потолок наклонный в северную сторону. Стены и потолок тщательной работы частыми кирковыми ударами. На дне усыпальницы — мощный, до 0,40 м, слой костей хорошей сохранности, лежавших в беспорядке. Среди

них найдены: четыре синих стеклянных браслета, три медных браслета и медное колечко.

Еще южнее вдоль обрыва расследована *усыпальница № 36*. Отверстие прямоугольной формы, с скругленными углами совершенно засыпано накатом земли. Усыпальница — прямоугольной в плане формы, с снижающимся к западной стенке потолком, тщательной работы. Выборка произведена частыми кирковыми ударами. Поверхность стен слегка бугорчатая. В усыпальнице колоссальное количество костей хорошей сохранности, лежавших в беспорядке, пластом до 0,80 м мощности. Среди костей ничего не найдено. На-

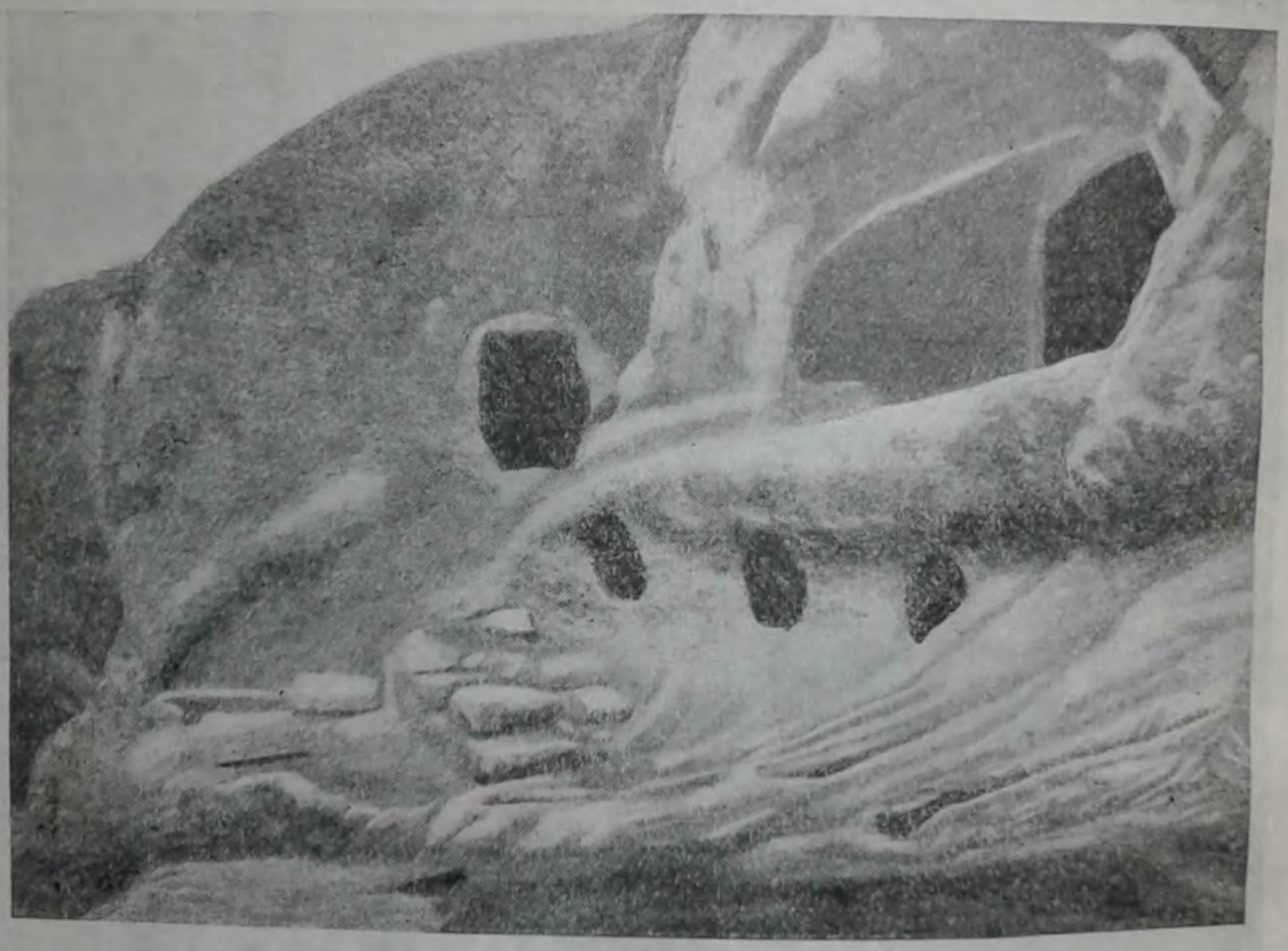

Рис. 14. Пещерный храм у поворота дороги.

конец, далее к югу вдоль обрыва скалы расследована еще одна *усыпальница № 37*, тожественной формы и работы с предыдущей. Отличие ее составляет лишь небольшая вырубка на уровне пола — приступок, ступенька, ведущая в усыпальницу из входного отверстия, которое находится на значительной высоте от уровня пола. В ней среди громадного количества костей хорошей сохранности, лежавших в беспорядке, пластом до 0,85 м мощности, найден фрагмент резного костяного гребня.

На скалистой площадке впереди описанного пещерного храма с усыпальницами раскопано пять вырубных гробниц. *Гробница № 33*, — прямоугольная, расширяющаяся в нижней части, тщательной работы внутри. По верхнему краю ее оставлен заплечик для плиты покрытия, которая отсутствовала. В гробнице переме-

шанные, разбитые кости нескольких остовов хорошей сохранности, лежавших один на другом, головами на З. Среди костей найден миниатюрный железный крестик.

Гробница № 34 — скругленной в углах формы, посредственной работы внутри. По верхнему краю ее оставлен заплечик. Плита покрытия отсутствовала. Гробница полна перемешанными, потревоженными костями хорошей сохранности, среди которых найдены серебряное проволочное колечко и две медные пуговки.

Гробница № 102 — аналогичная по своему устройству с соседними. Плита покрытия отсутствует, лишь в восточном конце со-

Рис. 15. Вырубные гробницы у начала марша третьего.

хранился небольшой обломок его. В гробнице немного перерытых костей средней сохранности. Вещей нет.

Гробница № 103 — детская, без покрытия, старательно вырубленная. Заключала немного сильно истлевших, перерытых детских костей. Вещей нет.

Гробница № 38 — овальной по углам формы, тщательной работы внутри. По краю гробницы неширокий водоотлив-канальчик. Восточная половина гробницы покрыта прямоугольным обломком плиты известняка, составлявшим половину ее покрытия. В гробнице — перемешанные кости, несколько остовов хорошей сохранности, лежавших головами на З. Вещей нет. Из гробницы пробоина в *усыпальницу № 104*. Последняя — в обрыве скалы обычного типа. На дне немного перерытых костей средней сохран-

ности. Среди них обломок ножки стеклянного стаканчика обычного для Эски-Кермена типа [1] и черепок поливного сосуда, попавшие в усыпальницу случайно.

Ясные следы третьего марша подъемной дороги прослеживаются несколько южнее усыпальницы № 37. Отсюда на поверхности скалы, непосредственно под обрывом, идет дорога, приводящая к городским воротам. Наезженные колеи от колес и выбоины от копыт лошадей здесь весьма отчетливы. [2] Вдоль гребня правой стороны третьего марша зачистки выявили сплошную линию вырубок постелей — основания боевой стены. Это передовая стена «протехизмы», снесенная до основания. Соображения о характере «протехизмы» и верхней части третьего марша дороги, являющейся своеобразным периболом, уже высказывались. [3]

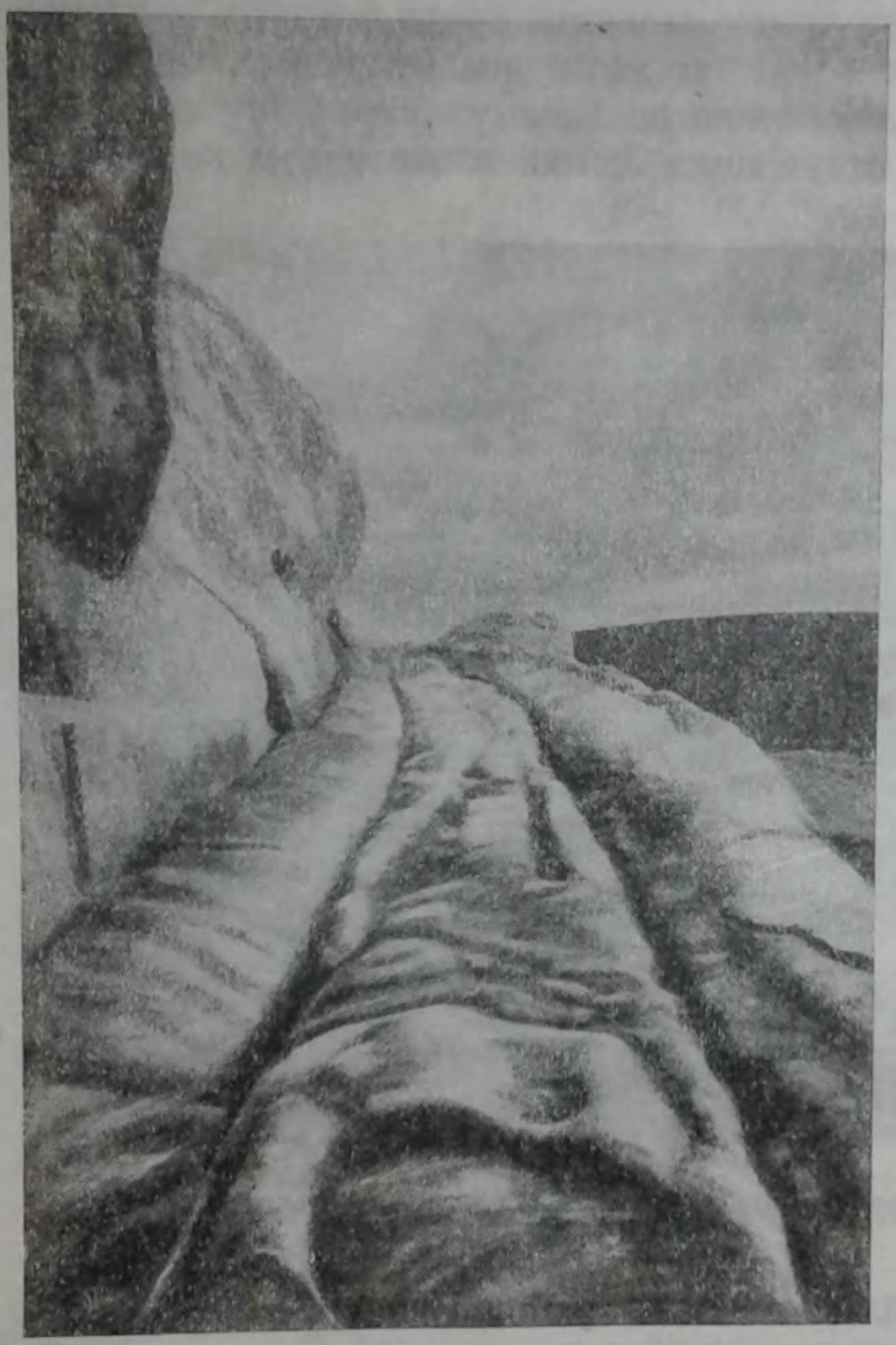

Рис. 16. Общий вид третьего марша с севера на юг.

По ходу третьего марша, против усыпальницы № 74 линию постелей «протехизмы» перерезывает вырубленный в камне порог. К нему с марша второго по склону ведут наруб-
ленные ступеньки. С несомненностью устанавливается, что здесь имелась калитка. Она запиралась дверью, вращавшейся в гнезде, вырубленном в каменном пороге. Несколько дальше по ходу марша к воротам, между передовой стеной и массивом плато, в так наз. периболе, имелся около усыпальницы № 73 род передовых

---

[1] Готский сборник, стр. 169, рис. 36.
[2] Там же, стр. 190, рис. 48.
[3] Там же, стр. 192.

ворот — запора. Здесь на поверхности обрыва скалы отчетливо сохранились пазы, гнезда и вырубки, с бесспорностью устанавливающие наличие запоров.

Далее к югу по ходу третьего марша линия вырубок-постелей огибает по бровке выступ скалы, господствующий над началом второго марша. Постели точно определяют линию прохождения здесь «протехизмы». В основании помянутого выступа на уровне второго марша вырублена небольшая пещера с двумя входами в нее. По левую сторону третьего марша дороги в основании обрыва

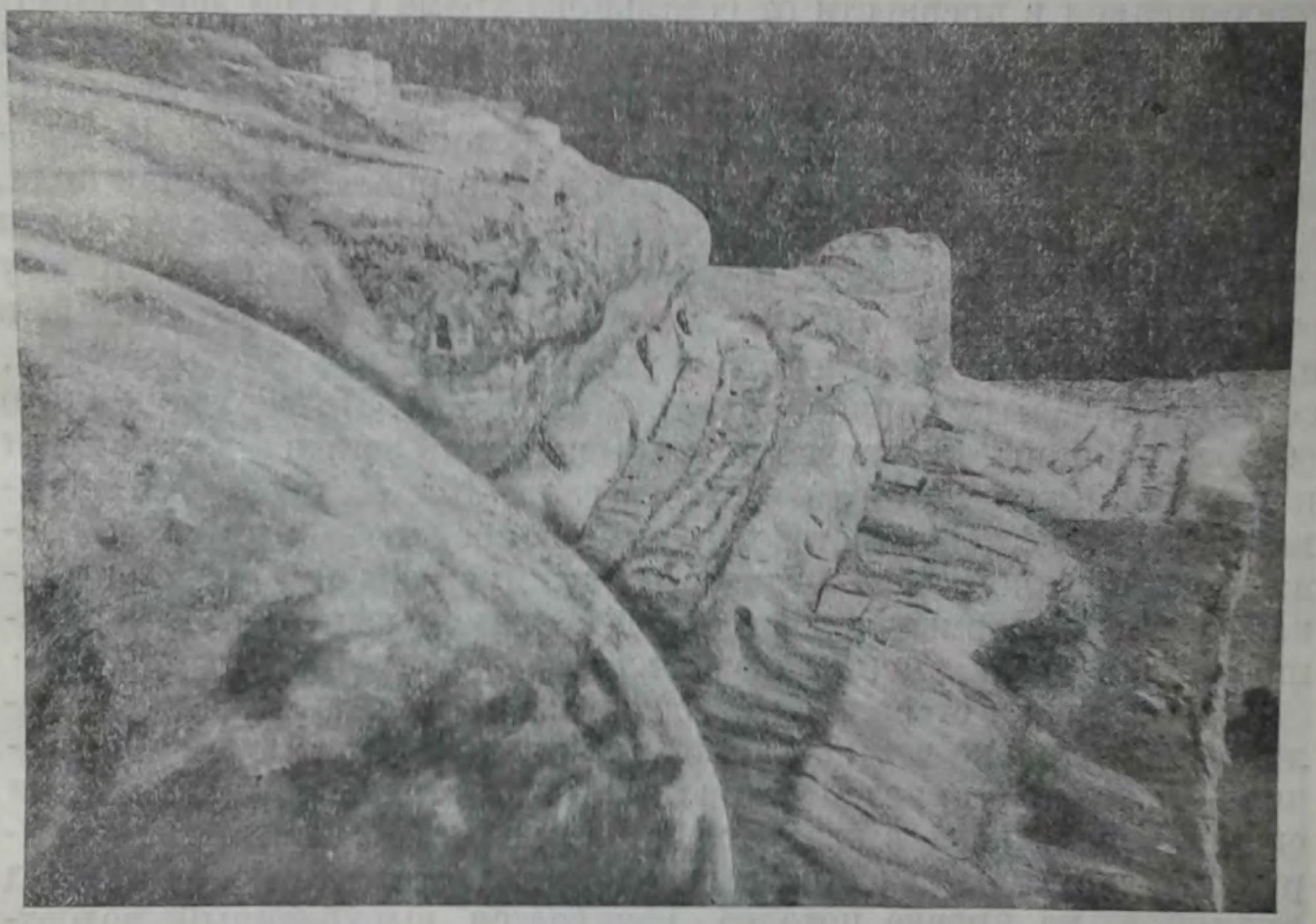

Рис. 17. Общий вид на три марша дороги с севера.

скалы вырублен жолоб для отвода дождевых вод. В самом обрыве вырублен ряд усыпальниц и пещер.

Усыпальница № 98 — с обвалившимся, сильно выветрившимся отверстием входа. Усыпальница — вытянутой неправильной формы, с скругленными углами и сильно пониженным дном. Потолок — снижающийся к задней стене. Выбрана усыпальница в толще скалы редкими продольными кирковыми ударами. Вдоль длинных сторон ее идет выступающий закраек, который мог перекрываться досками. Наличие последних в виде обломков дерева и истлевших сосновых досок констатировано в момент раскопок. Усыпальница почти доверху была забросана камнями. На дне — мощный (до 0,30 м) слой сильно истлевших костей, сложенных в беспорядке.

Далее по направлению к воротам в обрыве находится пещер-

ный храм.[1] С запада в него вела дверь, сильно разрушенная. Сохранились порог и основание дверного проема со следами неглубоких пазов для вставки деревянных частей дверной коробки. Выше этих остатков значительная часть западной наружной стены храма выбита. Разрушению этому способствовали оконные отверстия, одно или два. Следов их не сохранилось, но наличие в древности несомненно. Выработка стен храма тщательная, частыми продольными кирковыми ударами, поверх которых в абсиде сглажена дополнительной стескою. Потолок слабо бугорчатой поверхности. Против входа — широкая и глубокая абсида, отделявшаяся в древности от остального храма стеной деревянного иконостаса. Сохранились следы двух пазов для установки брусьев переборок на поверхности стены под потолком. В глубине алтарного полукружья — опрокинутый четырехугольный престол. В древности он был вытесан вместе с храмом и возвышался из толщи пола, составляя с последним одно целое. Ныне он отбит, но след связи отчетливо виден на полу. Верхняя часть престола сбита. К югу от алтарного полукружья в полу вырублена прямоугольная в плане гробница с скругленными углами, хорошей работы внутри, со следами частых кирковых ударов на стенах. По верхнему краю обреза гробницы, на уровне пола, — широкий закраек для вставки плиты покрытия, которая отсутствовала. Костей гробница не заключала. В восточной стене, к югу от абсиды, — неширокая лежанка. В южной стене — дверь в смежную пещеру, трапециевидной в плане формы, тожественной с храмом вырубки. В основании порога двери имеется ступенька.

Вся восточная стена этой второй пещеры занята лежанкой, аналогичной с только что описанной. В западной стене этого помещения — окно полукруглой формы внутри, снаружи, на поверхности скалы, переходящее в квадрат. В северной стене самого храма вырублена широкая лежанка с изголовьем в восточном конце. Над лежанкой, на уровне потолка, начинается вырубленный водоотлив, который, спускаясь, идет по поверхности стены к порогу двери, где упирается в своеобразный приемник для стока воды, попадавшей в пещерный храм сверху, по поверхности скалы. Этот приемник вырублен в полу, подковообразной формы, прорезан сетью канальцев, которые направляются к пробитому в толще порога отверстию. Через него вода выводилась к стоку — жолобу, проходившему в основании обрыва скалы. Далее на подъеме находятся две усыпальницы.

Усыпальница № 7-1 — отверстие входа вверху слегка скругляется, в основании его — приступок. Усыпальница квадратной, слегка скругляющейся в плане формы. Она выбрана в скале частыми кирковыми ударами, работа тщательная. Потолок — снижающийся к западной стене. Дно значительно углублено от порога дверного проема. Над полом в толще скалы выбрана сту-

---

[1] Готский сборник, стр. 119—120, рис. 10.

пенька. Дно покрывали перерытые, смешанные с землей кости средней сохранности, лежавшие пластом до 0,25 м мощности. Среди них найдены: браслет медный пластинчатый (концы слегка расплющены), обломки медного браслета и деревянного гребня, обычного для Эски-Кермена вида. В усыпальнице же найдены фрагменты красноглиняного кувшинчика, повидимому, случайно в нее попавшие.

Усыпальница № 73 — обычного типа. Входное отверстие без закрайка для плиты заклада. Усыпальница — вытянутой овальной

Рис. 18. Закругление третьего марша дороги у усыпальницы № 73.

в плане формы. Потолок снижается к западной стене. Помещение выбрано в толще скалы мелкими кирковыми ударами, тщательной работы. На дне усыпальницы — перерытый пласт костей средней сохранности, мощностью до 0,25 м. Среди них найдены: обрывок льняной материи, прошитый по краю, обломок круглого стеклянного браслета синего цвета и два обломка деревянных гребней.

Еще далее, непосредственно у городских ворот, очищена от камней пещера. Она выбрана в толще скалы редкими взмахами кирки. Верхняя часть ее со стороны входа и верх последнего выломаны. Пещера почти квадратная в плане с скругляющимися углами. Вход сохранился лишь в нижней части. Это неширокая дверь, с порога которой две ступеньки приводят в пещеру. В поверхности верхней ступеньки — два прямоугольных гнезда для деревянных

косяков дверной коробки. Потолок пещеры слабо бугорчатой поверхности. В неровном полу вдоль юго-западной стены — выборка, и аналогичная выборка — у порога. У западной стены в полу прямоугольное гнездо для деревянного стояка, упиравшегося в потолок, где имеется также след гнезда.

Впереди городских ворот [1] по южному краю скалистой площадки перибол расширяется. На бровке скалы раскопки обнаружили также линию постелей. [2] Она проходит в направлении к востоку, упираясь в основание скалистого выступа плато. Проходившая по линии постелей кладка «протехизмы» снесена без остатка.

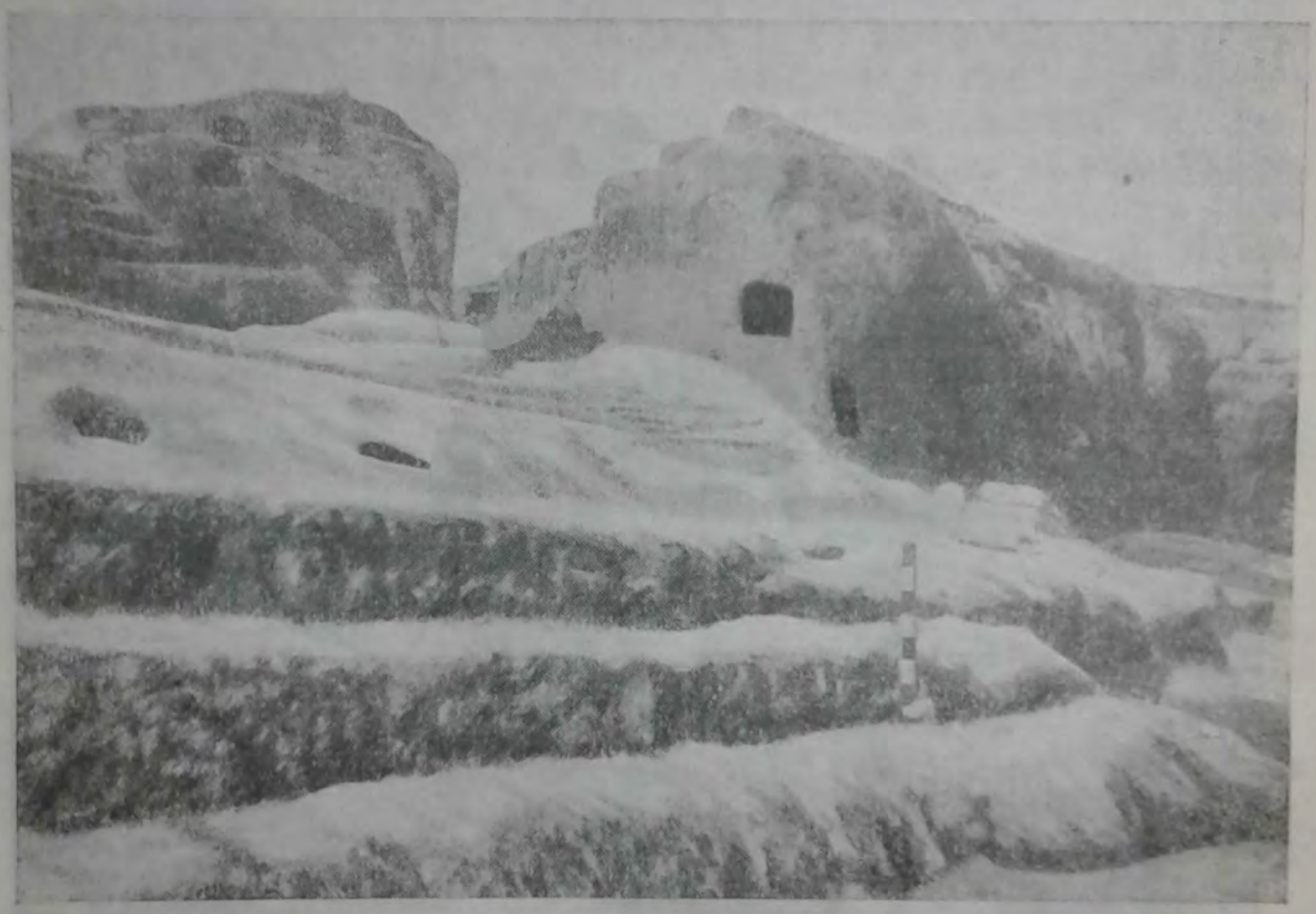

Рис. 19. «Постели» кладки стены впереди городских ворот.

Зачистка перибола и протехизмы обнаружила на поверхности скалистой площадки впереди ворот и ряда пещерных сооружений, вырубленных под так наз. «судилищем», [3] ряд вырубок. Последние разновременны. В восточной половине перибола имеются следы того, что здесь выламывались каменные квадры. Ломка их велась аналогичным с описанным уже приемом. [4] По времени она относится к моменту устройства перибола. Вторые вырубки относятся ко времени после разрушения обороны города [5] и снесения линии «протехизмы».

---

[1] Готский сборник, стр. 123, рис. 13; стр. 191—193.
[2] Там же, стр. 191, рис. 49.
[3] Там же, стр. 124—127.
[4] Ср. выше описание следов ломок на подъемной дороге.
[5] Ср. Готский сборник, стр. 117, 131, 136, 139—140, 201, 209.

Впереди ворот через линию постелей нарубили лесенку для всхода скота. В восточной части линию снесенной «протехизмы» перере-

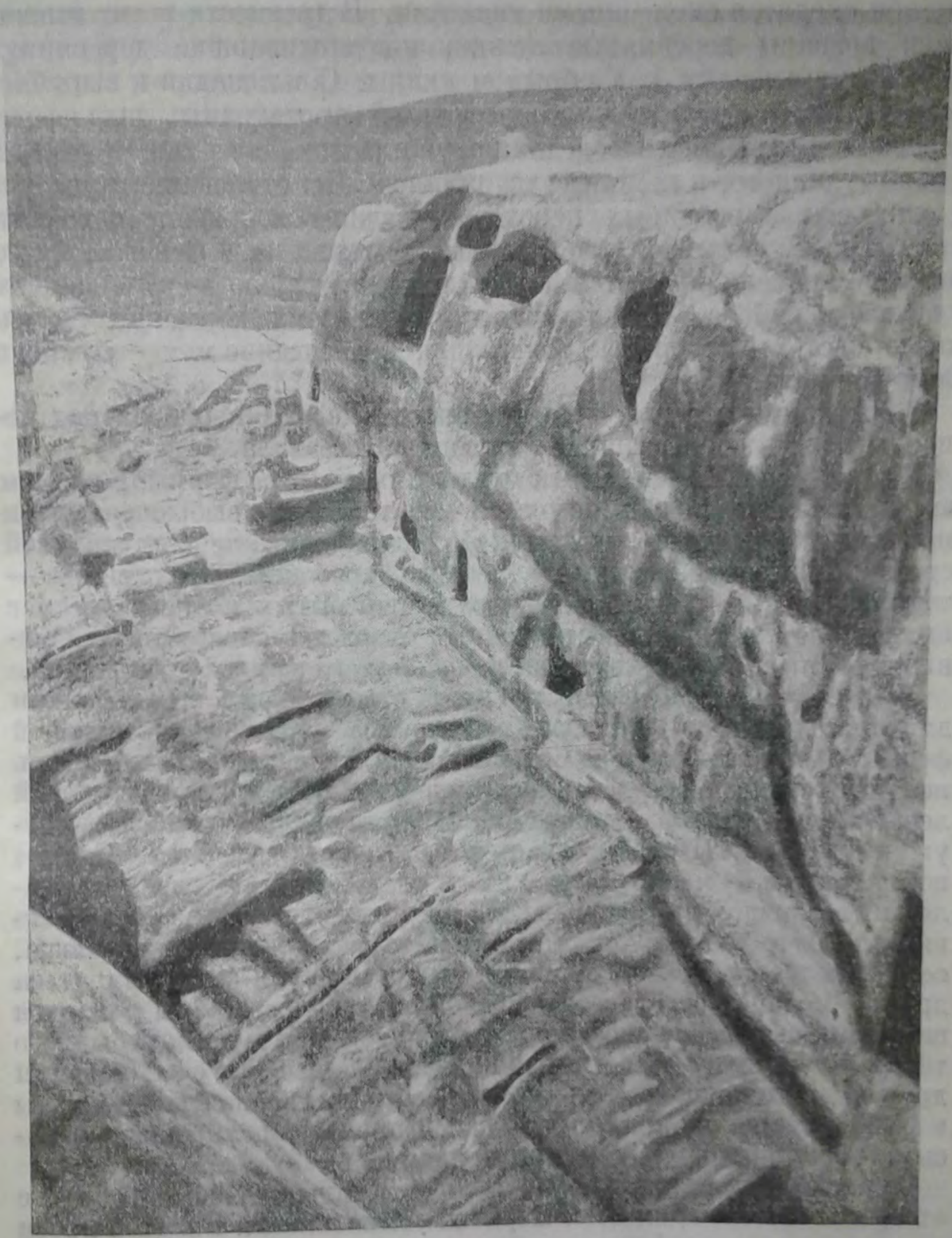

Рис. 20. Восточный участок «перибола», вид с востока.

зывает врубленная в толщу площадки лесенка в семь ступеней. Назначение ее устанавливается с несомненностью. Как раз в одной оси с описываемой лесенкой лежит дверной проем пещерки с выруб-

ными гробницами перед часовенкой комплекса «судилища». [1] В сторону обрыва в основании порог дверного проема в толще камня прорезан выемками, взаимно друг друга пересекающими. Концы выемок сходятся скошенными гнездами. В древности в эти выемки были вогнаны деревянные лежни, поддерживавшие деревянную навесную площадку над обрывом скалы. С площадки к вырубной лесенке, перерезывающей линию постелей «протехизмы», шла сверху деревянная лестница. Последняя служила дополнительным входом, помимо главного, в комплекс «судилища». Некоторое представление о навесных деревянных переходах, ведших в поздние пещерные храмы, дает указанный уже рисунок Кюгельгена. [2] Столь же поздними по времени являются и остальные вырубки в скале данного участка перибола. Это гнезда для установки деревянных стояков — системы загородок, возникших в последние моменты жизни Эски-Кермена.

В основании массива плато данного участка перибола ряд пещерных сооружений защищен от камней и завала. [3]

Усыпальница № 70 — почти квадратной в плане формы, с низким входным отверстием обычного типа. Она тщательно выбрана частыми мелкими кирковыми ударами. Потолок снижается к западной стенке. В западной стене две поздних пробоины. На подошве — тонкий, до 0,10 м, слой перебитых и перерытых костей. Вместе с ними: обломки круглых стеклянных браслетов синего цвета и миниатюрная серебряная пуговка в виде полого шарика с петелькой.

Усыпальница № 71. Отверстие входа с закрайком в верхней части для установки плиты заклада. Усыпальница — растянутой овальной формы. Потолок — сильно снижающийся к западной стенке. Вдоль нее, несколько возвышаясь над полом, оставлен род неширокой лежанки, выбранной в толще скалы перекрещивающимися кирковыми ударами. Поверхность стен неровная, бугорчатая. На дне усыпальницы — мощный, до 0,35 м, слой костей хорошей сохранности, лежавших в беспорядке. Среди них найдено: три бусы стеклянных (из них две крупных белого цвета), четыре височных кольца, согнутых из серебряной проволоки (концы слегка заходят друг на друга), кольцо, согнутое из медной проволоки (концы сходятся впритык), два гребня деревянных, четыре медных пуговки обычного типа, браслет детский, согнутый из медной проволоки с заходящими друг на друга концами, колечко медное (концы проволоки сомкнуты и гладко сварены), колечко из медной проволоки, украшенной косыми насечками, с сомкнутыми концами.

Рядом с усыпальницей № 71 в обрезе скалы расчищено входное отверстие обычной для Эски-Кермена усыпальницы. Входной проем ее оказался в нижней части увеличенным раздолбкою скалы. Образован большой дверной проем, на пороге и на притолке которого —

---

[1] Готский сборник, стр. 126.
[2] Ю. А. Кулаковский, ук. соч., стр. 72.
[3] Готский сборник, стр. 128.

следы гнезд для установки деревянных частей дверной коробки. На левом косяке в средней части — углубление в скале для засова. Порог повышен над уровнем пола. Сама усыпальница разработана в весьма значительную пещеру. Она неправильной в плане формы, с выгибающимися стенами. Перегородка, вырубленная в толще камня, перпендикулярная задней стене, делит ее на две части. Выбрана пещера вертикальными кирковыми ударами. Потолок — прямой, слегка бугорчатой поверхности, пол — слегка стесанный. Вдоль задней выгибающейся стены, невысоко над полом, оставлен род лежанки — «ясли». По краю ее кромка, пробитая отверстиями-кольцами для привязывания скота. На ребре кромки внутренней стены пробито кольцо, также для привязки скота. Не подлежит сомнению, что описанный хлев возник в последнее время существования города.

Усыпальница № 72 — необычного типа. Отверстие входа вытянутой овальной формы. В основании, на лицевой стороне — две прямоугольных вырезки. Усыпальница вытянутой овальной формы. Дно ее — сильно пониженное у входного отверстия. Потолок слегка снижается к задней стене, пол немного повышается к той же стене и образует небольшую лежанку. На восточной стене вырезан четырехконечный крест, вписанный в круг. Помещение выбрано в толще скалы мелкими кирковыми ударами, тщательной работы. Усыпальница до уровня порога входного отверстия полна костями хорошей сохранности, лежавшими в беспорядке. Среди них найдены: обломок стеклянного браслета синего цвета, колечко, согнутое из витой медной проволоки (концы замкнуты), и пряслица из черепка сосуда серой глины. Далее к востоку в обрезе скалы—углубление начатой, но не оконченной долблением усыпальницы. Выбрано одно лишь входное отверстие, и начато долбление самой усыпальницы. Работа велась широкими кирковыми ударами.

Несколько далее к востоку в обрезе скалы — прямоугольное отверстие *усыпальницы* общего типа, округлой в плане формы. Потолок снижается к задней стенке. Камера выбрана в толще скалы частыми перекрещивающимися кирковыми ударами. Она была совершенно пуста.

Еще далее к востоку вдоль обрыва скалы зачищены две пещеры. Входное отверстие первой из них довольно широкое. Дверной проем снабжен вверху и внизу углублениями для установки деревянных косяков. Порог в толще скалы пробит отверстием для стока нечистот скота. Сама пещера неправильной овальной в плане формы, с слегка выгибающимися наружу стенками, скругляющимися вверху. Выбрана она энергичными косыми параллельными ударами кирки. Потолок прямой, бугорчатой поверхности. Пол неровный, в нем, недалеко от порога, неглубокое квадратное углубление. Вдоль задней стены оставлено возвышение — «ясли» — со сбитым закрайком вдоль края и с пробитыми отверстиями-кольцами. Вдоль восточной стены пещеры — подобные же «ясли», но без закрайка и более возвышенные над уровнем пола. В южной наруж-

Библиотека Института К. И.

ной стене, рядом с дверью, круглое отверстие — окно. Эта пещера — несомненный хлев, возникший в последний период жизни города. Имела ли здесь место раздолбка более древней усыпальницы, или пещера возникла самостоятельно, сказать нельзя. Далее к востоку, у поворота скалы, в самом конце перибола, в обрезе находится еще одна пещера. Входное отверстие ее образовано большим прямоугольным дверным проемом с углублениями вверху и внизу для установки деревянной дверной коробки. Пещера вытянутой овальной в плане формы. Она вытесана в толще скалы взаимно пе-
рекрещивающимися широкими кирковыми ударами. Потолок слегка скругленный, сливающийся со стенами. Пол — неровный, бугорчатый.

Н. И. Репников

Ирригационные сооружения округи Эски-Кермена

Настоящая статья дает предварительные материалы по вопросу об ирригации, полученные в результате осмотров следов древних сельскохозяйственных ирригационных приспособлений в балке

Рис. 21. План округи Эски-Кермена.

Кафка, в округи Эски-Кермена, исполненных автором в 1932 г.,[1] вторично проверенных им же в 1933 г. Балка Кафка (квадрат 3) берет начало в ущельи, идущем от округи Эски-Кермена к Мангуп-Кале (рис. 21 и 22). Начинаясь легким, широким подъемом, по

[1] Ср. Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 11-12, стр. 64.

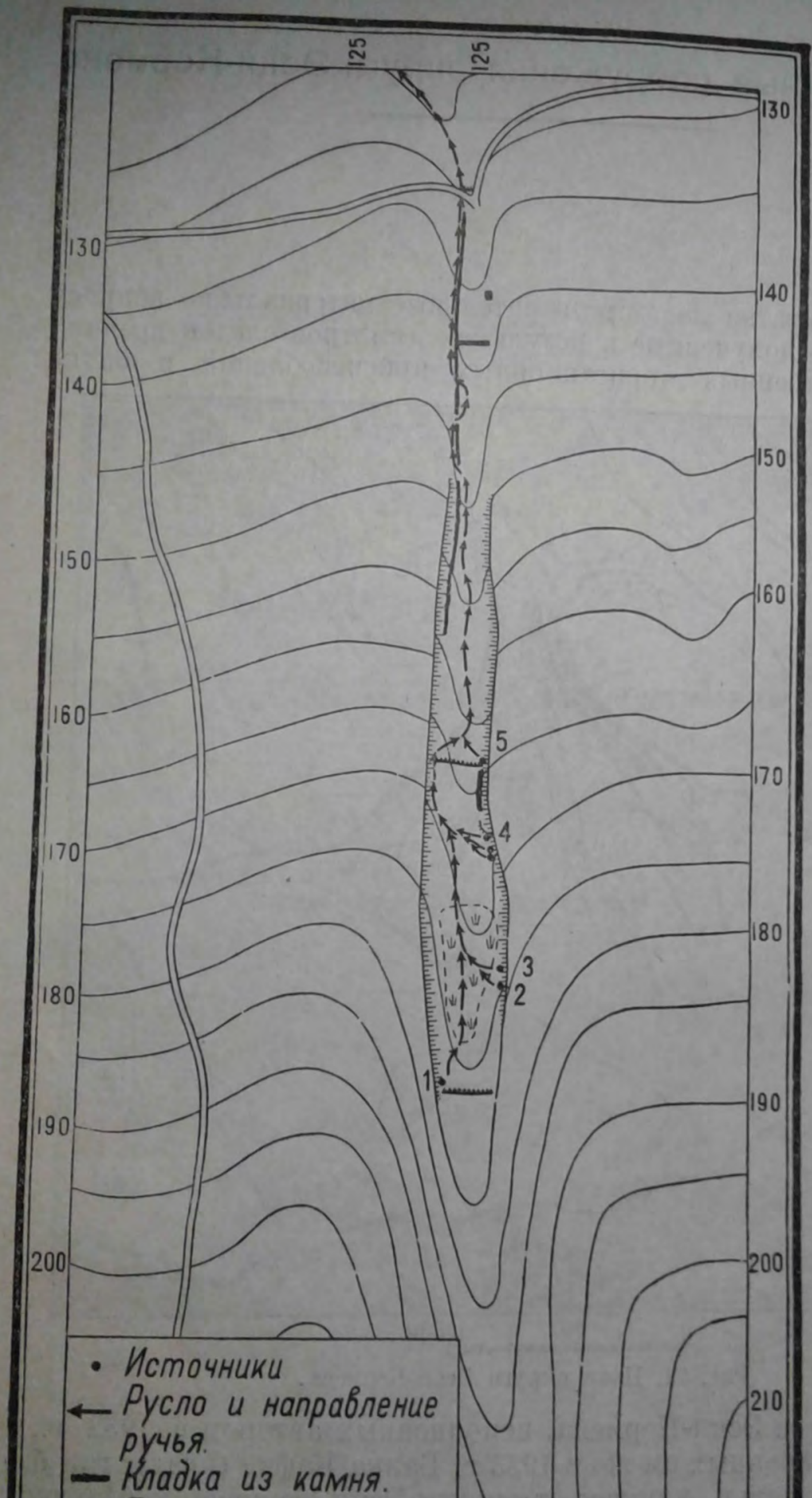

Рис. 22. План балки Кафка.

ходу своему она суживается, а стороны ее переходят в отвесные выходы известняков. Вдоль западной стороны скалистое дно балки раздроблено в древности. Образован жолоб — русло, по которому в незатянутых натеком земли участках и поныне бежит горный поток. Ложе последнего отделяется от проходившей по середине балки вьючной тропы в Шульскую долину невысокой, до 0,80 м, стенкою, сложенной насухо из нетесаных камней. Эта ограда прослеживается на значительном протяжении по ходу западного жолоба. Аналогичный вырубной жолоб с ограждавшей его стенкой имеется и вдоль восточной стороны балки. В настоящее время сооружения эти затянуты землей и густо заросли. Воды потока по этому жолобу ныне не бегут. По ходу подъема балки вверх, в западный поток, идущий по древнему жолобу, с востока вливаются отдельные ручейки. Последние в связи с засорением древних — восточного и западного — жолобов проложили себе прихотливые русла серединой балки по ходу вьючной тропы.

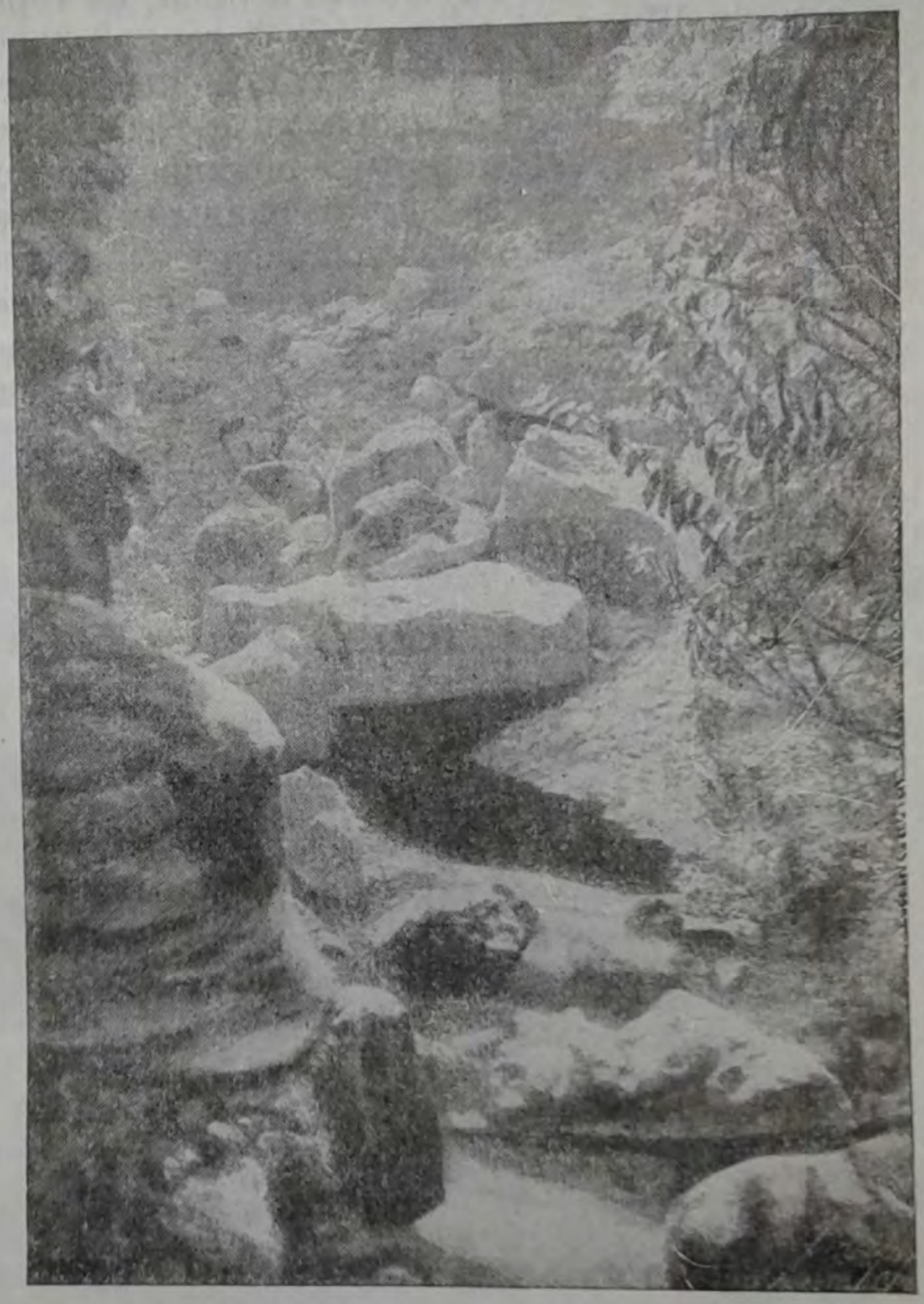

Рис. 23. Выход водной струи.

Воды, питающие потоки балки Кафка, выходят из-под горизонтально лежащих водопроницаемых пластов известняка весьма интенсивно. Начальная верхняя основная струя бьет из-под западного склона балки. Места выходов струи воды грубо оправлены плитками (рис. 23). Несколько выше головного родника, по направлению к перевалу Кафка-богаз, находится обширная поляна. На поверхности земли здесь прослеживаются контуры стенок прямо-

ходу своему она суживается, а стороны ее переходят в отвесные выходы известняков. Вдоль западной стороны скалистое дно балки раздроблено в древности. Образован жолоб — русло, по которому в незатянутых натеком земли участках и поныне бежит горный поток. Ложе последнего отделяется от проходившей посередине балки вьючной тропы в Шульскую долину невысокой, до 0,80 м, стенкою, сложенной насухо из нетесаных камней. Эта ограда прослеживается на значительном протяжении по ходу западного жолоба. Аналогичный вырубной жолоб с ограждавшей его стенкой имеется и вдоль восточной стороны балки. В настоящее время сооружения эти затянуты землей и густо заросли. Воды потока по этому жолобу ныне не бегут. По ходу подъема балки вверх, в западный поток, идущий по древнему жолобу, с востока вливаются отдельные ручейки. Последние в связи с засорением древних — восточного и западного — жолобов проложили себе прихотливые русла серединой балки по ходу вьючной тропы.

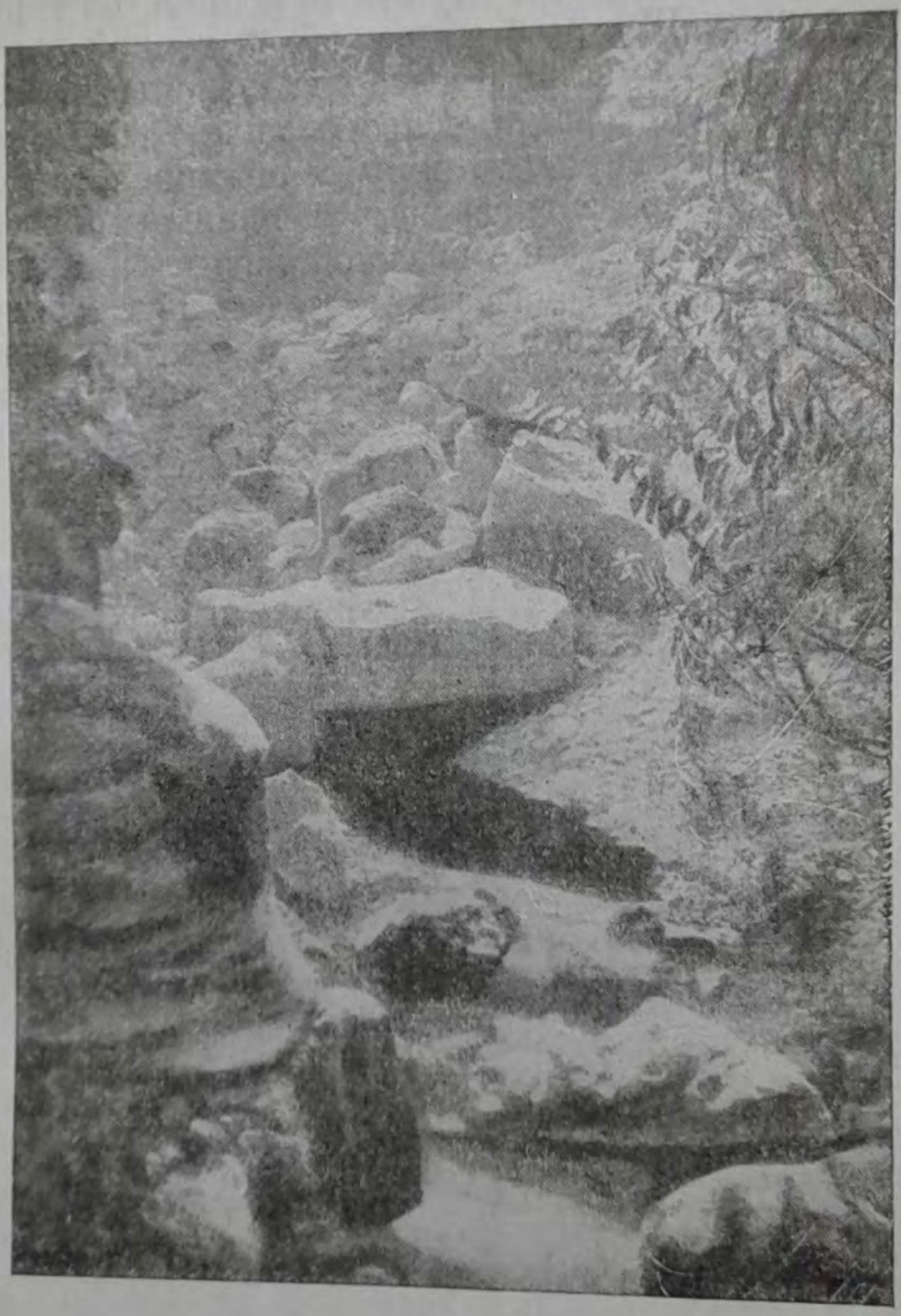

Рис. 23. Выход водной струи.

Воды, питающие потоки балки Кафка, выходят из-под горизонтально лежащих водопроницаемых пластов известняка весьма интенсивно. Начальная верхняя основная струя бьет из-под западного склона балки. Места выходов струи воды грубо оправлены плитками (рис. 23). Несколько выше головного родника, по направлению к перевалу Кафка-богаз, находится обширная поляна. На поверхности земли здесь прослеживаются контуры стенок прямо-

ходу своему она суживается, а стороны ее переходят в отвесные выходы известняков. Вдоль западной стороны скалистое дно балки раздроблено в древности. Образован жолоб — русло, по которому в незатянутых натеком земли участках и поныне бежит горный поток. Ложе последнего отделяется от проходившей по середине балки вьючной тропы в Шульскую долину невысокой, до 0,80 м, стенкою, сложенной насухо из нетесаных камней. Эта ограда прослеживается на значительном протяжении по ходу западного жолоба. Аналогичный вырубной жолоб с ограждавшей его стенкой имеется и вдоль восточной стороны балки. В настоящее время сооружения эти затянуты землей и густо заросли. Воды потока по этому жолобу ныне не бегут. По ходу подъема балки вверх, в западный поток, идущий по древнему жолобу, с востока вливаются отдельные ручейки. Последние в связи с засорением древних — восточного и западного — жолобов проложили себе прихотливые русла серединой балки по ходу вьючной тропы.

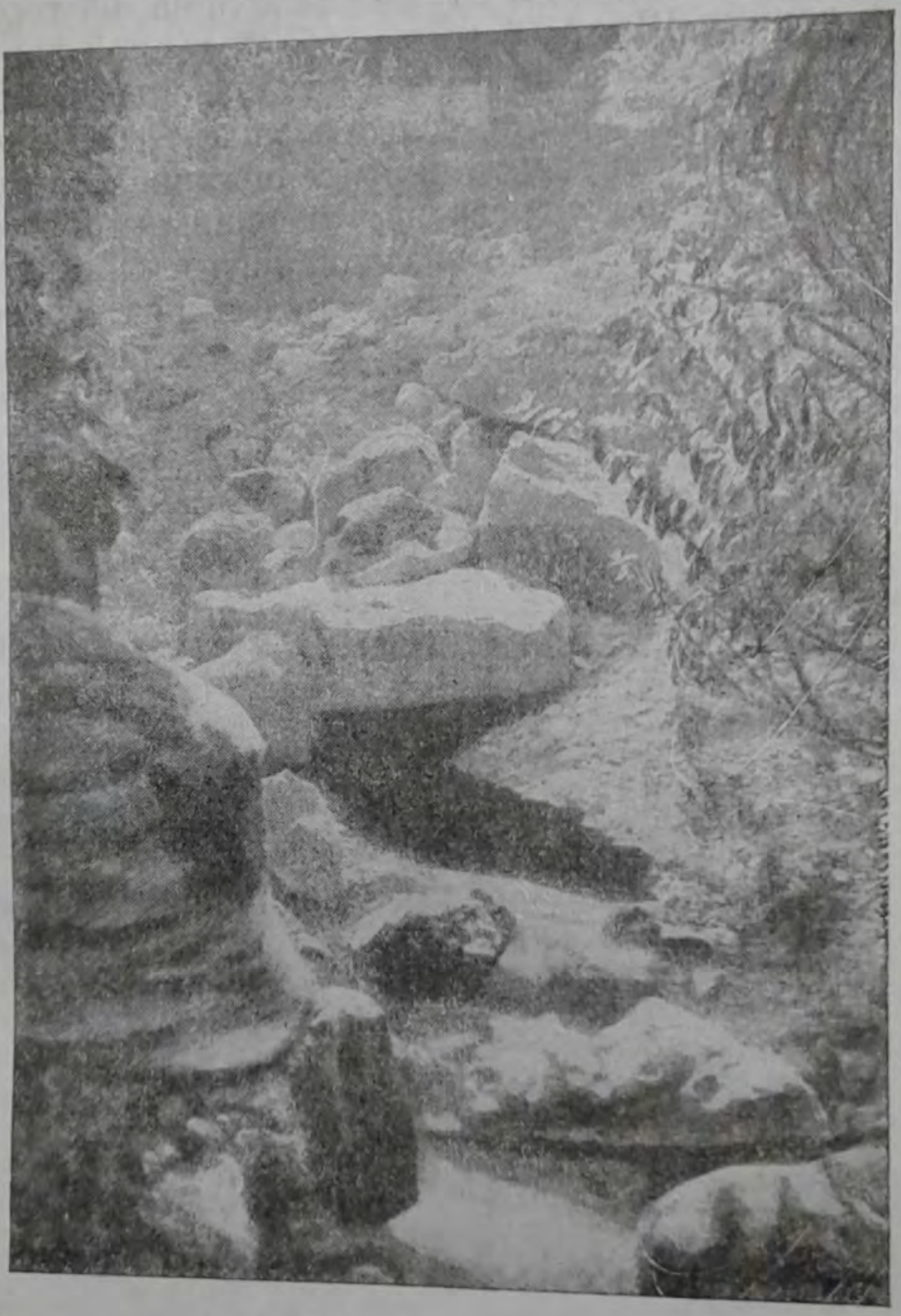

Рис. 23. Выход водной струи.

Воды, питающие потоки балки Кафка, выходят из-под горизонтально лежащих водопроницаемых пластов известняка весьма интенсивно. Начальная верхняя основная струя бьет из-под западного склона балки. Места выходов струи воды грубо оправлены плитками (рис. 23). Несколько выше головного родника, по направлению к перевалу Кафка-богаз, находится обширная поляна. На поверхности земли здесь прослеживаются контуры стенок прямо-

угольных зданий. По местам лежат крупные, сильно выветрившиеся тесаные камни. Эти следы определяют, что на поляне встарь было небольшое поселение. В высшем южном конце своем поляна достигает перевала. На восток отсюда, в обрыве, находится пещерный комплекс Шулдан. С перевала открывается далекая перспектива гор, вся Шульская долина, на горизонте — море. Спуск в долину Шули сбегает удобной горной дорогой. Осмотр выходов родников в балке Кафка устанавливает, что некогда вода здесь была организованно использована. Дебиты водяных ресурсов спускались по нарочито нарубленным жолобам самотеком. Вода была защищена от загрязнения специальными стенками со стороны проходившей по балке вьючной тропы. Организованная вода сбегала к началу подъема балки. Отсюда она распределялась.

Каким образом происходил самый процесс распределения и использования водных ресурсов, могут решить лишь дальнейшие углубленные разведки.

Е. В. Веймарн

Отчет о работах по раскопкам древнего водопровода в районе городища Эски-Кермен в 1931—1933 гг.

Разведки в балке Бильдеран в 1931 г.

Обнаруженный разведкой 1929 г. в верховьях балки Бильдеран, расположенной в $1^1/_2$ км к югу от Эски-Кермена, древний водопровод из гончарных труб поставил вопрос изучения водоснабжения этого древнего города. [1] Так как произведенные в 1930 г. разведки и раскопки на территории самого города не обнаружили вхождения водопровода в город, [2] то в разведках 1931 г. ставилась задача проследить ход линии его к городищу от места разведки 1929 г. Предполагалось, что трубопровод должен спускаться из балки Бильдеран, лежащей выше наиболее высоких точек городища, к южной его части, где и должны были бы находиться и ввод его в древний город и какие-то специальные водоприемные сооружения.[3] Исходя из рельефа местности, при условии, что вода была направлена именно в город, линия этого трубопровода должна была бы спускаться по западному склону балки, а затем, пройдя приблизительно до ее середины, повернуть к западу, далее, дойдя до седловины, проходить к южной части городища Эски-Кермен.

В силу этого предположения решено было предполагаемый ход древней линии трубопровода перерезать рядом поперечных траншей, заложенных в близком друг от друга расстоянии, начав разведки от места работ 1929 г., постепенно спускаясь по балке (рис. 24).

Всего было заложено 25 траншей. [4] Из них первые одиннадцать раскрыли остатки проходившей здесь некогда линии трубопровода. Эти остатки характеризовались наличием частей каменной обкладки гончарных труб. Наиболее характерными в этих остатках являлись плоские тесаные плитки перекрытия каменного ложа трубопровода. Все эти остатки найдены в сильно разрушенном состоянии. Самих труб ни в одной из траншей не оказалось. Лишь в разведке № 3 найдены были два фрагмента гончарной трубы.

Первые следы трубопроводной линии, открытые разведочными траншеями, лежат к западу от дороги, проходящей по балке, и сохранились лучше, нежели остатки, обнаруженные в траншеях №№ 10 и 11. Последние выходят на западную часть дороги, сохра-

---

[1] Готский сборник, стр. 132—133, 194—202.
[2] Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 7, стр. 26—27.
[3] Готский сборник, стр. 132, 194—195.
[4] Сообщения ГАИМК, 1931 г., № 11-12, стр. 62—65.

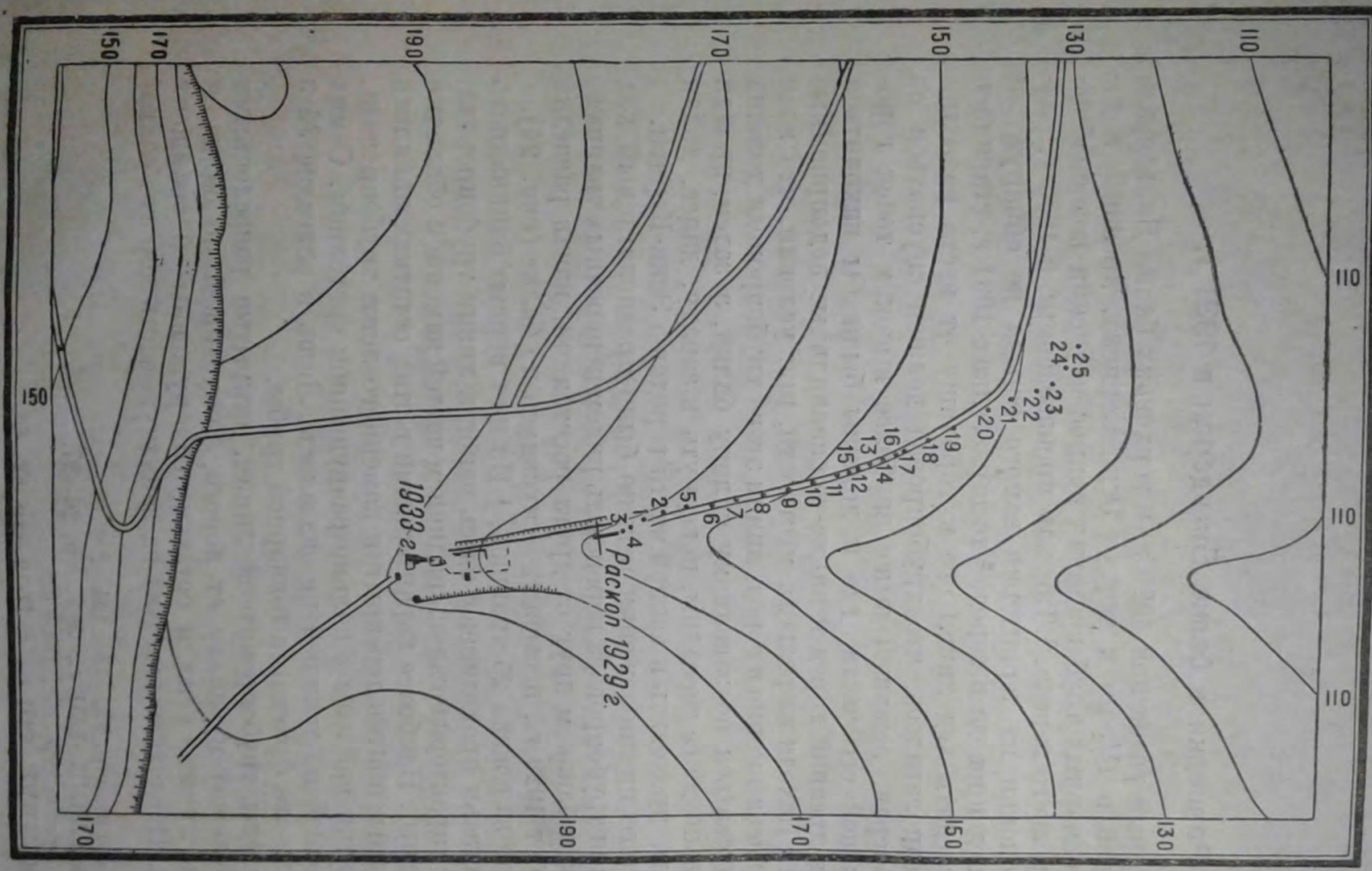
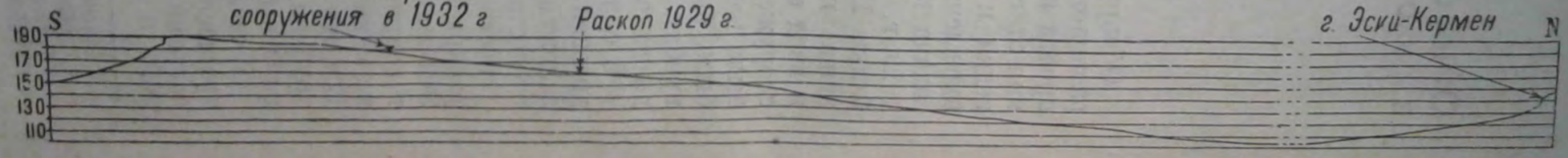

Рис. 24. План балки Бильдеран.

ПРОФИЛЬ БАЛКИ БИЛЬДЕРАН

нились чрезвычайно слабо. Траншеи №№ 12 и 13 не дали никаких показаний прохождения здесь линии трубопровода. Это, повидимому, объясняется тем, что современная дорога совпадает с предполагаемой линией. Последняя была совершенно уничтожена дождевыми водами и ездой.

Остальные разведочные траншеи дали остатки искусственных кладок, напоминающих неширокие и невысокие грубо сложенные стенки, находящиеся на предполагаемом направлении хода древней трубопроводной линии, но говорить о них как о каких-то остатках трубопровода — не приходится.

Работы в районе округи городища Эски-Кермен

Вторым этапом в работах 1931 г. были разведки, произведенные на седловине, идущей от южной части городища, служащей водоразделом двух балок, спускающихся к северу по восточную и западную его стороны.

Вся седловина представляет собою ровный, лишенный растительности плавный подъем к древнему городу. Здесь в древности проходила проезжая колесная дорога, шедшая из Эски-Кермена и расходившаяся на этой седловине по четырем направлениям: две шли по восточной и западной балкам, одна направлялась на ЮЗ по направлению к нынешнему второму кордону лесничества, и одна, пройдя седловину, поворачивала на восток и проходила по балке Бильдеран к карнизу гряды гор, откуда спускалась в Шульскую долину.

На седловине находятся три курганообразных насыпи. Самая южная, отступающая от городища приблизительно на 350 м, представляет собою сравнительно невысокий холм, имеющий около 12 м в диаметре и около 2 м высоты. Метрах в 60 от этой возвышенности, ближе к городищу, стоит подобная же насыпь, имеющая около 10 м в диаметре и около 1,5 м высоты, в основном схожая с первой. В северо-восточной части ее имеются следы давно произведенных раскопок. Третья, курганообразная возвышенность, расположенная в том же направлении, лежит около самого городища, в 15 — 20 м от обрывов его скал. Эта возвышенность имеет с севера на юг около 25 м в длину и спускается террасой к югу. Высота верхней площадки над котловиной — около 4 м, а разница между высотами двух террас — около 1,5 м.

Предполагалось, что линия древнего трубопровода, выйдя из балки Бильдеран, приблизительно в ее середине сворачивала к западу, а затем шла по направлению к южной части седловины. Исследования у городских ворот и примыкающего к ним района показали, что в эту часть городища линия водопровода не входила.[1] В связи с этим было предположено, что линия водопровода заканчивалась недалеко от городища в тех или иных водоприемниках

[1] Сообщение ГАИМК, 1931 г., № 11-12, стр. 65.

и что, возможно, этими цистернами как раз были те сооружения, которые скрывались под вышеуказанными курганообразными насыпями на седловине. Это подкреплялось еще рассказами местных жителей, уверявших, что они на площади седловины находили обломки гончарных труб, а старики д. Черкес-Кермен, Абла-Маметша и Муджаба-Мурат, сообщили, что лет 20 — 25 тому назад они раскопали южную часть средней курганообразной насыпи, причем нашли там кладку из больших тесаных камней, покрытых штукатуркой. Они утверждали, что это был бассейн.

На основании всех этих соображений и указаний решено было произвести разведочные работы курганообразных насыпей (рис. 25).

Разведка № 1. Первая из раскопанных курганообразных насыпей расположена почти на самой южной части седловины. Здесь последняя сливается со скатом второй гряды Крымских гор, падающим к северу, к западу и востоку, постепенно спускается в верховья восточной и западной балок, огибающих городище.

Курганообразная насыпь в плане имеет почти круглую форму — диаметр ее равен 12 м, наибольшая высота — около 2 м. Она плавно переходит в общую поверхность седловины, причем к востоку насыпь более крута, нежели к западу. В северо-западной части имеется небольшая осадка, свидетельствующая о некогда произведенных здесь земляных работах.

Для изучения характера грунта, на котором стоит насыпь, была заложена в юго-восточной части ее подножья разведочная траншея размерами 2,5 × 1 м (рис. 26). За дернистым слоем, который был равен 0,07 — 0,10 м, шел слой мелкой светлосерой земли. На глубине 0,32 м от поверхности этот слой сменила белая мергелистая глина, которая здесь, повидимому, составляет уже верхний материковый пласт. Углубив эту разведочную траншею до 0,75 м и удостоверившись, что мергелистые глины действительно составляют здесь материк, разведочную траншею повернули на север, по направлению к центру насыпи, выбирая землю до материка.

По ходу траншеи был зачищен ряд небольших камней, лежащих на материке. Остатки эти не представляют собою какой-либо солидной кладки: они лежали на глубине от поверхности на 0,32 — 0,35 м в слое сероватой земли. По ходу траншеи в северном направлении на 3,20 м вошли в землю серо-желтого цвета, при этом толщина слоя здесь увеличилась почти сразу до 0,60 м. Еще дальше на 0,80 м уперлись на остатки стены, сложенной из небольших необработанных камней, сложенных на глине. Обойдя эту стену с востока, повернули траншею вправо. Обойдя вдоль стены, дошли до ее конца и вновь направили траншею к северу. Здесь в слое насыпи стали попадаться обломки плоской кровельной черепицы. Толщина этого же слоя желтой земли теперь доходила до 0,80 м.

Одновременно с этим второй траншеей обошли всю южную сторону стены, выяснив, что она в западной своей части также обрывается, имея общую длину всего 3,40 м. Обогнув этой траншеей остатки стены с запада, повели и эту траншею на север, параллельно

с первой. Прорезывался аналогичный слой желтоватой земли, достигающий 1 м мощности, с обломками кровельной черепицы. Обойдя стену с обеих сторон, выяснили, что ширина ее равняется 0,65 м; сложена она из нетесаных камней на глине с землей. Про-

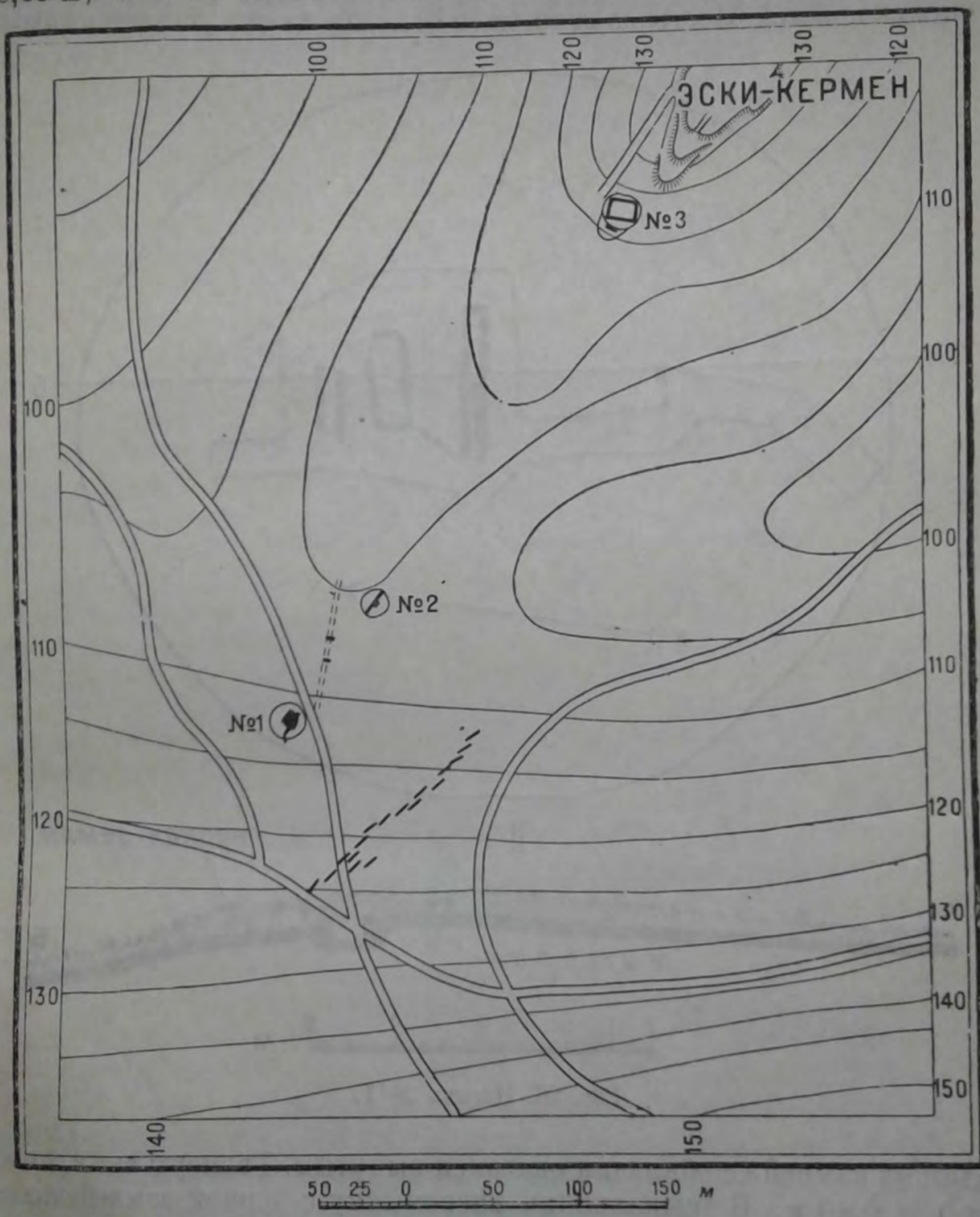

Рис. 25. План седловины у городища.

должив восточную и западную траншеи еще на 2,50 м от обнаруженной стены, выбрали землю с территории, лежащей между траншеями, до материка (мергелистой глины). В расстоянии 1,32 м к северу от стены обнаружена кладка из тесаных плит. Это могила-усыпальница, сложенная из довольно больших тесаных плит тол-

щиною 0,15 — 0,20 м, поставленных на ребро и впущенных в материк. Сверху усыпальница, находившаяся на 0,35 м под поверхностью земли, некогда была перекрыта плитами. В момент вскрытия эти плиты отсутствовали, за исключением одной, разбитой на несколько частей. Пострадала также и боковая стенка усыпальницы—

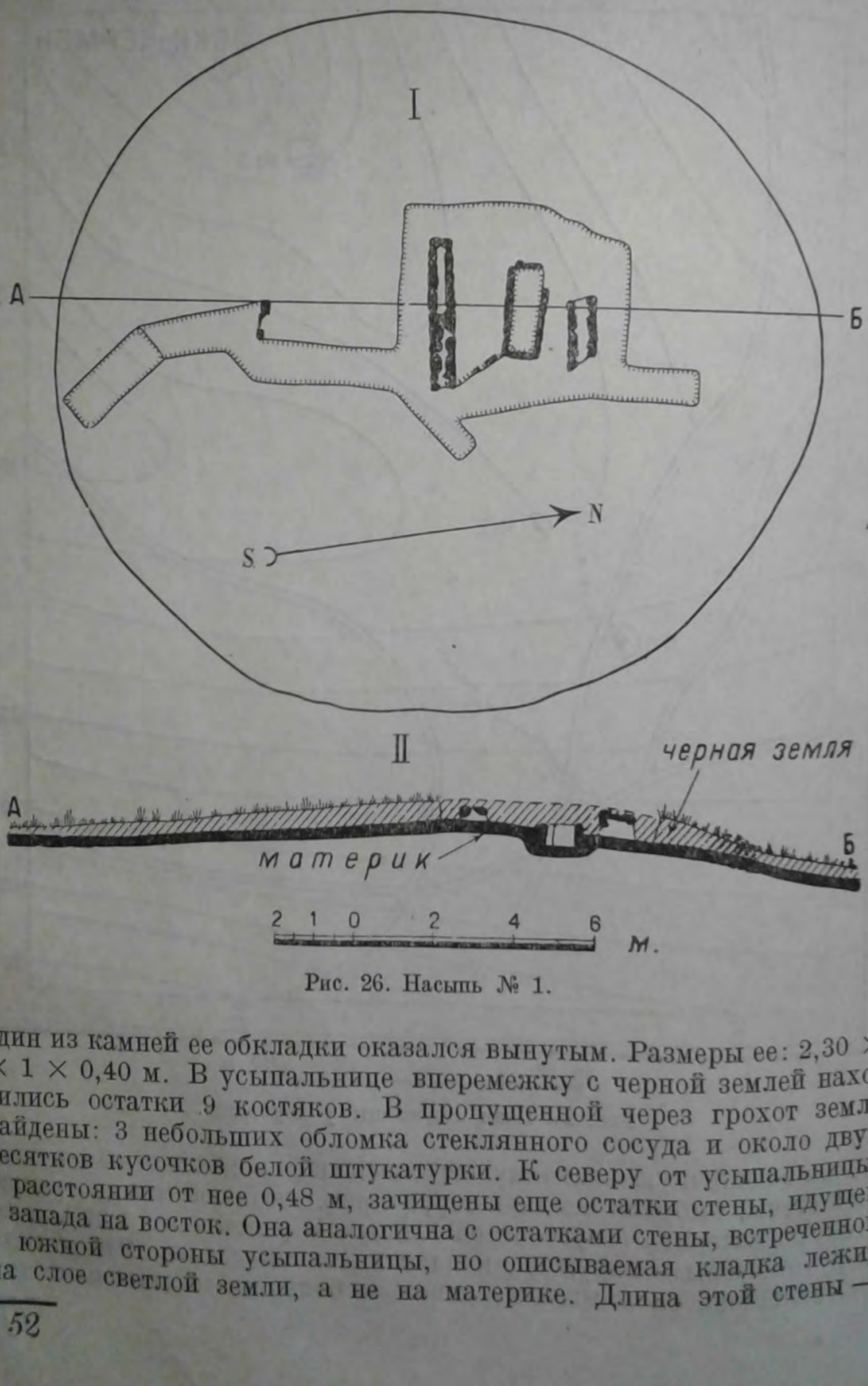

Рис. 26. Насыпь № 1.

один из камней ее обкладки оказался вынутым. Размеры ее: 2,30 × × 1 × 0,40 м. В усыпальнице вперемежку с черной землей находились остатки 9 костяков. В пропущенной через грохот земле найдены: 3 небольших обломка стеклянного сосуда и около двух десятков кусочков белой штукатурки. К северу от усыпальницы, в расстоянии от нее 0,48 м, зачищены еще остатки стены, идущей с запада на восток. Она аналогична с остатками стены, встреченной с южной стороны усыпальницы, но описываемая кладка лежит на слое светлой земли, а не на материке. Длина этой стены —

1,80 — 0,75 м. На этом работы на данной возвышенности, оказавшейся естественным холмом, использованным для погребения, были закончены.

Разведка № 2. Вторая средняя курганообразная насыпь отстоит от первой метров на 60 к СВ и лежит на той же седловине, ближе к ее скату в восточную балку. Размеры ее несколько меньше первой,

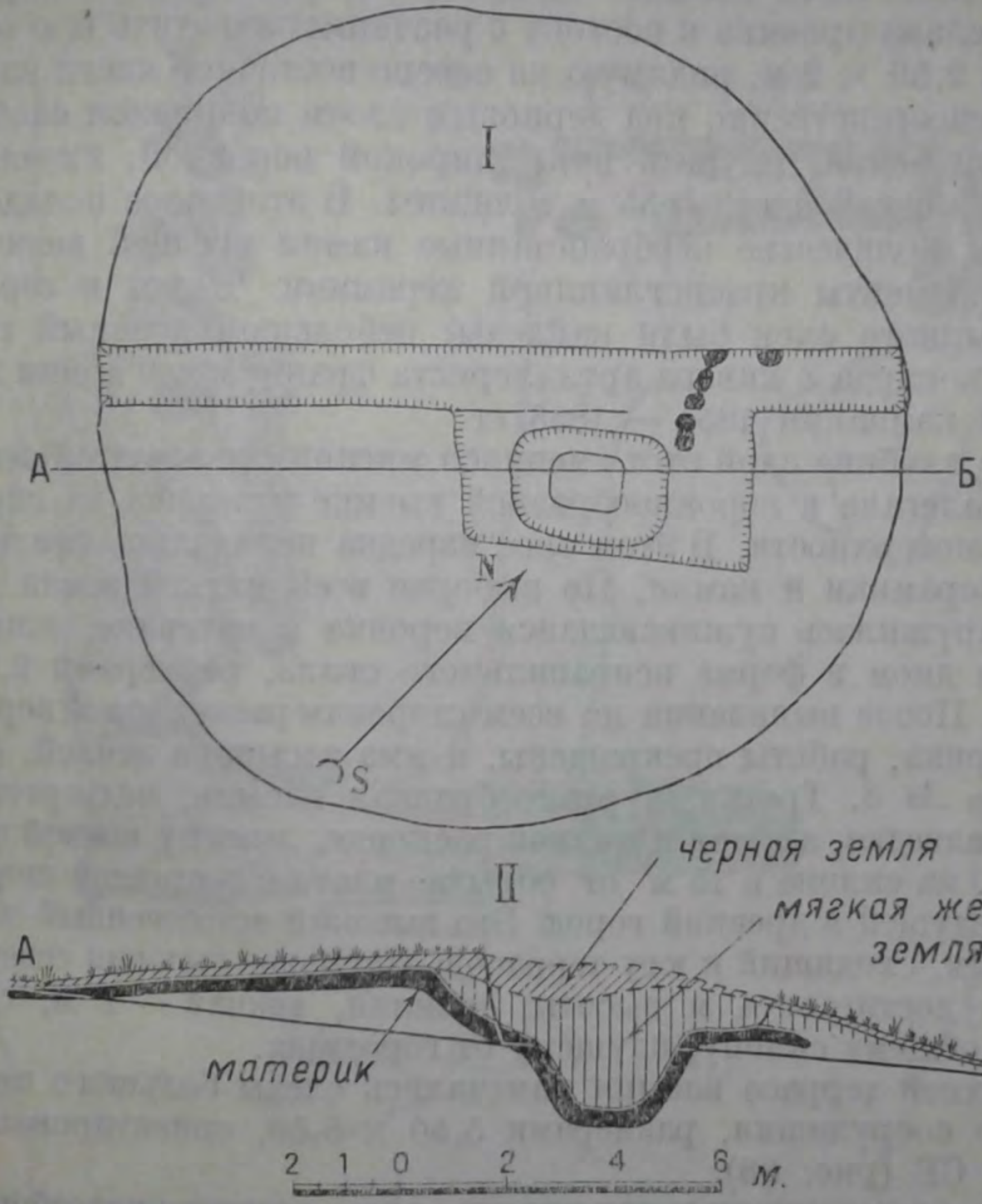

Рис. 27. Насыпь № 2.

но более четко очерчены в своем плане (рис. 27). Она представляет собою почти правильный круг, диаметром около 10 м, при высоте насыпи 1,5 м. В восточной части насыпи большая осадка, говорящая о довольно значительной выборке земли, в ней производившейся. Центральная часть насыпи этой выборкой не была затронута.

Насыпь перерезана траншеей. Материк (серо-желтая глина) в насыпи обнаружен в северо-восточной части траншеи на глубине 0,55 м, в середине — на 1 см и в юго-западном конце — на 0,70 м.

При зачистке траншеи до материка в северо-восточной части на сыпи в расстоянии 1,80 м от края встречены два ряда поперечных кладок из неправильных довольно больших нетесаных камней, лежащих на материке. Далее, в расстоянии 4 м от края траншеи, в восточном обрезе ее, резко обозначился на общем сером фоне насыпи более темный слой, который уходил вниз, соответствуя осадке в восточной части насыпи. Для того чтобы выяснить характер осадки, сделана проемка к востоку с расчетом захватить всю осадку размерами 2,50 × 2 м, видимую на северо-восточной части насыпи.

Здесь непосредственно под дерновым слоем начинался слой черной мелкой земли, идущий вниз широкой воронкой, имеющей в наибольшей своей части 0,55 м толщины. В этом слое попадались в большом количестве необработанные камни средней величины, мелкие фрагменты красноглиняной керамики. Почти в середине этого насыпного слоя были найдены: небольшой кованый гвоздь и медная кокарда с кивера артиллериста французской армии эпохи Крымской кампании 1854 — 1855 гг.

Далее в глубине слой этот сменился мягкой серо-желтой землей, которая залегала в воронкообразной выемке материка на глубине 2,40 м от поверхности. В этом слое изредка попадались фрагменты поздней керамики и камни. По выборке всей мягкой земли этого слоя обнаружилась суживающаяся воронка в материке, заканчивающаяся дном в форме неправильного овала, размерами 2,50 × × 1,30 м. После выявления по всем сторонам раскопанной воронки ямы материка, работы прекращены, и яма засыпана землей.

Разведка № 3. Третья, курганообразная насыпь, подвергшаяся сначала разведке, а затем и полной раскопке, лежит у южной части городища, на склоне в 15 м от обрыва плато с восточной стороны дороги, ведущей в древний город. Это высокий естественный вытянутый холм, сходящий к югу террасой. Наиболее высокая северная его часть достигает 4 м высоты; нижняя, южная — 2 м, сходя плавно к общему склону, идущему от городища.

На верхней террасе насыпи намечались следы большого прямоугольного сооружения, размерами 5,50 × 5,50, ориентированного почти на СВ (рис. 28).

В связи с возможностью нахождения здесь древнего водосборного сооружения была произведена разведка на верхней террасе насыпи. Последняя пересечена с В на З траншеей. Культурный пласт в ней в наиболее глубокой своей части достигал 0,35 м, распадаясь на две прослойки. Верхняя, толщиною до 0,15 м, состояла из мелкой черной земли, в ней попадались в большом количестве фрагменты черепицы. На многих из них имелись клейма, известные в большинстве своем по предыдущим годам раскопок на городище Эски-Кермен, равно по находкам византийского Херсонеса. Вторая прослойка, мощностью 0,15 — 0,20 м, состояла из светлосерой земли с примесью мергеля. В этом слое найдено большое количество аналогичных обломков кровельной черепицы и фрагментов керамики второй половины первого тысячелетия н. э. По склону возвы-

шенности эти слои были гораздо тоньше. Далее вглубь шла скала и известковый материк. Разведочная траншея подтверждала наличие здесь остатков какого-то здания, в связи с чем предпринята полная зачистка этих остатков. Одновременно с этим произведена

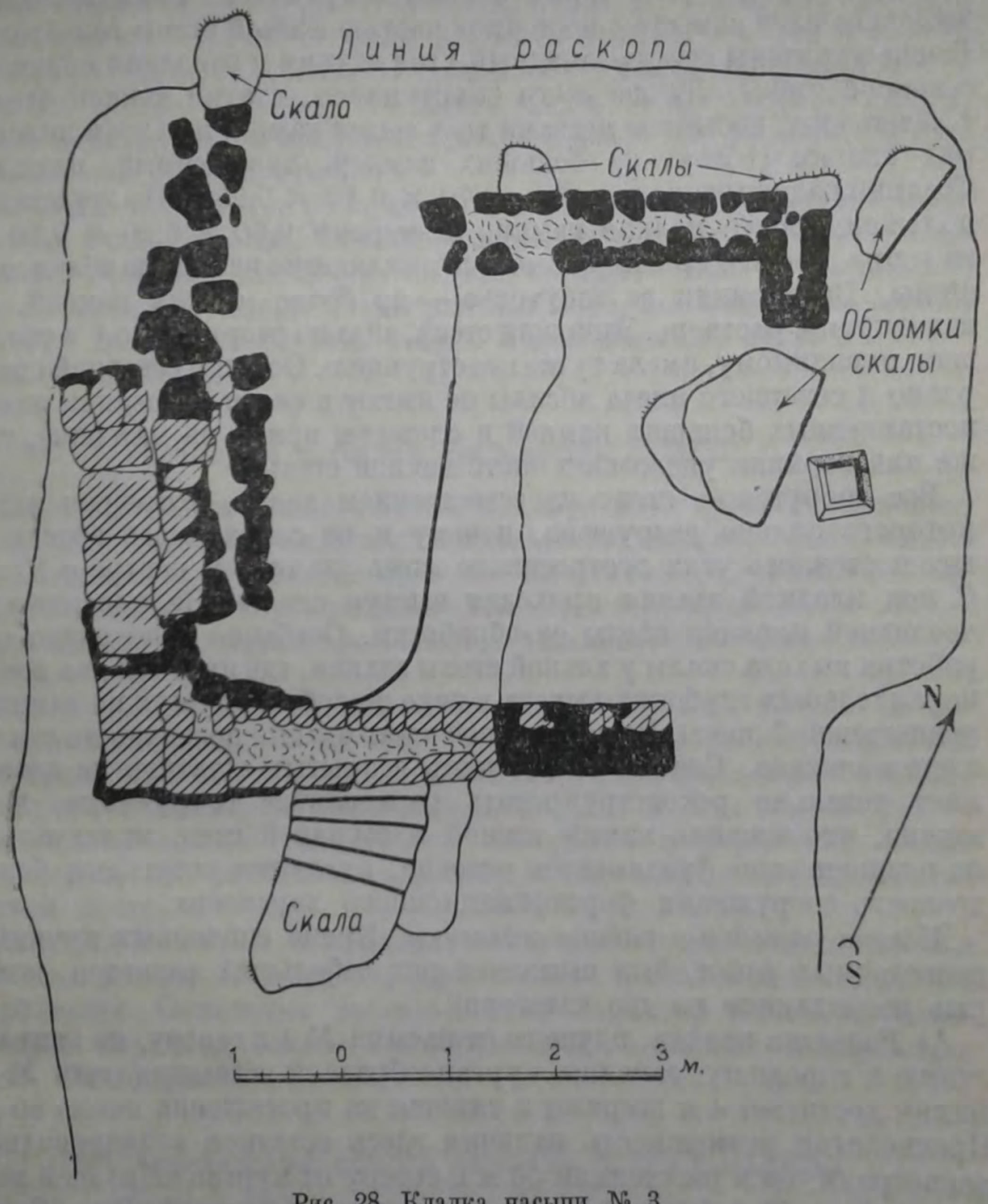

Рис. 28. Кладка насыпи № 3.

раскопка у южного подножья верхней части возвышенности, со стороны второй террасы и немного выше ее. Остатки здания зачищены со всех сторон, с полным раскрытием внутреннего пространства между стенками.

Работы вскрыли остатки фундамента и нижние части стен небольшого прямоугольного здания, вытянутого на СВ, размерами

7 × 5,5 м. Сохранность этих остатков чрезвычайно слабая. Четко намечаются лишь два угла здания — северный и южный. Судя по уцелевшему в северо-восточной части комплекса предалтарному камню, здесь вскрылись остатки одноабсидной придорожной часовни. Северный угол плеча абсиды сохранился. Рама абсиды и южное ее плечо вместе с восточной частью южной стены разобраны. Также утрачены северо-западный угол здания и западная половина северной стены. Лучше всего сохранились остатки южной стены. Кладка здесь достигает местами трех рядов камня, при этом нижний ряд кладки состоит из больших камней, положенных плашмя. Средний размер этих камней — 0,70 × 0,50 × 0,25 м. На эту кладку положены более мелкие камни, размерами 0,60 × 0,20 × 0,30 м, на ребро, хорошо прилаженные и составляющие внешнюю облицовку стены. Внутренняя ее забутовка — из более мелких камней, на известковом растворе. Западная стена, сильно разрушенная и сползшая, повидимому, имела ту же конструкцию. Остатки северной стены равно и северного плеча абсиды не имеют в своем основании внизу поставленных больших камней и сложены прямо на материке, так же как верхняя уцелевшая часть южной стены.

Все сооружение стоит на естественном холме, восточная часть которого сильно разрушена, почему и не сохранилось абсиды и юго-восточного угла построенного здесь здания. В центре с Ю на С под кладкой здания проходит выступ скалы. На поверхности последней имеются следы ее обработки. Особенно ясно видна обработка выхода скалы у южной стены здания, где имеются два почти параллельных глубоких выреза в виде жолобов, идущих по направлению южной стены. Во внутренней части здания поверхность скалы слегка стесана. Слабая сохранность вскрытых остатков не позволяет детально реконструировать раскопанное сооружение; возможно, что нижние камни южной и западной стен, являющиеся на позднем этапе фундаментом часовни, являются остатками более древнего сооружения фортификационного характера.

Мелкие разведки в районе седловины. Кроме описанных крупных разведочных работ, был выполнен ряд небольших разведок, которые распадаются на две категории.

А) Разведка валика, идущего от насыпи № 1 к северу, по направлению к городищу, западнее курганообразной возвышенности № 2. Валик достигает 4 м ширины и тянется на протяжении около 80 м. Предполагая возможность наличия здесь остатков водопроводной магистрали, он в расстоянии 50 м к северу от курганообразной возвышенности № 1 был перерезан поперечной траншеей. В наиболее высокой своей части валик достигает 0,35 м высоты над материком, а по краям — около 0,25 м. В среде желто-серой земли были встречены небольшие необработанные камни, которые лежали почти на материке, имея ширину общего завала 3 — 10 м и высоту, почти равную высоте валика.

Никаких следов остатков линии трубопровода эта разведка не обнаружила.

Б) Разведки устанавливали, что на седловине никаких остатков древних водосборных сооружений не имеется, равно как и линии трубопровода. Выдвигалось предположение, что линия трассы его могла проходить где-то ниже, по восточному склону седловины. Прохождение ее западнее седловины, равно по западному склону, мало вероятно, исходя из рельефа местности. На восточном склоне седловины было заложено 17 траншей с общим направлением с ССВ на ЮЮЗ (рис. 25). Размеры их: 8 — 12 × 0,75 × 0,50 — —0,80 м. Никаких следов прохождения здесь линии древнего трубопровода они не обнаружили.

Подведя общий итог работам 1931 г. по изучению древнего водопровода Эски-Кермена, приходится отметить тот факт, что они не дали тех положительных результатов, которые от них ожидались, но в то же время уточнили целый ряд вопросов, которые впоследствии помогут правильно решить вопрос водоснабжения древнего городища Эски-Кермен.

Разведки в балке Бильдеран в 1932 г.

Если предшествующие работы по изучению древнего водопровода были сосредоточены исключительно на вопросе обнаружения прохождения трубопровода от балки Бильдеран до городища Эски-Кермен и носили скорее разведочный характер, то работами 1932 г. было положено начало планового и детального изучения всей системы.

Как основная задача экспедиции этого года был поставлен вопрос о нахождении и изучении водоотправных сооружений всей водопроводной системы и принципов ее функционирования. Исходя из предположения, на основании работ 1929 и 1931 гг., что головные водопроводные сооружения находятся в верховьях балки Бильдеран, все разведочные работы были сосредоточены именно в этом месте.

Разведки велись в 6 пунктах, из которых основными являются работы в пункте № 2, где предполагалось основное водоотправное сооружение. Остальные работы носили характер разведок, выясняющих характер остатков сооружений, лежащих в верховьях балки Бильдеран.

Предварительный осмотр вершины балки Бильдеран

Балка лежит к ЮВ от южного края городища Эски-Кермен. Она сравнительно невелика и узка. Направление балки, по ее падению, почти точно с Ю на С. Падение горизонта балки в ее верхней половине довольно плавно и в среднем равняется 5 — 7°. Вся она густо заросла низким, но частым лесом и кустарником (орешник, дуб и кизил), чрезвычайно затрудняющими ее осмотр. С западной стороны, на середине подъема балки, в нее входит лесная дорога, подымающаяся по ней и доходящая до самого обрыва

второй гряды «Крымских гор» над Шульской долиной. В 300—350 м от обрыва карниза дорога выходит на широкую верхнюю часть балки, очищенную от зарослей. Здесь балка представляет поляну, достигающую 30 — 40 м ширины, берега ее резко очерчиваются выступающими верхними пластами известковой скалы. Вся эта часть балки при указанной ширине на протяжении до 150 м еще сравнительно недавно (1923 — 1924 гг.) возделывалась под огороды жителями д. Черкес-Кермен. На этой же площадке по восточной ее стороне растут орешники. Эта искусственно очищенная от зарослей территория представляла собою так наз. татарский чаир. Ныне этот чаир оставлен, и лишь плоды орешника привлекают сюда колхозников деревни.

Основной причиной возникновения в балке, лежащей за 4 км от деревни, чаира, конечно, был источник, сейчас сравнительно незначительный, выбивающийся из-под натека земли в углу балки по подставленной современной гончарной трубе. Отсюда вода собиралась в небольшой запруде, откуда выводилась уже на огороды.

За последние 7 лет произошли какие-то изменения, вследствие чего дебит источника в промежуток времени 1925 — 1927 гг. вдруг сильно уменьшился и в момент исследования балки давал не более 500 ведер воды в сутки.

Обследование балки убеждало в том, что в верховьях ее имеется целый ряд остатков каких-то сооружений и что водоснабжение древнего городища Эски-Кермен могло было быть связано с водосборными сооружениями в балке Бильдеран. Предполагалось, что эти водосборные сооружения могли концентрировать воду, образующуюся на основании закона конденсации водяных паров из воздуха пористыми верхними слоями известняка, выступающими по склонам балки. Выдвигалось предположение, что под жалким ныне источником залегают остатки мощных водосборных резервуаров с каптажными галлереями в толще скалы. [1]

Снятый предварительно перед началом разведочных работ схематический план рисует нам следующее.

В верхней части чаира, в западном и восточном его углах, там, где залегающие верхние пористые слои известняков чередуются с более плотными водонепроницаемыми, почти один против другого находятся два источника. Восточный — незначительный, без всяких следов приспособления его человеком для своих нужд. В противоположность ему западный был использован водосборными сооружениями. В виду этого он был намечен к исследованию. Вода этого источника поступала из-под толщи земли по современной глазированной гончарной трубе в подставленное под нее деревянное корыто. Излишек воды из последнего поступал в небольшую, огороженную камнями и сильно затекшую землей и заросшую травой котловину-бассейн, северная сторона которого, сло-

[1] Н. И. Репников и Ф. И. Шмит, О технике водоснабжения средневековых городов Крыма, Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 9-10, стр. 47—48; Готский сборник, стр. 195.

женная из довольно крупного камня, представляла собою нечто напоминающее небольшую плотину, идущую поперек балки.

С запада, по всей длине чаира, держась подножья бровки балки, проходит след сооружения, напоминающего искусственный канал. Выступающая здесь скала идет на всем своем протяжении с С на Ю невысоким обрывом. Там, где скала подходила плавным обрывом, она подрублена и составляет как бы продолжение естественной вертикальной невысокой стены. В расстоянии 2—3 м от вертикального обрыва скалы идет стена из больших тесаных, но сейчас сильно выветрившихся камней, которые образуют как бы второй берег «канала». Стена эта местами разрушена, местами сохранилась очень хорошо. Весь этот «канал» лежит несколько выше (около 0,40 м) горизонта чаира. Только подходя к стене «плотины», он попадает в один горизонт с верхней частью балки и здесь теряется под натеками земли и зарослями кустов.

По восточную сторону балки, где ее берега менее круты, начиная от стены-плотины, к северу намечаются остатки кладки в один ряд из довольно крупного тесаного камня. Эти остатки идут до середины чаира, держась все время восточного берега балки. Здесь эти остатки, повидимому, поворачивали и ломались под углом, подходя к стене «канала». В середине образовавшегося таким образом прямоугольника намечается след еще одной аналогичной кладки, идущей поперек балки. В том месте, где следы подходят к восточному берегу балки, намечается прямоугольная осадка размерами 5 × 5 м, указывавшая на наличие здесь какой-то постройки, сложенной из небольших камней. К северу от «ямы-бассейна», метров на 12 выше источника, в большой осадке земли намечались также остатки какого-то строения из некрупных тесаных камней. С целью определения намечающихся остатков произведены разведки в 6 пунктах верховья балки Бильдеран.

Разведка № 1. Расположена в 10 — 12 м к югу от источника. К моменту начала работ остатки, здесь находившиеся, представляли следы кладки небольшой стены, к Ю и ЮВ от которой имелась значительная осадка земли, имеющая форму равностороннего прямоугольника, размерами 4,3 × 4,5 × 0,5 м. Разведка расчистила остатки небольшого помещения, восточная часть которого оказалась уничтоженной (рис. 29—30).

Оно состоит из трех стен, отличающихся характером своей кладки. Северная сторона сложена была из слабо обтесанных камней небольшого размера, положенных на смазке из земли и глины: западная и южная стены — из необработанных мелких камней на глине. Но сам принцип кладки последней был иной, нежели остальных стен. Она была сложена впритык к обрезу выкопанной перед тем ямы. Таким образом, эта стена имела лицевую сторону только с внутренней, северной своей части. При этом нижний ряд камня, состоящий из больших обтесанных плит, выступал в виде небольшого цоколя во внутреннюю часть помещения. На глубине 0,55 — 0,57 м от поверхности, во всей сохранившейся части помещения

встречен каменный пол из положенных в четыре ряда плоских каменных плит.

При расчистке этого помещения на всей площади пола был встречен слой золы, толщиной около 0,01 м. Никаких находок в этом помещении найдено не было, за исключением нескольких фрагментов поздней глиняной посуды. Продолжение раскопки к востоку, кроме нескольких в беспорядке лежащих больших камней, ничего не обнаружило. Небольшой размер помещения, примитивность его и сделанные находки заставляют полагать, что это — остатки землянки-палатки времен Крымской кампании 1854 — 1855 гг.

Рис. 29. Разведка № 1, 1932 г.

Наличие следов целого лагеря мы имеем в 100 — 150 м от места разведки, на плато обрыва карниза второй гряды. Наличие сторожевого поста около источника вполне вероятно, тем более что здесь по балке проходила проезжая дорога, а самый источник являлся ближайшим к лагерю и единственным.

Разведка № 2. Как показало предварительное обследование балки, несколько выше по склону, над местом современного выхода татарского трубопровода, намечалась значительная осадка земли, идущая к югу на 10 м и имеющая в ширину около 3 м. Вся площадь осадки густо заросла травами, растущими всегда на местах влажных или там, где близка подпочвенная влага. Здесь же рос чрезвычайно мощный старый куст барбариса, также показатель близости подпочвенной воды. Выше и в сторону растительность резко

менялась и сразу переходила на более сухостойные растения. Становилось совершенно ясно, что остатки древнего водоотправного сооружения приходилось искать именно здесь, под этой осадкой, причем в южной части, там, где рос куст барбариса, естественнее всего было предполагать встретить подход к остаткам водоотправного сооружения в скале, т. е. найти начало каптажной галлереи,

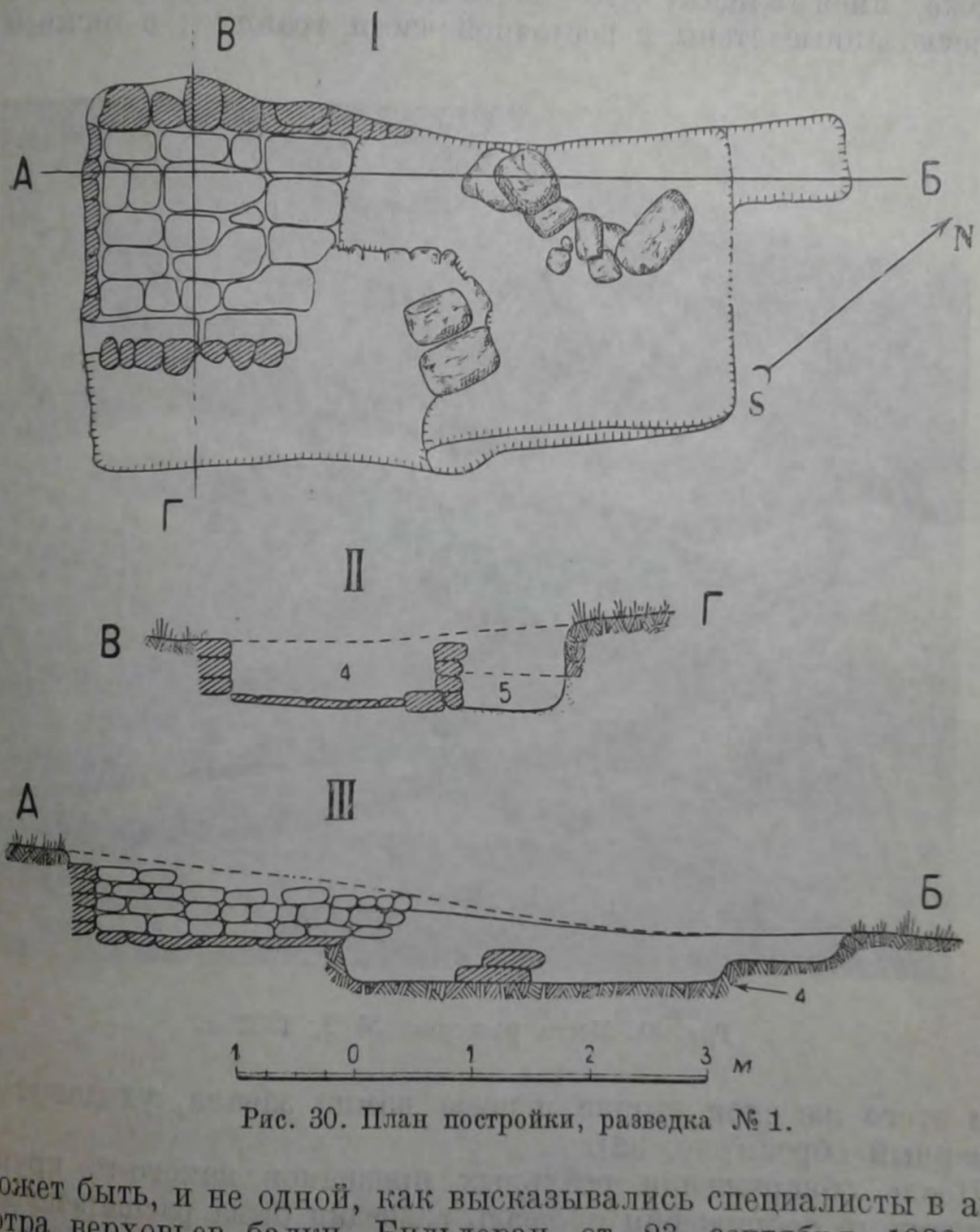

Рис. 30. План постройки, разведка № 1.

а, может быть, и не одной, как высказывались специалисты в акте осмотра верховьев балки Бильдеран от 23 сентября 1930 г.[1]

Разведочная траншея, размерами 6,5 × 1,5 м, заложенная поперек осадки в южной ее части, на месте растущего барбариса, на глубине 1,80 м встретила уходящий вниз под северный обрез завал мелкого камня, обрисовавшийся на дне траншеи резко очерченным полукругом, центр которого уходил под насыпь (рис. 31). В восточной части разведки вышли камни, положенные на глине, на-

[1] Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 11—12, стр. 66.

поминающие грубую кладку стены. При выборке земли из траншеи встречено три основных слоя земли, не считая гумуса: первый слой черной натечной земли залегал под гумусом пластом в 0,35 — 0,55 м, утолщаясь к западу. Второй слой, идущий ниже и имеющий толщину 0,40 — 0,60 м, состоит из желтой земли. Третий слой, состоящий из темной, твердой земли, залегал еще глубже, имея толщину 0,75 — 0,85 м. В этом слое обрисовались и вышеуказанные стены в восточной части траншеи; в нижней ча-

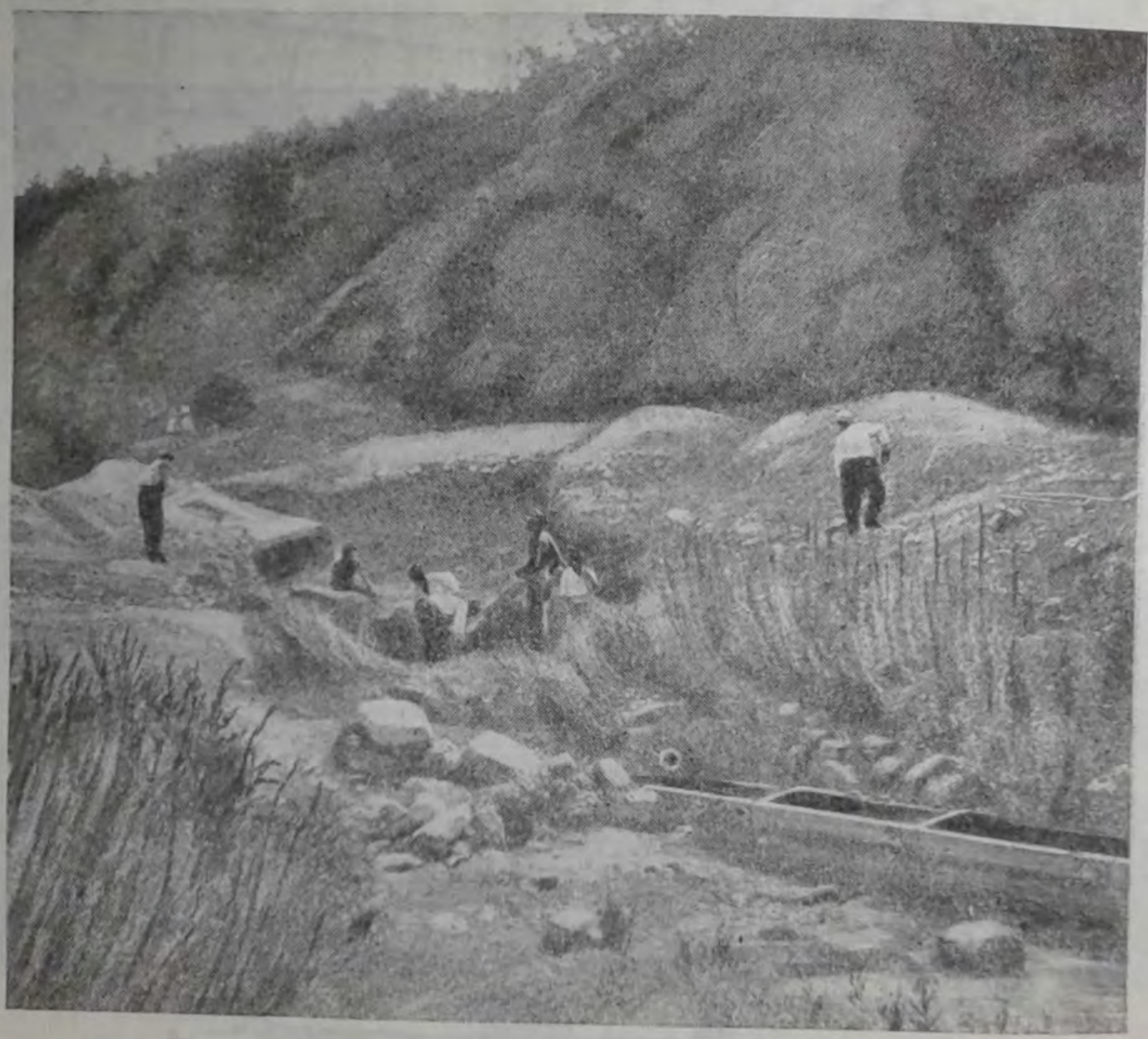

Рис. 31. Место разведки № 2, 1932 г.

сти этого же слоя вышли первые камни завала, уходящего под северный обрез (рис. 32).

После обнаружения реальных признаков какого-то крупного подземного сооружения площадь разведки была расширена до самого современного источника, площадкой размерами 14 × 4 м. На этом пространстве под слоем гумуса и черной натечной земли, залегавшим на всем пространстве раскопа пластом от 0,30 до 0,50 м, шел слой светлой желтоватой земли, в которой попадалось большое количество черепков сосудов красной глины. Слой этот залегал неровно. В южной части раскопа он доходил до 0,50 м толщиной; в северной он несколько утолщался и уходил под западный обрез; в центре спускался до 1,5 м. В северо-восточной части раскопа

этот слой исчезал совершенно, переходя здесь в насыпь сероватой земли. Последняя является следствием разрытия желтого слоя при сооружении позднего татарского приемного бассейна трубопровода.

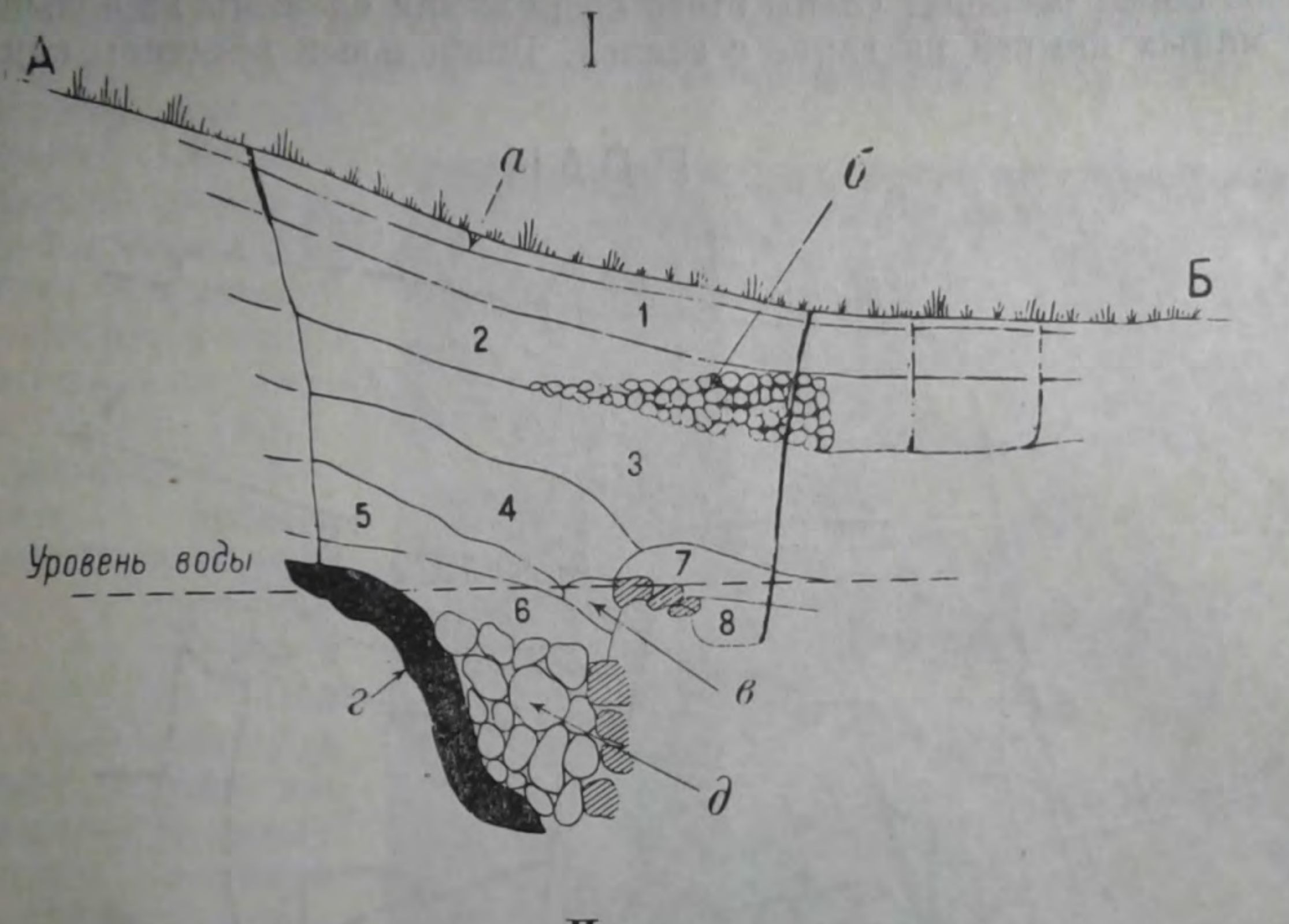

Рис. 32. Характер наслоения разведки № 2.

В среде этого слоя, начиная с юга, от полуциркульного обреза, обнаруженного в первой разведке, шел завал мелкого камня (рис. 33 и 34). Под этим завалом, на глубине 1,50 м от поверхности в южной части и на расстоянии от южной стороны раскопа на 2,90 м, вышла кладка большого сооружения, имеющего в плане вид

вытянутой подковы, открытой к северу, с короткой восточной стеной, имеющей 5 м длины, и с западной стеной, идущей почти до северного края раскопа и уходящей в северо-западном углу под западный обрез раскопа. Стены этого сооружения сложены из больших и малых камней на глине с землей. Наибольшей величины камни

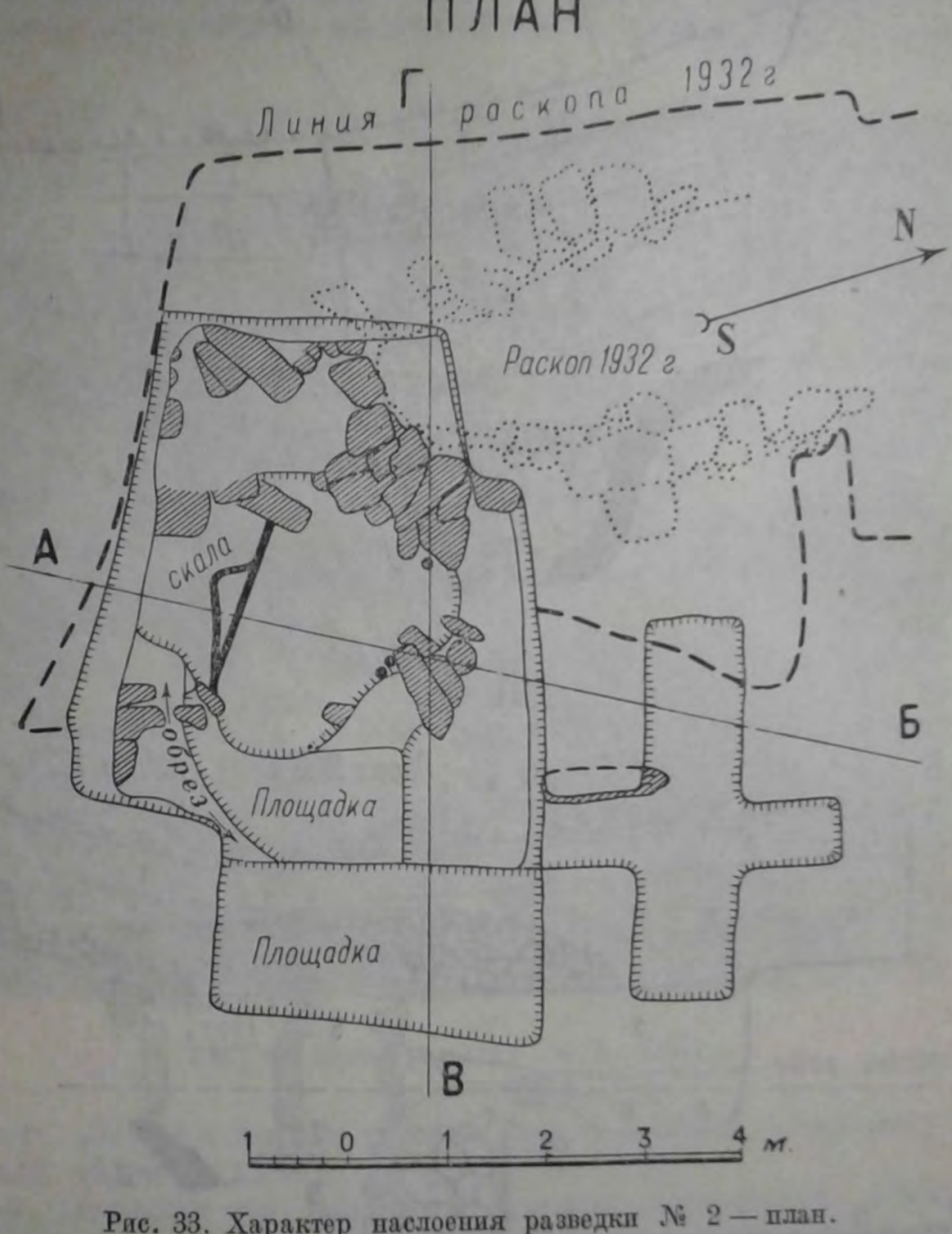

Рис. 33. Характер наслоения разведки № 2 — план.

кладки достигают в центральной части боковых сторон наметившегося сооружения. Здесь встречены камни размерами больше 1 м длины при 0,60 — 0,65 м ширины и толщины. Закругляющаяся южная часть сооружения сложена из более мелких камней. Камни кладки хотя и носят следы обработки, но сложены без тщательной пригонки одного к другому. Вся эта кладка носит характер невысокой стены-упора, защищающей определенное внутреннее пространство от оползания земли с запада, юга и востока. С наружной

стороны эти стены были подкреплены завалом мелкого камня. Внутри между стенами подковообразного сооружения, начиная с уровня верха стен сооружения, сначала шел завал мелкого камня, который постепенно укрупнялся. Весь этот завал находился в среде второго слоя желтоватой земли, богатой поздними поливными черепками, и шел на глубину 1,50 м от поверхности земли. Слой завала сменил резко граничащий с ним слой мелкого известкового отеска, плотно утрамбованного, в среде которого попадались черепки ранней керамики V—VII вв. и более поздней. Слой этот залегал более или менее ровным горизонтом по всему раскопу, занимая пространство в промежутке между стенами (в южной половине раскопки), подходил к западному обрезу, где и уходил под стену. В северо-восточной части раскопа не оказалось ни этого слоя ни стен. Они, по-видимому, были разрушены при постройке татарского водопровода. Там, где он сохранился, он залегал пластом от 0,25 до 0,40 м толщины. Кладка подковообразного сооружения стояла на этом слое.

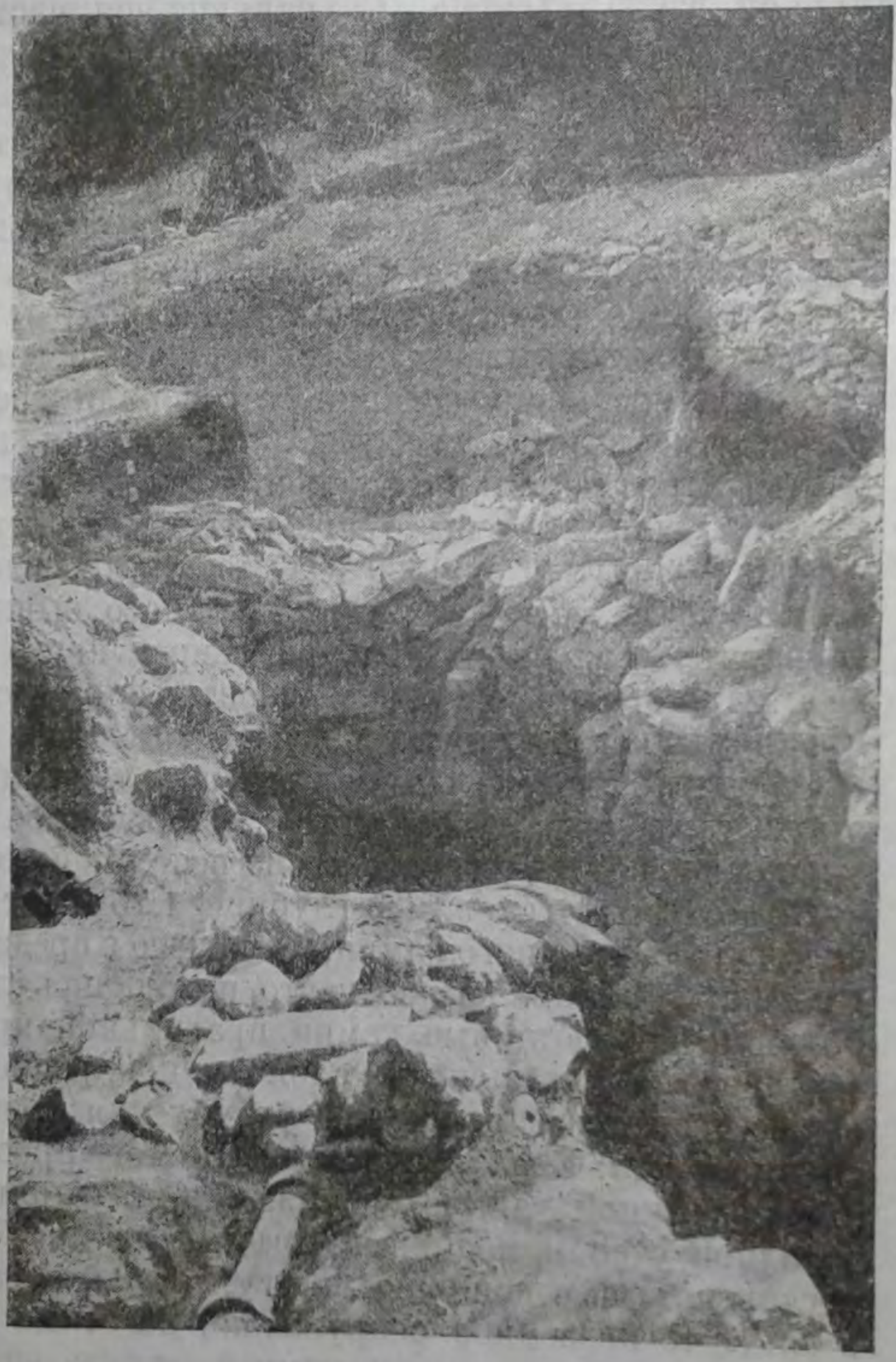

Рис. 34. Общий вид на разведку № 2 с севера.

В этом слое (около самой восточной стены), в расстоянии 1,60 м от закругленной части сооружения, сохранились следы дренажа. Он состоял из плоских, небольшого размера камней, обложенных по бокам каменными плитками. Получалось, таким образом, нечто вроде каменной трубы, имеющей в диаметре в среднем около 0,10 м.

Камни, из которых было сложено это дренажное сооружение, имели в среднем около 0,25 — 0,30 м длины, 0,07 — 0,12 м толщины и 0,20 — 0,30 м ширины. Остатки его шли вдоль восточной стены и заканчивались вместе с восточной стеной, видимо, уничтоженные одновременно с ней. Слабые остатки этого или же подобного дренажа намечались и по западную сторону у западной стены с северо-восточной части раскопа. Сохранявшаяся часть дренажа, дающая возможность говорить о его конструкции, положена была на крепкой глиняной смазке чистой желтой глины без примесей. От начала дренажа поперек пространства между стенами подковообразного сооружения стояла известковая плита, опущенная вертикально и спускающаяся своей нижней частью несколько ниже слоя отесков, а верхней своей частью доходящая до верха дренажа. Эта плита, уже вторично использованная как строительный материал, повидимому, должна была подымать воду до уровня каменного дренажа. За вторичное использование ее говорили две половины воронкообразных сквозных сверлин, находящиеся на обломанном крае плиты. При зачистке остатков дренажа в северо-западном углу раскопа были найдены фрагменты гончарных труб, аналогичные трубам, открытым в 1929 г. Остатки дренажа, сохранившиеся в южной части раскопа, лежали немного выше, против отправного горизонта осадочного колодца современного татарского водопровода. При снятии нижних горизонтов слоя отесков в раскоп начала проникать вода, идущая снизу и с юга.

По снятии слоя, чтобы не разрушать современного трубопровода, стали углублять пространство, заключенное между стенами сооружения, не идя севернее конца восточной стены.

Под слоем отесков, на глубине 1,75 м от поверхности, пошел слой завала крупного камня, лежащего в среде черного вязкого ила. Среди этого завала камней часто попадались лежащие в беспорядке большие обработанные камни правильной прямоугольной формы. Начиная с момента снятия слоя отесков, раскоп все время заливала вода, поступающая по мере углубления с возрастающей силой снизу и с юга. В южной части изучаемого пространства, под закругленной южной частью сооружения, в самом начале восточной и западной стен и под ними, выступали две большие, вертикально поставленные, с наклоном к югу, плиты, образующие как бы вход в какое-то подземное сооружение. За этими плитами к югу обрисовывался завал крупных камней, откуда на этом горизонте главным образом и поступала вода.

На глубине 2,25 м от поверхности земли вдоль всего раскопа, в среде того же слоя были обнаружены остатки деревянных жолобов, идущих от завала камня за вертикально поставленными большими плитами к северному обрезу раскопа, под который уходили в толщу насыпи.

Древние жолоба, сделанные каждый из половины бревна толстой крымской сосны, шли один около другого, при этом верхний жолоб был перекрыт третьим, перевернутым вверх дном и образую-

щим с ним деревянную трубу, имеющую канал шириной в 0,12 м. Общая ширина каждого жолоба достигала 0,20 — 0,25 м.

Нижний жолоб лежал на большой известковой плите, верхний частично опирался на край нижнего.

Изучив положение жолобов и зафиксировав их графически и фотографически, северную часть жолобов, наиболее разрушенную, сняли и еще несколько углубили раскоп. Но изучаемое пространство было настолько мало и неудобно для работы в нем, а главное — все это пространство настолько быстро заливалось водой, которую не в состоянии были мы откачивать вручную, что на глубине 2,65 м от поверхности, в центре раскопа, работы были прекращены.

К моменту окончания работ до конца первого слоя — завала больших камней в среде черного ила — раскопка доведена не была. Этот слой уходил вниз и к востоку по всему восточному обрезу. По западному обрезу снизу стали выходить серые и белые водонепроницаемые материковые глины. Вертикально стоящие плиты в южной части раскопа, под закруглением стены верхнего сооружения, оказались: западная — стоящей на выступающей здесь из водонепроницаемых глин скале, а восточная — стоящей на завале крупного камня, аналогичного всему нижнему слою. Вода на этой глубине перестала сочиться с юга в пространстве между двумя вертикальными плитами, а очень интенсивно поступала из-под середины восточного обреза из завала крупного камня. Было совершенно очевидно, что первоисточник воды находился ниже раскопанного участка, к востоку, и что для того, чтобы его раскрыть, необходимо снять всю восточную стену верхнего сооружения и, продолжая углубляться, вести раскопку к востоку. Но это требовало большого количества времени и средств, которыми экспедиция не располагала.

В виду того, что в верховьях балки Бильдеран пасется скот колхоза д. Черкес-Кермен, раскопанное пространство было заложено камнем, вода вновь пущена в современный водопровод, и вся раскопка была засыпана землей.

Подводя общий итог этой основной работы 1932 г. в верховьях балки Бильдеран, приходится суммировать ее следующим образом.

Раскопки безусловно обнаружили остатки целого ряда древних водоотправных сооружений, создаваемых последовательно одно на месте развалин другого, причем все время использовался один и тот же первоисточник воды.

Наиболее древнее сооружение, или, вернее, его остатки, которые можно было бы приурочить ко времени основания Эски-Керменской крепости, должны были бы находиться ниже достигнутой глубины раскопок этого года и лежать к востоку. На это указывает вода, поступающая интенсивно из-под восточного обреза. Возможно, что в случае действительного открытия этих более древних остатков разрешится вопрос наличия каптажных галлерей в скале.

Наиболее древнее из раскрытых раскопкой этого года сооруже-

ний есть сооружение, из которого вода поступала в деревянные жолоба, но оно не связано с вопросом существования каптажных галлерей. Оно построено впритык в завалу камня от разрушенного более раннего водосборного пункта, из-под которого проступала на поверхность вода. Поставленные на ребро две больших плиты под закруглением стен верхнего сооружения относятся к этому деревянному водопроводу. На основании наличия жолобов, стоящих один над другим, можно предположить два периода жизни этого сооружения.

Более позднее, верхнее водоотправное сооружение, направляющее воду по дренажу, в основном сохранило свою конструкцию несравненно лучше. Подковообразные в плане стены, относящиеся безусловно к этому сооружению, поставлены в одно время с устройством дренажа, на слое отеска. Цель постановки стен — предохранение дренажного сооружения от оползней окружающей земли и возможность более солидной засыпки землей и камнем для маскировки водоотправного пункта. Здесь, совершенно ясно, вода из завала более ранних сооружений благодаря вертикально поставленной поперечной плите частично попадала в канал дренажа (частично уходила по грунтам) и направлялась в гончарные трубы водопровода, ход которого прослежен в верховьях балки и работами этого года и разведкой 1929 г. Все это сооружение вряд ли можно датировать более ранним периодом, нежели самый конец первого тысячелетия нашей эры. Также затруднительно еще утверждать, что этот водопровод передавал воду в городище Эски-Кермен. Это сооружение имеет такое же отношение к каптажным галлереям, как и предыдущее, — оно целиком сооружено на развалинах предыдущего.

Последним этапом жизни водоотправного сооружения является современный татарский водопровод, поставленный лет 90 — 100 тому назад также впритык к завалу предыдущих сооружений и питающийся незначительным количеством воды, не успевшей рассосаться в нижних грунтах и поднявшейся до уровня канала его жалкого дренажа.

Разведка № 3. В промежутке между разведками 1929 г., обнаружившими гончарные водопроводные трубы, [1] и источником и в расстоянии 50 м от последнего к северу в целях уточнения хода трубопровода к месту, где предполагалось основное водоотправное сооружение (разведка № 2), была заложена разведочная траншея поперек балки от ее середины к западу.

На глубине 0,30 м, под слоем чернозема в желтоватой земле обнаружены камни перекрытия трубопровода (рис. 35). По снятии покрытия открыты остатки водопроводной магистрали. Тип труб и конструкция их перекрытия камнями аналогичны с открытыми в разведках 1929 г. После этого разведка продолжена к югу по ходу постепенно открывающейся линии водопровода, идущей прямо к разведке

[1] Готский сборник, стр. 132, 194—195.

№ 2, т. е. к месту предполагаемого водоотправного сооружения. На протяжении 32,5 м линия трубопровода не везде сохранилась одинаково. Местами трубы и обкладка из камней исчезли совершенно, но все же общее направление линии его вело прямо к разведке № 2. С целью уточнения залегания слоев в балке поперечную траншею углубили до материка. Эта работа выяснила следующую картину залегания слоев в балке: первый слой натечной черной земли залегал пластом на глубину 0,25—0,30 м. Второй слой, состоящий из желтовато-серой земли, залегал дальше, на глубину 0,64—0,75 м. В этом слое изредка попадались небольшие фрагменты красноглиняной посуды V—VIII вв. Нижний, третий слой залегал на 0,85 м. Он состоял из илистой черной земли. Здесь почти на самом материке было найдено нескольно фрагментов глиняной посуды, близкой к находимой в крымских «каменных ящиках». Этот третий слой подстилал материк, состоящий из мельчайших известковых пород и глин.

Рис. 35. Остатки магистрали трубопровода в разведке № 3.

Разведка № 4. Вода современного источника в балке Бильдеран, вытекая из поздней гончарной трубы, попадает в деревянное корыто, стоящее в западной части искусственного примитивного бассейна-ямы, размерами 8 × × 12 м, вытянутой к северу. Южная, западная и восточная стороны этого бассейна для предотвращения оползания его берегов обложены большими, сильно выветренными, но обработанными камнями. Образован примитивный бассейн с невысокими, до 1 м высотою, стенками. Из них южная в своей середине сильно разрушена. С севера бассейн сильно заболочен из-за постоянного скопления в нем воды, прегражден валом-плотиной, идущим поперек балки. В северо-западном углу бассейна этот вал-плотина разрушен, что не дает воде скопляться в нем в большом количестве. В восточной своей половине этот вал-плотина сохранился гораздо лучше. Здесь на поверхности земли выступает

кладка из довольно крупных камней, намечающих стену в 0,60 м шириною.

Предполагая в этом месте следы древней плотины, которая могла направлять воду источника в «канал», лежащий по западному берегу балки, произвели разведку характера этой кладки, для чего по обе стороны этой стены заложили две траншеи: одну — по

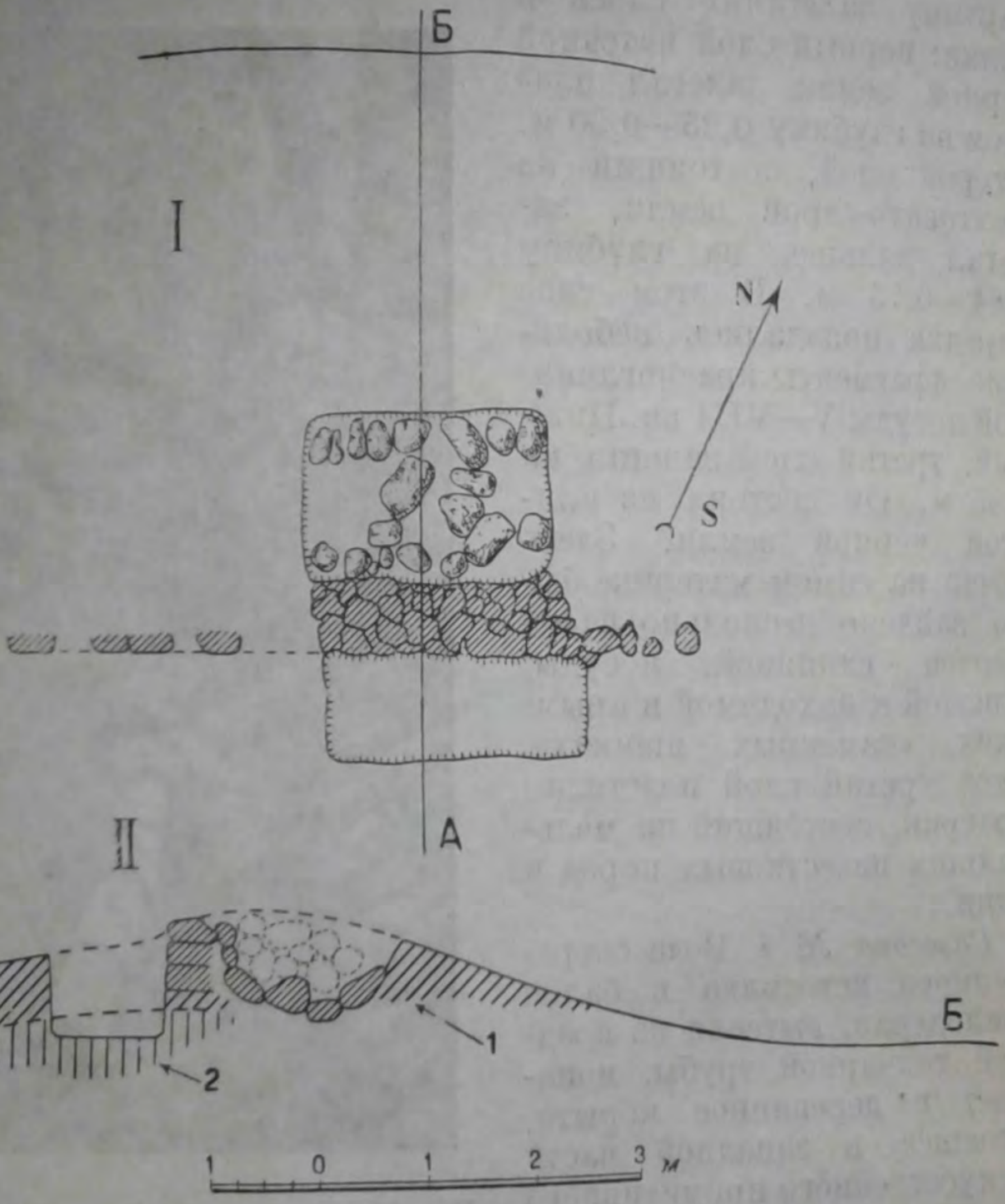

Рис. 36. План и разрез разведки № 4.

южную сторону, размерами 2,50 × 1 м, другую — по северную, размерами 2,30 × 1,5 м (рис. 36).

Южная траншея на 0,66 м от поверхности установила, что кладка стены закончилась, имея 3 ряда кладки камней большого размера, хорошо обтесанных с внешней стороны. Стена лежала на земле черного цвета. Дальнейшее углубление разведки не дало остатков кладки стены. Углубив разведку на глубину 1,09 м от поверхности, констатировали следующее залегание слоев: первый слой — черной земли — шел на глубину 0,80 м, уходя ниже стены на 0,14 м, ниже шел слой мягкой желтоватой земли. Таким образом выясни-

лось, что стена лежит только в первом слое и ниже не продолжается в связи с чем работа на данном участке прекращена.

Северная разведочная траншея углублена на 0,80 м. Здесь почти сразу под небольшим слоем дерна пошел завал крупного камня, как бы закиданного для упора лицевой части кладки плотины. Весь этот завал был в среде той же черной земли, аналогичной первому слою в южной разведке.

Из произведенных работ на данном участке выяснилось, что этот вал-плотина в действительности есть запруда, предназначенная для собирания воды в искусственно сделанном бассейне-яме. Совершенно бесспорно, что эта плотина относится к очень позднему времени и никакого отношения к первоначальному водоотправному сооружению не имеет. Вероятнее всего, эта плотина относится ко

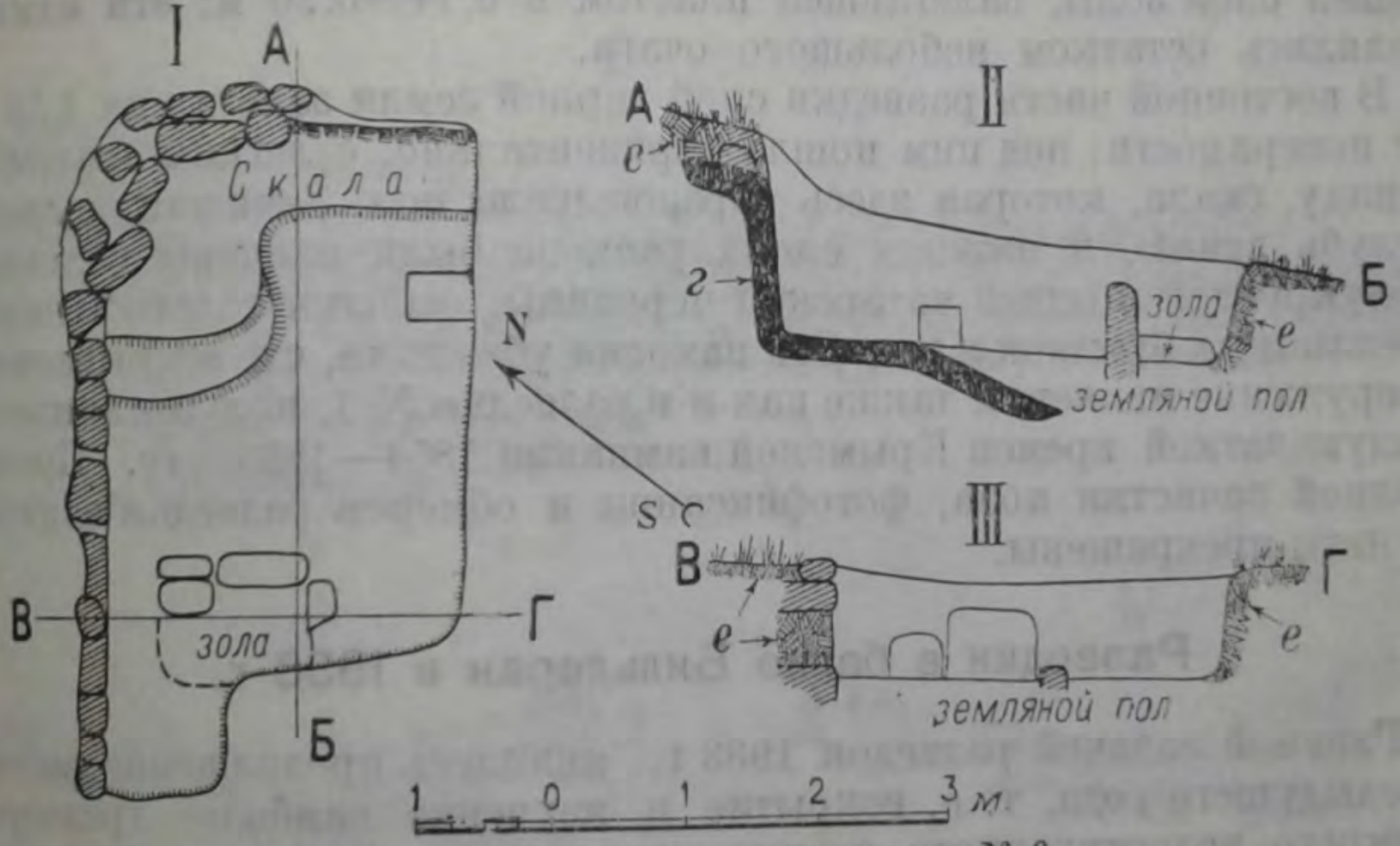

Рис. 37. План и разрезы разведки № 6.

времени Крымской кампании, как и остатки, обнаруженные в раскопке № 1.

Разведка № 5. В восточном отрыве берега балки Бильдеран, на горизонте раскопок водоотправного сооружения (раскоп № 2), выходят известковые скалы. Из трещины в скале сочится едва заметный источник, весь заросший кустарником, травою и вьющимися растениями; этот источник был зачищен и изучен.

Было установлено, что этот источник никогда не эксплуатировался — никаких следов искусственного его приспособления для нужд человека обнаружено не было.

Разведка № 6. Осмотр балки Бильдеран определил наличие на восточном берегу ее большой осадки, по сторонам которой, за исключением западной, выдавались остатки каменной кладки. С целью выяснения характера этого сооружения в данном месте разведочные работы захватили всю северную половину намечающегося сооружения (рис. 37).

В восточной части разведка доведена до намечающейся там кладки стены. На глубине 0,35 м от поверхности стала прощупываться скала, которая спускалась вниз почти вертикально. В северо-восточном углу эта скала спускалась к западу более плавно. По расчистке всей восточной части разведки выяснилось, что остатки восточной стены постройки сложены из одного ряда довольно крупных, слегка обтесанных камней, лежащих на скале, стесанной здесь вертикально. Зачищенная внутренняя сторона северной стены оказалась в один, а местами в два ряда камней, лежащих на темной земле натечного происхождения.

У северной стены, в расстоянии от нее на 0,46 м, на глубине 0,51 м от поверхности, обнаружены тесаные, поставленные на ребро камни. С западной стороны последних на глубине 0,74 м от поверхности пошел слой золы, залегавшей пластом в 0,14—0,20 м; эти камни являлись остатком небольшого очага.

В восточной части разведки слой черной земли залегал на 1,58 м от поверхности: под ним пошла горизонтально, с легким скатом к западу, скала, которая здесь образовывала пол. Зачищая дальше вглубь землю, в нижних слоях раскопа были найдены обломки полукруглой поздней татарской черепицы, осколки толстостенных стеклянных бутылок и т. д. Эти находки убеждали, что вскрываемое сооружение является, также как и в разведке № 1, полуземлянкой-полупалаткой времен Крымской кампании 1854—1855 гг. После полной зачистки пола, фотофиксации и обмеров разведки в этом пункте прекращены.

Разведки в балке Бильдеран в 1933 г.

Главной задачей разведок 1933 г. являлось продолжение работ предыдущего года, т. е. вскрытие и изучение наиболее древнего нижнего водоотправного сооружения, установление принципа получения воды головной частью трубопровода и выяснение вопроса наличия предполагаемой каптажной галлереи в толще скалы.

Так как работы 1932 г. установили, что наиболее древнее сооружение должно находиться глубже и восточнее сооружений, наметившихся при работах этого года, решено было повести раскопку в этом году с восточной стороны прошлогоднего раскопа, углубиться ниже достигнутых раньше горизонтов, подойдя к ним сбоку. Для этого в расстоянии 3 м от южного обреза разведки 1932 г. заложена траншея, размерами 5,50 × 1,70 м. Впоследствии разведочная траншея была расширена к югу и доведена до линии обреза 1932 г. Общая площадь всего раскопа, таким образом, занимала участок 12 × 4,50 м, частично была затронута и углублена территория разведок 1932 г. в юго-восточной ее части (рис. 38—39).

На всей территории разведки, которая расположена была на плавном скате, падающем с Ю на С, непосредственно после слоя гумуса пошла черная натечная земля, залегавшая от поверхности на глубину 0,45—0,50 м. За этим слоем вглубь пошел пласт мелкой

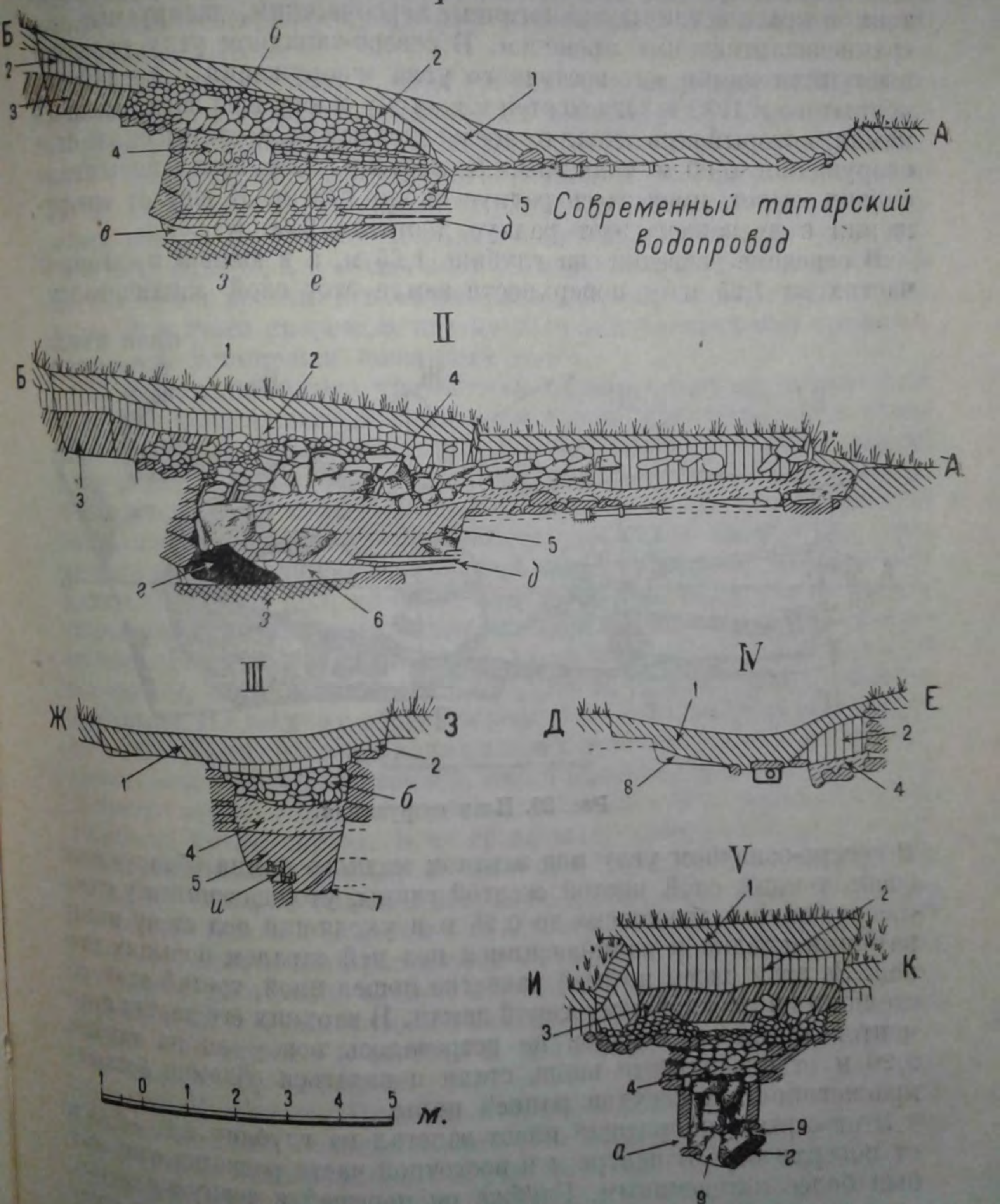

Рис. 38. Характер наслоений.

желтоватой земли, в которой попадались значительного размера необработанные камни. Вместе с ними в этом наслоении встречались фрагменты глиняных сосудов. Датировка последних затруднительна. Встречались, между прочим, обломки крупных кувшинов тонкой красной глины, аналогичные херсонесским, датируемые там «ранневизантийским» временем. В северо-западном углу разведки выступили камни юго-восточного угла «сооружения с дренажем», вскрытого в 1932 г. От его стен к востоку и югу шел завал мелкого камня, который весь лежал в слое желтой земли, достигая около стен сооружения 0,90 м толщины. К востоку этот завал постепенно сходил на-нет, имея здесь радиус около 1,60 м. К югу от «сооружения с дренажем» этот радиус достигал 2,00 м.

В середине разведки на глубине 1,65 м, а в южной и северной частях на 1,25 м от поверхности земли этот слой заканчивался.

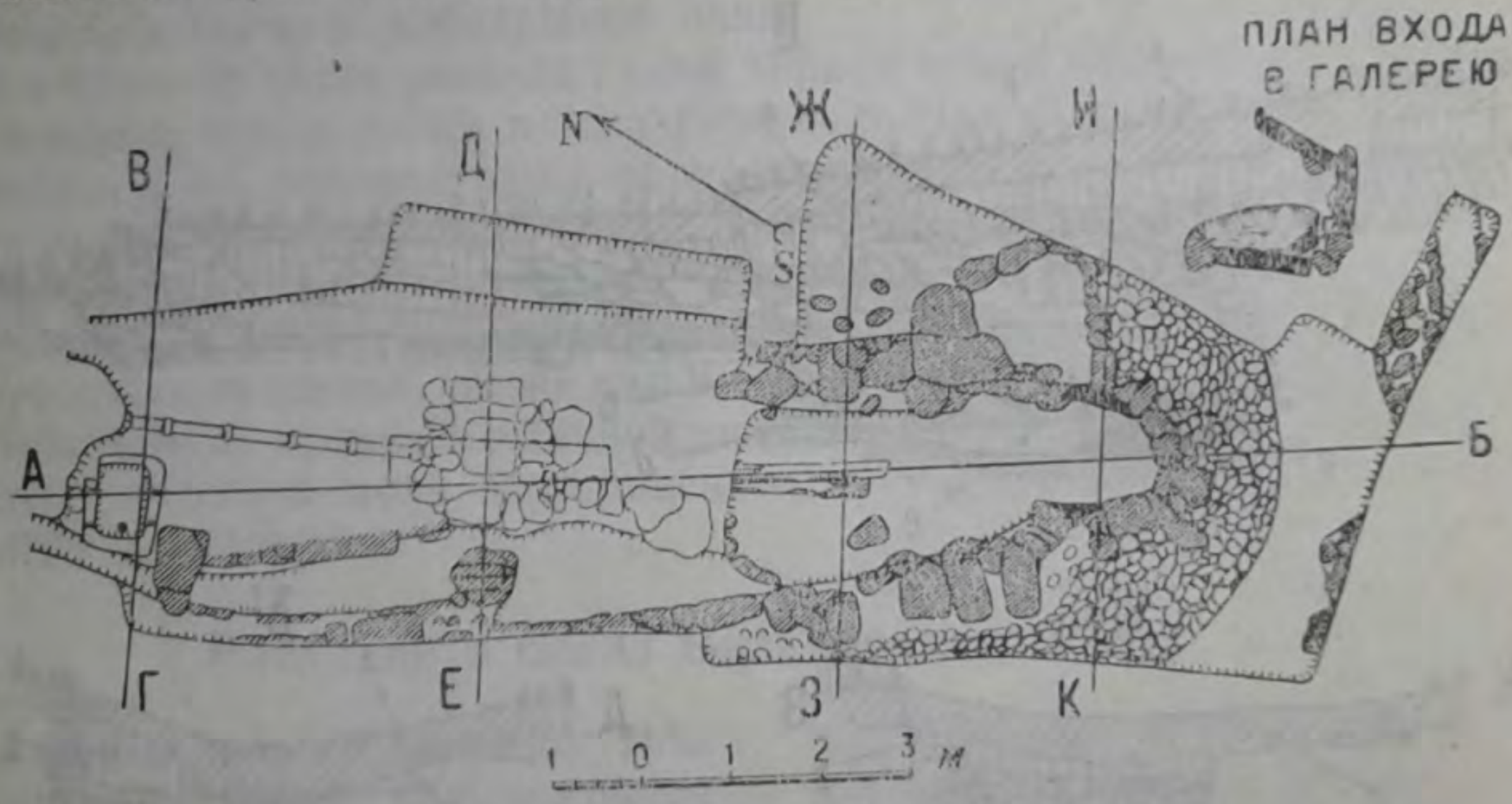

Рис. 39. План сооружения.

В северо-западном углу под завалом мелкого камня обнаружился очень тонкий слой чистой желтой глины, утолщающийся у стены «сооружения с дренажем» до 0,25 м и уходящий под стену между камнями кладки и начинающимся под ней завалом больших камней. За этим слоем по всей разведке пошел иной, третий слой, состоящий из плотной темносерой земли. В верхних его частях фрагментов глиняных сосудов не встречалось вовсе, но на глубине 2,20 м от поверхности вновь стали попадаться обломки больших красноглиняных сосудов ранней поры.

Этот серый однородный пласт залегал на глубину 2,25—2,55 м от поверхности. В центре и в восточной части разведки слой этот был более интенсивным. Глубже он перешел в черную илистую, вязкую землю, а в западной части разведки ил этот почти сразу стал чрезвычайно сырым. В северной половине раскопа, почти в его середине, в этом слое на глубине 2,55 м от поверхности земли вышел большой, обтесанный с трех сторон продолговатый камень, лежащий

с З на В. По мере открытия этого камня по юго-западную его сторону под слоем черного ила, достигавшем здесь 0,25 м толщины, пошел тонкий слой песка, и стала быстро поступать вода. Но, хотя последняя и поступала довольно быстро, она все же не переходила определенного горизонта, который находился от поверхности земли на глубине 2,75 м.

Вода поступала снизу и затем уходила под открытую с ЮВ стену «сооружения с дренажем». Пришлось позаботиться о выкачке воды из разведки. Было ясно, что северо-восточный угол раскапываемого участка по мере его углубления ниже горизонта стояния воды ею не наполняется; решено было углубить его и устроить здесь ковш, откуда по рукаву пожарного насоса можно будет выкачивать воду наверх, а в ковше воду подавать ведрами, так как рукав насоса не мог достать в те точки разведки, где начинала поступать вода. Для этого прорезана над ковшом вспомогательная траншея, в которой установили пожарный насос.

По мере дальнейшего углубления разведки уже на территории к югу от показавшегося камня выяснилось следующее: под большим камнем к СЗ выходили еще три небольших камня, лежащих один подле другого. Этот ряд камней находился на плотном завале больших камней, между которыми залегал песок, напоминающий белую глину. С южной стороны большого камня вышли два деревянных кола, входящие в каменный завал и имеющие около 0,70 м длины. Такой же кол, но более короткий, был обнаружен в завале камня под юго-восточным углом внешней стены «сооружения с дренажем». Все три кола, стоявшие вертикально, сильно погнили и попорчены, имели в диаметре 0,07—0,10 м, нижние концы их были заострены. По южному обрезу черная земля спускалась на глубину до 3 м в середине обреза и подымалась к его восточному и западному краям. Под этой черной землей, очень плотной, шла желтая глина. В центре обреза толщина пласта ее достигала 0,60 м, слегка утолщаясь по краям обреза. В ее среде выступали большие обломки скалы правильной формы, не имеющие ясных следов обработки. Особенно большие камни выступали в западной части разведки, где они достигали 1 м длины при 0,50—0,60 м ширины и толщины. Слой этой глины, если рассматривать ее по западному обрезу, шел к северу на расстоянии около 2 м, затем резко обрывался, переходя в черный ил и завал крупного камня, уходящего под стену «сооружения с дренажем». В восточной части разведки выступающая из-под южного обреза желтая глина резко заканчивалась закругляющимся к СВ обрезом. Ниже желтая глина переходила в слой белой глины, имеющей большое количество примеси песка. Этот пласт белой глины в центре южного обреза имел 0,15 м толщины. К западу слои желтой и белой глины достигали мощности 0,85—0,95 м. Из-под белой глины на глубине 3,75 м от верха южного обреза выступала скала. Последняя спускалась сначала плавно, а затем резко пошла вниз, почти по вертикали. Весь выступ скалы равнялся не более 1 м. Все пространство между открытым камнем, образую-

щим границу проникновения воды к северу. и скалой было заполнено завалом камней, между которыми лежал песок. В завале найден камень размерами 0,92 × 0,20 × 0,20 м, с ясно обработанными длинными сторонами. На одной из необработанных сторон его высечены два четырехконечных креста. Одно изображение — маленькое и неясное (размеры — 0,045 × 0,06 м), а другое — большое, более четкое (размеры — 0,09 × 0,10 м). Последнее представляло крест с раздвояющимися концами. [1] Нахождение так глубоко (на глубине 5 м от поверхности) в завале этого памятника является лишним доводом в пользу предположения о том, что остатки древнего сооружения могут лежать еще ниже.

По мере углубления в этом пространстве вода поступала с возрастающей силой, и притом только снизу, из завала камня. Она поступала так быстро, что на откачку ее приходилось употреблять раза в четыре больше времени, нежели на самую работу по выборке завала.

На глубине 5,50 м от верха южного обреза разведки скала пошла опять почти горизонтально. Но на какое расстояние шел этот выступ, сказать было очень трудно, так как вода мешала нащупать край скалы. Образовавшееся очень узкое пространство, на котором можно было вести работы, постоянный приток большого количества воды, и недостаток средств заставили и в этом году прекратить работы, не достигнув намеченной цели. Но, судя по всему (выход скалы, поступление воды только снизу), разрешение вопроса о принципе получения воды близко. Надо расширить разведку, устроить отвод воды, и вопрос о предполагаемом наличии каптажной галлереи или другого вида водоотправления будет разрешен.[2] По окончании разведок площадь раскопа не была засыпана землей. Убедившись в том, что современный водопровод может попрежнему функционировать, раскоп окружили высоким плетневым забором.

---

[1] Ср. аналогичное начертание крестов V—VI вв. (Готский сборник, стр. 189) и в Херсонесе (Н. И. Репников, Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. Херсонесский сборник, вып. II, 1927 г., стр. 152, рис. 7).

[2] Законченное в 1934 г. исследование не подтвердило предположений, намечавшихся в процессе работ предыдущих лет.

Е. В. Веймарн

Остатки древнего водопровода близ урочища Мустафа-бей в долине р. Качи

В том месте, где р. Кача прорывает гряду Крымских гор, почти в центре ущелья, на правом берегу реки расположено урочище Мустафа-бей (рис. 40). В полукилометре к ЮВ от последнего горы

Рис. 40. План урочища Мустафа-бей.

прорезаны к СВ глубоким и узким ущельем Таш-аир. Вход в него загораждают большие обломки скал, рухнувшие с обрывов.

Производившимися в 1933 г. работами по расширению проходя-

щей здесь шоссейной дороги под самыми обрывами скал была обнаружена линия старинного, уже не действующего водопровода.

18 сентября 1933 г. состав Эски-Керменской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Государственного Исторического музея осмотрел это место. Установлено, что трубопровод шел из ущелья Таш-аир, придерживаясь его северного склона, поворачивая затем далее к северу, вдоль современного шоссе, где он прослежен с перерывами более чем на 0,25 км. Дальнейший ход трубопровода был срыт уже давно, при первоначальной

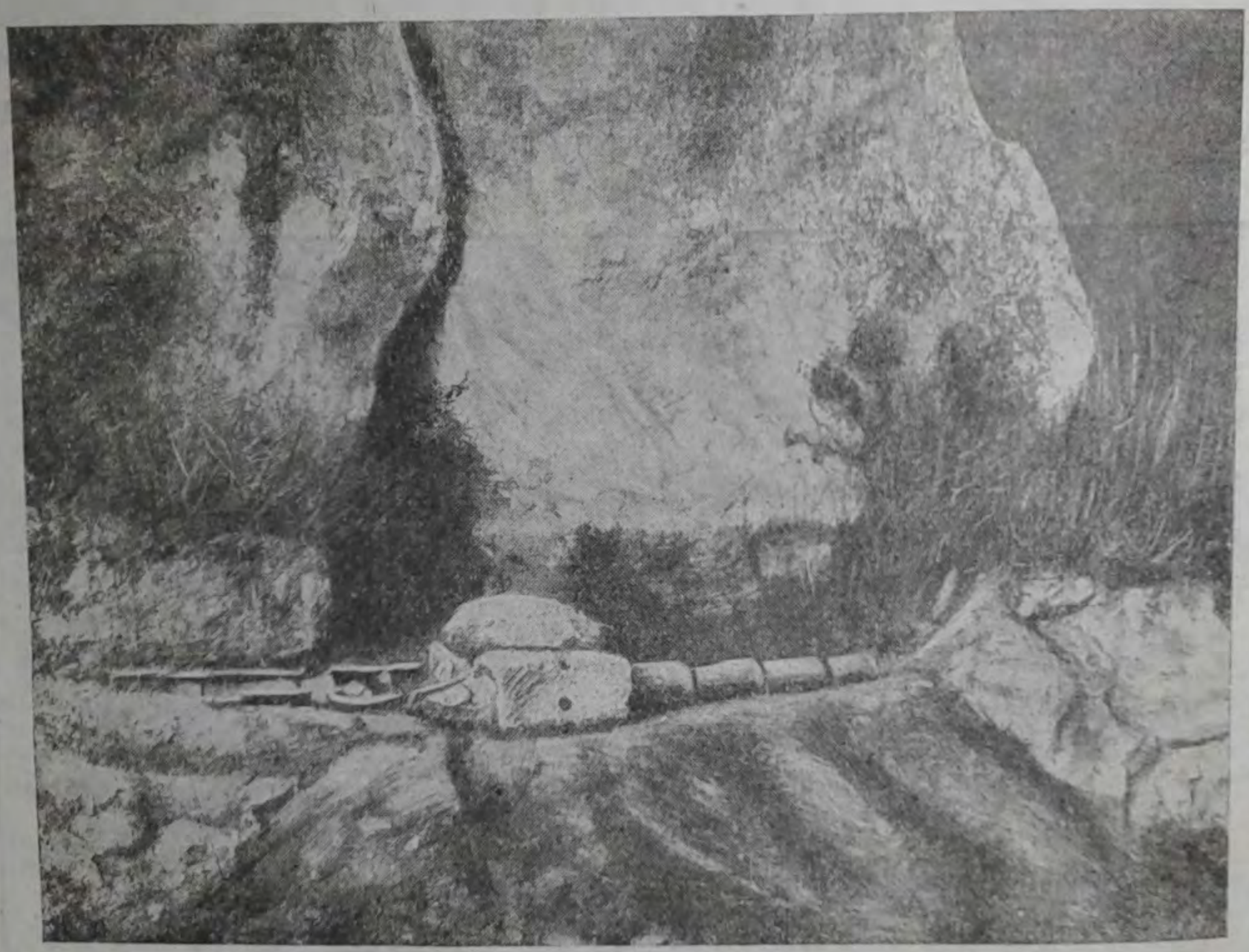

Рис. 41. Вскрытая разведкой линия трубопровода.

прокладке старой шоссейной дороги. Судя по направлению линии его, он шел к урочищу Кош-дермен, расположенному в 1 км к северу от Мустафа-бей. Здесь находятся остатки небольшого татарского феодального замка-крепости. Создание этого водопровода приходится отнести к татарскому периоду

Произведенная разведка и небольшая зачистка открыли на самом повороте с дороги в ущелье небольшой осадочный колодец и несколько колен гончарных труб (рис. 41—42). Кроме того, были изучены трубы, обнаруженные в откосах земляными работами при расширении шоссе.

Трубопровод лежит не глубоко от поверхности, в среднем на глубине 0,50 м, в культурном пласте. Трубы его плотно вставлены одна в другую по ходу воды и скреплены между собою розовым

Рис. 42. Деталь осадочного колодца и трубопровод.

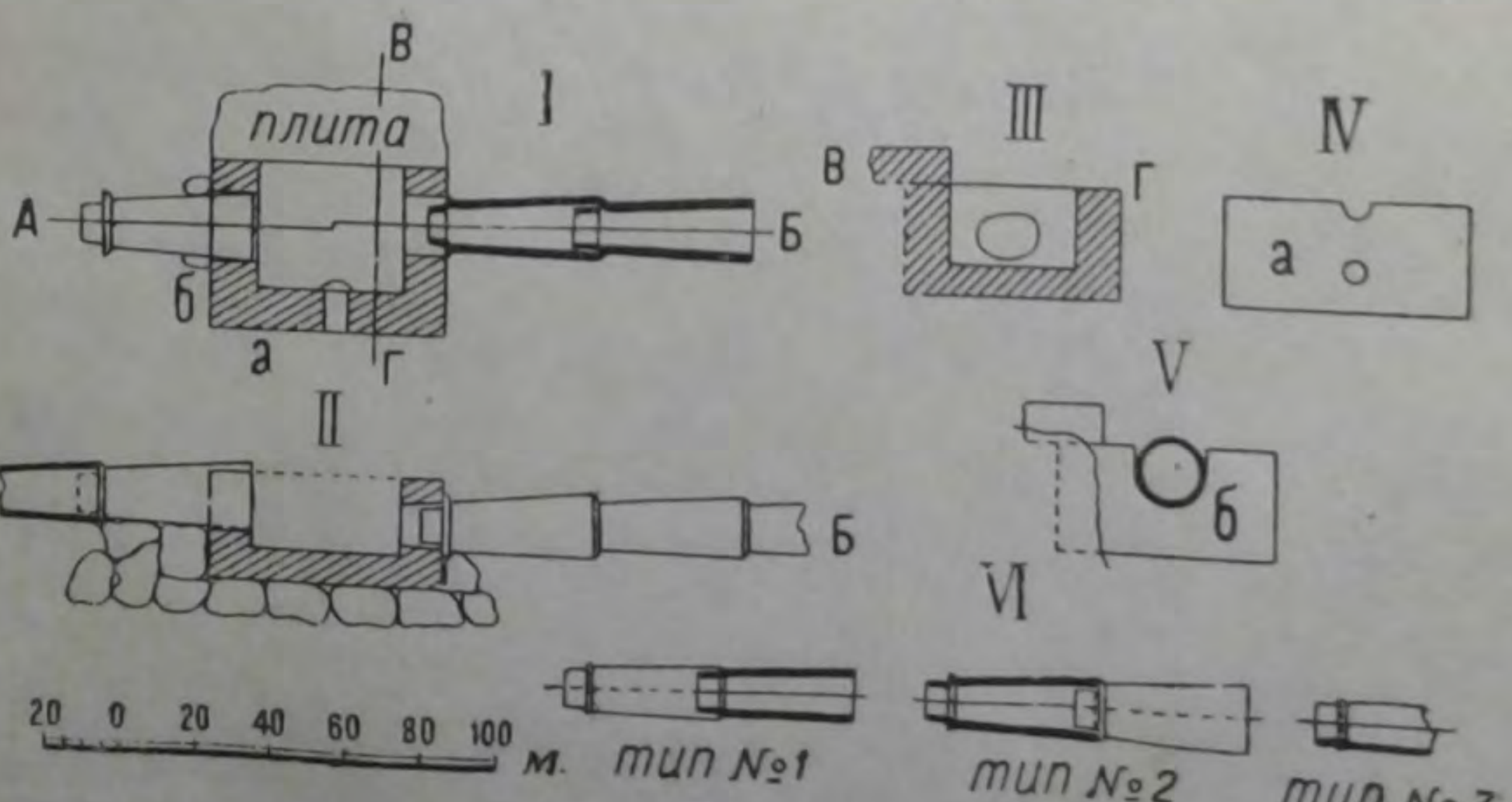

Рис. 43. Схема трубопровода и осадочного колодца.

известковым раствором. По сообщению У. А. Баданинского, участника экспедиции, этот раствор изготовлялся из извести, толченого кирпича и льняного масла в определенных пропорциях и отличался водонепроницаемостью и крепостью. Состав этот являлся особым секретом татар мастеров-водопроводчиков (чешмеджи).

На всем протяжении открытых остатков обнаружены три основных типа гончарных водопроводных труб (рис. 43). Они сделаны из хорошо обожженой красной глины, имеют в среднем 0,45 м длины при 0,08 м в диаметре в наиболее узкой передней своей части.

Вскрытые зачисткой, поворачивающие из ущелья Таш-аир 4 трубы входят в небольшой, высеченный в целом известковом камне осадочный колодец. При этом входные трубы расположены несколько ниже, нежели выходные. Внутренние размеры колодца — 0,40 × 0,35 × 0,20 м. Толщина стенок в среднем равна 0,10 м. Колодец сверху покрывался плитками, одной из которых — главной — не сохранилось. Щели между плитами замазывались тем же розовым известковым раствором. Весь колодец прочно установлен на вымощенной из мелких камней площадке-фундаменте.

Проследить ход водопровода в ущелье Таш-аир не удалось из-за вышеуказанных обвалов скал, почти закрывших вход в ущелье. В настоящее время из-под северной части этого завала вытекает небольшой родник, возможно, некогда дававший воду описанному трубопроводу.

У. А. Боданинский

Черкес-Керменское укрепление Кыз-Кулле по разведкам 1933 г.

Комплекс укрепления Кыз-Кулле [1] расположен в северо-восточном конце массива второй гряды Крымских гор, подымающегося на 247 м над уровнем моря и идущего параллельно с массивом Эски-Кермен, между двумя глубокими горными проходами. В северо-западном из этих проходов расположена современная татарская деревня Черкес-Кермен, колхоз «Кызыл-Кувет».

Массив Дувель, или Тапшан, как его называет местное население, с трех сторон замыкается вертикальными обрывами, соединяясь с карнизом с Ю в точке Савускан-Бурун (мыс Сороки), и вследствие этого доступ на его плато совершенно изолирован (рис. 44). Из обеих долин на плато ведет сквозная горная тропа, имеющая на обрывах З—В вырубные лестницы в скале со следами целого ряда нарубленных круглых ямок для столбов искусственных деревянных заграждений (частокола, барьера, калиток).

К самому укреплению (рис. 45), расположенному на северном мысу плато, ведет с Ю, возвышаясь на 1,50 м, дорога, вырубленная в скале на протяжении 43 м, шириной 2,5 м, со следами каменного невысокого вырубного парапета по обе стороны и ряда круглых на нем ямок для деревянных стоек частокола.

В начале дороги и ведущей на нее вырубной лестницы имеются в скале ямки большого диаметра и глубины для деревянных столбов, к которым, видимо, прикреплялись полотнища ворот. Конец дороги заканчивается искусственной выемкой-рвом 5,00 × × 4,75 м, на крутых стенках которого следы вырубных лестниц. По ту сторону рва вплотную к нему поставлена башня, четырехугольная в плане, с ориентацией ЮЗ—СВ. У южной пяты башни видны вырубные гнезда, очевидно, для концов горизонтальных балок моста, который перекидывался через ров (рис. 46—47).

Размеры башни невелики — 6,50 × 6,30 м, при толщине стен 1,20 м. На оси АБ имеются две сквозные стрельчатые арки, которые наблюдаются в ряде феодальных сооружений Крыма (рис. 48). Стены сложены из бутового местного камня на хорошем известковом растворе с примесью кварцевого песка и небольшого процента

[1] В Крыму в нескольких местах имеются под этим названием башни в системе различных укреплений, например, против Тепе-Кермена и в Судакской крепости. Очевидно, это местное искажение названия «Кез-Кулле» — дозорная, сторожевая наблюдательная башня, ибо нам представляется мало логичным называть целый ряд башен «Кыз-Кулле» — девичья башня.

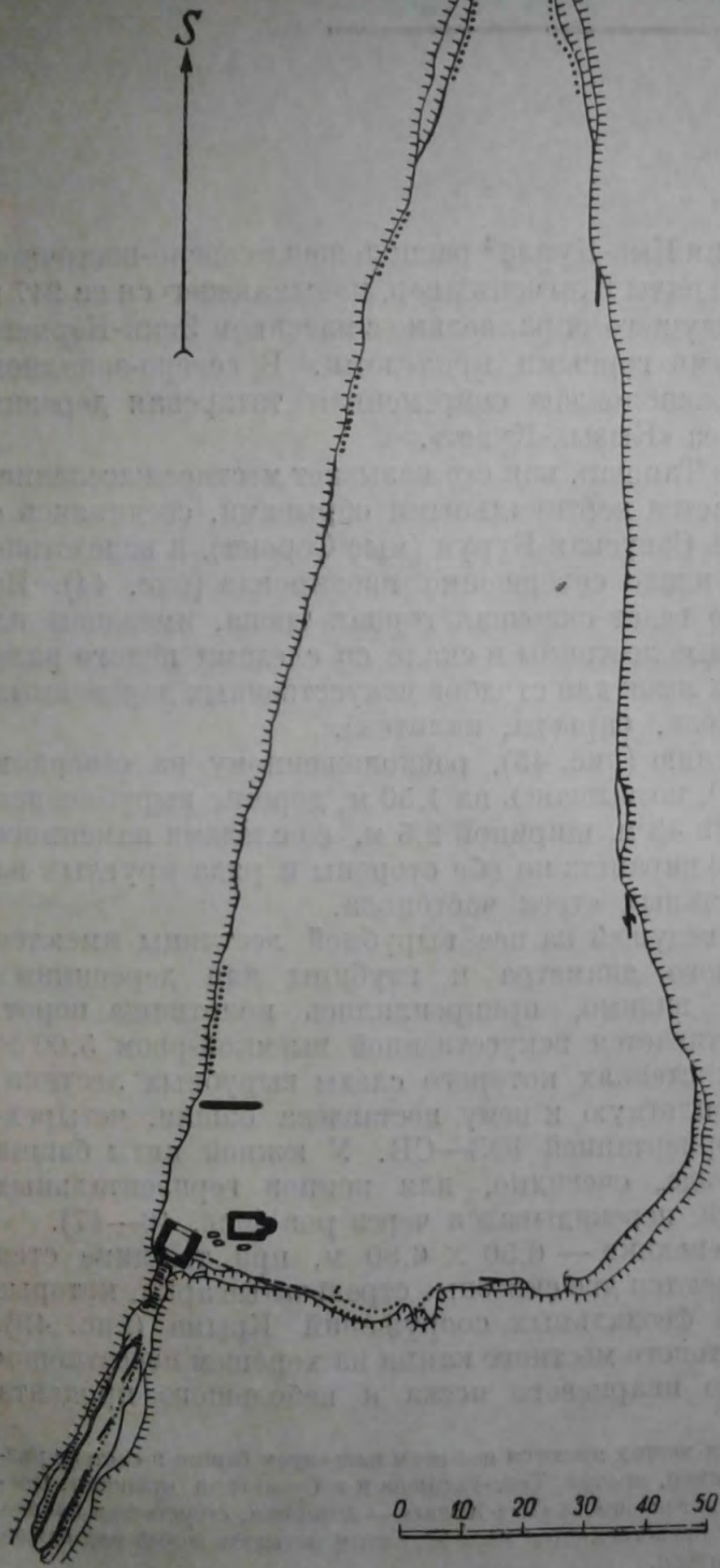

Рис. 44. План городища Кыз-Кулле.

толченой черепицы (так наз. «хорасан»). В настоящее время башня ничем не перекрыта. Она не имеет бойниц. На внутренних стенах — следы гнезд для концов балок в три ряда, что указывает на то, что внутри башня была трехъярусной. В некоторых гнездах видны еще уцелевшие фрагменты балок. У пяты обеих арок имеются гнезда для концов перекладин, в которых вращались полотнища ворот. Внаружной кладке восточной стены, на высоте 3,10 м от основания башни, заложен наискось небольшой блок 0,54 × 0,50 м с выдолбленным изображением креста.

Мыс представляет собою сильно укрепленное место, площадью около 11 000 кв. м. Конфигурация — в виде стрелы, острие которой сильно выдается на С. Башня и все остальные сооружения (вырубные могилы и часовня) сосредоточены в южном широком конце, непосредственно у рва (рис. 44).

Мыс замыкается со всех сторон высокими вертикальными обрывами скал с сильным падением горизонталей на С. На отдельных

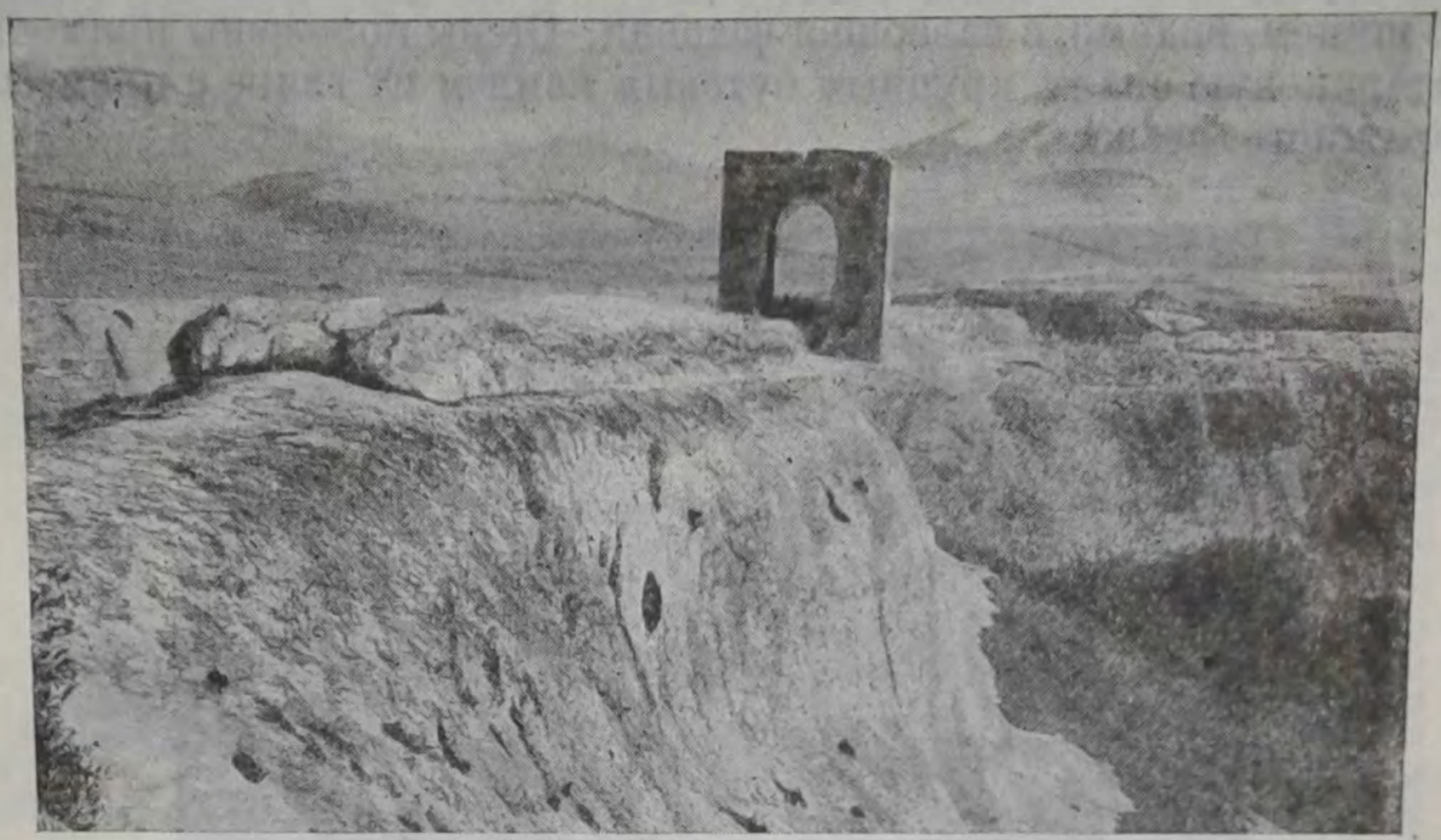

Рис. 45. Башня Кыз-Кулле, вид с юга

участках обрывов, примерно в северной оконечности, частью на ЮВ и З, заметны следы постелей для искусственного парапета и ряда круглых вырубных ямок для столбов деревянного частокола.

У северной оконечности мыса скалы обрываются уступами вниз. Здесь явственно видны следы вырубной лестницы в пять ступенек, ведущей вниз, и ряд многочисленных вырубных ямок для стоек частокола, который огибал мыс, и следы постелей для искусственной стены бруствера. По бокам верхней ступеньки лестницы — следы 2 вырубных ямок для деревянных столбов, на которых была, видимо, прикреплена калитка.

Рис. 46. Лицевой фасад башни

В районе башни были зачищены: небольшая часовня и пять вырубных в скале гробниц. Часовня — рядом с башней. Небольшое

одноабсидное сооружение 7,50 × 4,50 м, при толщине стен около 0,80 м, ориентированное с З на В (рис. 49). Внутри под строительным мусором найден железный крест с расширяющимися концами и с шипом, видимо, с навершья часовни. Стены положены прямо на материковую скалу крупным бутовым камнем на глине с примесью овражного песка.

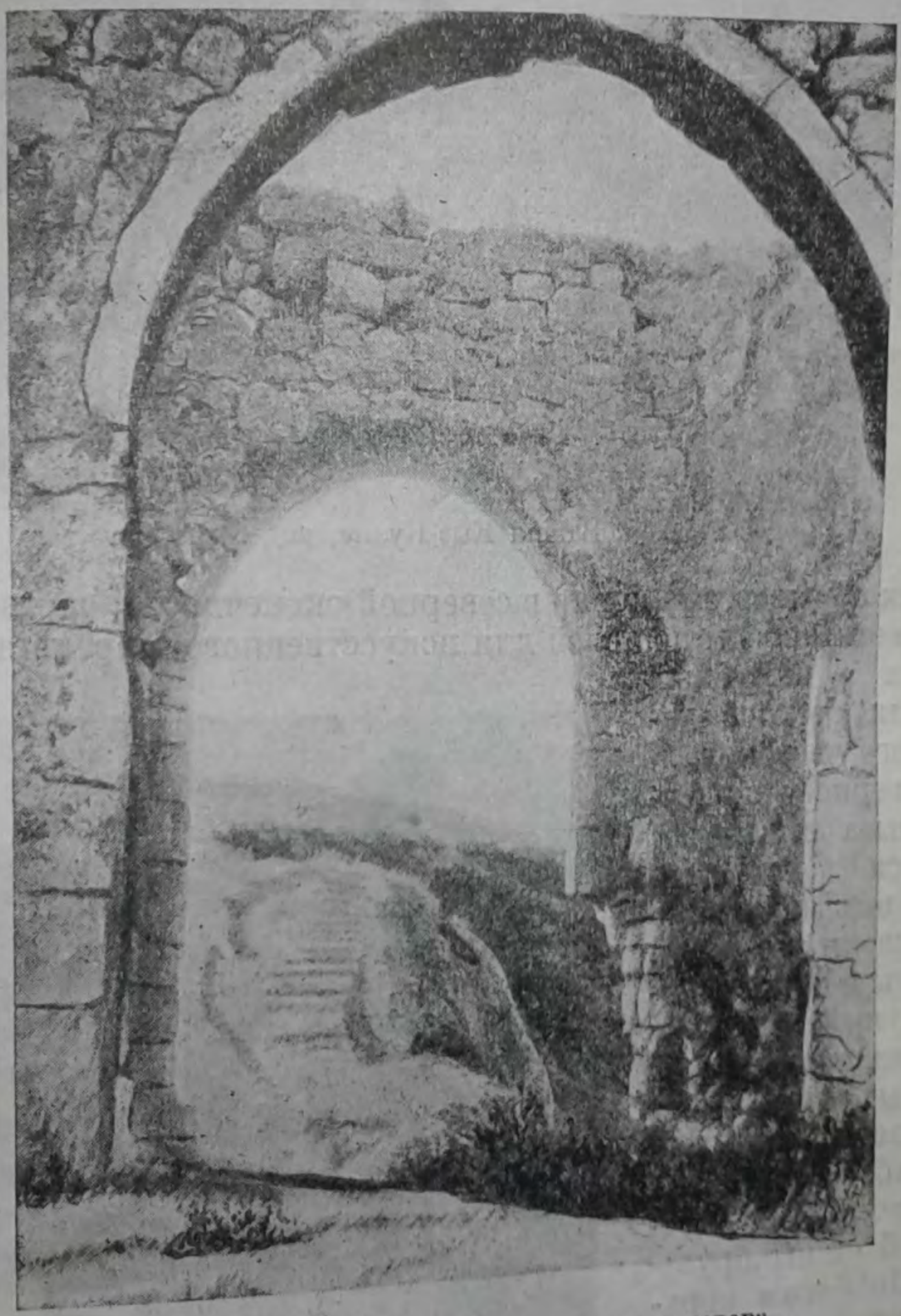

Рис. 47. Внутренность башни, вид с севера.

По всей вероятности, глиняная обмазка (глина с овражным песком) служила настилом пола, так как следы ее обнаружены во время расчистки вырубной могилы (6) под полом часовни. Аналогичный пример настила пола был установлен во время расчистки руин мечети XIV в. в Чуфут-Кале. [1]

[1] У. А. Боданинский и Б. Н Засыпкин, Чуфут-Кале, ИТОАИЭ, т. III, 1929 г., стр. 11.

В северо-западном углу часовни на глубине 0,50 м в строительном мусоре найдено пять небольшого диаметра каменных круглых ядер. Такие же ядра для навесного камнемета-баллисты были также найдены при раскопках Эски-Кермена.[1]

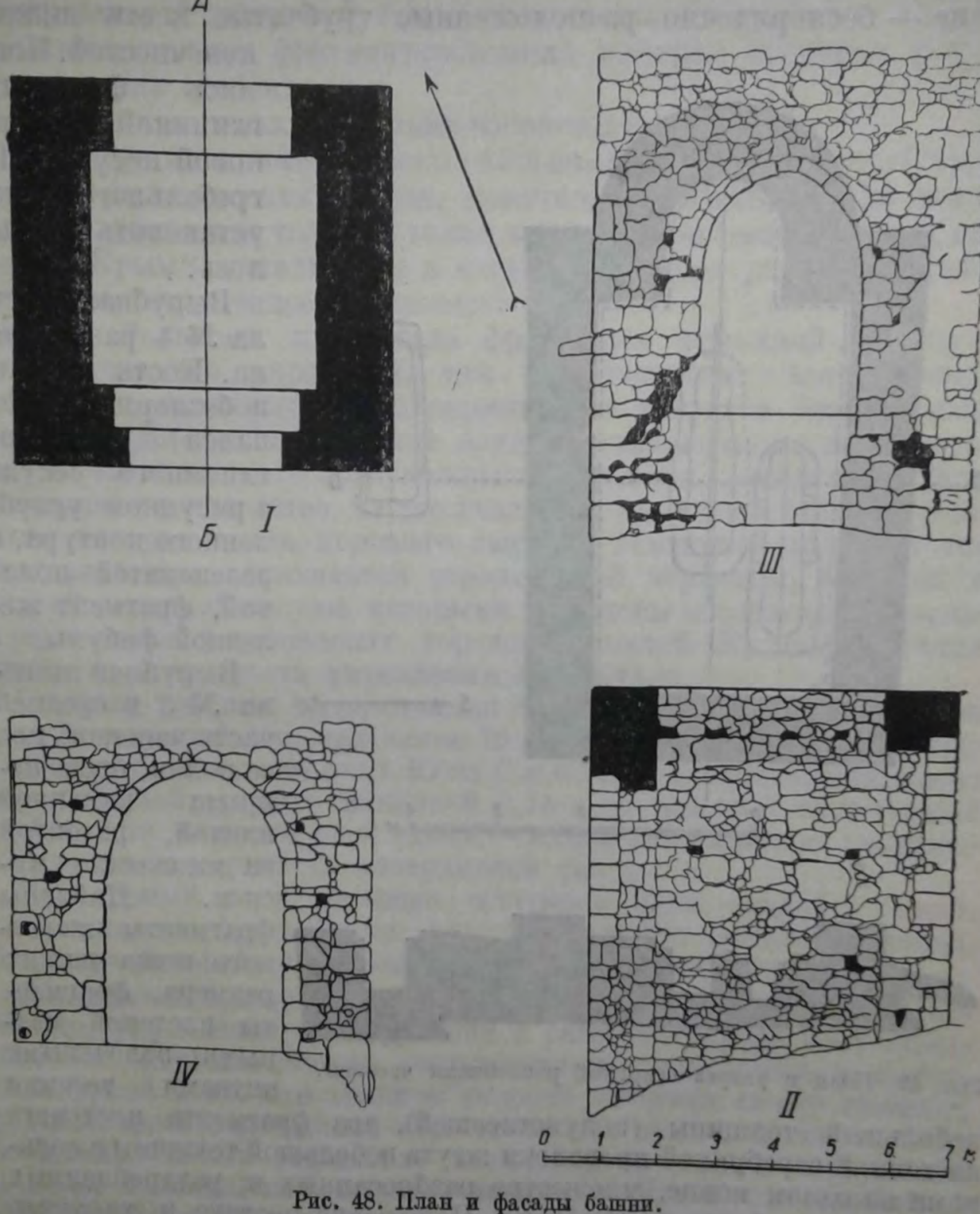

Рис. 48. План и фасады башни.

Вырубные гробницы в комплексе часовни обычного для Эски-Кермена типа. Все ориентированы с З на В, размером 2,00 × 0,60 × × 0,70 м и от 0,70 до 0,90 м глубины. Они были покрыты каменной плитой. Датировать их нужно XIII—XIV вв.

[1] Готский сборник, стр. 186.

Вырубная могила № 1 оказалась разграбленной. Найдено несколько фрагментов глиняной поливной посуды типа ремесленного производства феодального Золотоордынского государства (Старый Крым — Солхат) с рисунком, сделанным углубленным контуром.

Вырубная могила № 2 оказалась разграбленной. В восточном конце — беспорядочно расположенные трубчатые кости нижних конечностей. Попались фрагменты глиняной средневековой посуды. Погребального обряда установить не удалось.

Рис. 49. План и разрез вскрытой раскопками часовни.

Вырубная могила № 4 разграблена. Кости лежали в беспорядке. Попался фрагмент глиняного сосуда с рисунком углубленного контура, с зеленоватой поливой, фрагмент железной фибулы.

Вырубная могила № 5 в средней части часовни, под ее полом, была покрыта каменной плитой, разбитой на множество кусков. Найдены фрагменты железного ножа малого размера, фрагменты плетеной медными золочеными нитками тесемки небольшой толщины (полуистлевшей), два фрагмента плетеного из тонкой серебряной проволоки жгута небольшой толщины с кольцами на одном конце, множество разбросанных и раздробленных костей. Погребение разграблено. Положение костяка и характер погребального ритуала установить не удалось.

Вырубная могила № 6 под полом часовни в северо-восточном углу покрыта каменной плитой, состоящей из трех частей. В верхнем слое найдено железное кольцо, диаметром 0,035 м, круглое в поперечном разрезе. Тут же много в беспорядке сложенных костей. На глубине 0,50 м обнаружен хорошо сохранившийся костяк в вы-

тянутом положении, со сложенными на тазовой кости руками, со склоненным на Ю черепом. Нижние конечности направлены на В. Здесь найдено второе железное кольцо, совершенно одинаковое с первым. Под черепом, в области шейных позвонков, найден какой-то железный изогнутый предмет, очень плохо сохранившийся, фрагментированный железный нож 0,13 м длины, повидимому, бывший в ножнах, сильно фрагментированная плоская костяная резная двусторонняя гребенка.

Находки в могилах и остатках часовни весьма бедны.

Такие предметы, как железные кольца, ножи или железный крест для навершия часовни, могли, конечно, производиться на месте. К этому времени не только в таких крупных торговых центрах, как Старый Крым (Солхат), но и в меньших центрах развивается значительное ремесленное производство.

Среди большого количества фрагментов глиняной посуды — как подъемного характера, так и откопанных здесь — часть несомненно завозного происхождения, из пределов Золотоордынского государства и Передней Азии. Но также много фрагментов посуды чисто местного происхождения. На месте, повидимому, было гончарное производство, на что указывает наличие в районе Крымского нагорья очень хорошего сырья — гончарной глины и тех многочисленных фрагментов строительной черепицы, крупной и мелкой глиняной посуды, которыми насыщены поверхность и культурные слои укрепленных городов-крепостей Крымской Готии вообще и в частности укрепления Кыз-Кулле.

Пробная траншея на расстоянии 22 м к С от башни с ориентацией З — В, шириной 1 м, при длине 13 м, перерезала предполагаемую дорогу от башни по ее оси с Ю на С к северной оконечности мыса: верхний слой — гумус толщиной 0,13 м, потом идет культурный слой — 0,16 м, затем слой щебня — 0,04 м как следствие разрушения верхнего горизонта материковой скалы.

Культурный слой насыщен остатками угля, землей с сажей, закопченными фрагментами глиняной посуды, камнями, глиной. Земля на большом протяжении совершенно черного цвета.

Естественный неприступный характер плато, на котором расположено укрепление, в соединении с различного рода искусственными и оборонительными сооружениями, сделанными человеческой рукой с полным знанием условий обороны своего времени, создали здесь сильнейший стратегический пункт. Если бы было возможно отнести возведение этих оборонительных сооружений к X в., то попытка[1] связать именно с Кыз-Кулле сообщение «Записки готского топарха» о построенной после разрушения Дороса «крепостцы» получила бы некоторое основание.

---

[1] Готский сборник, стр. 140.

В. П. Бабенчиков

Пещерный комплекс Шулдана

В обрывах второй гряды Крымских гор находится ряд комплексов пещерных сооружений, известных под общим названием «пещерных городов». Термин этот, конечно, надо понимать условно: в большинстве случаев это — небольшие пещерные монастыри, возле которых — иногда в большом числе — вырубались пещеры хозяйственного назначения. Некоторые, быть может, служили кладовыми, амбарами и т. п., и, пожалуй, всего менее можно предполагать, что они имели назначение служить для постоянного жилья.

Часть этой гряды, на протяжении которой расположены более или менее значительные пещерные города, тянется от устья Черной речки, впадающей в Севастопольскую бухту у Инкермана, мимо Бахчисарая, дальше, к северо-востоку, до Баклы и имеет в длину свыше 40 км. [1]

Известняк, из которого образовались скалы второй гряды, относится в большей части протяжения к среднему эоцену. Это преимущественно известняк нуммулитовый, который настолько мягок, что легко поддается обработке киркой, являясь, таким образом, материалом, очень удобным для высекания в нем пещер самого разнообразного назначения.

В данной статье затронут небольшой отрезок этой гряды — от долины Черной речки до долины Каралезской как ближайшей округи Эски-Кермена, древнего Дороса, изучению которого в последние годы уделяется особенно много внимания в виду большой значимости готского вопроса в этногонической проблеме народов европейского Востока. [2]

Выступы известняка, постепенно поднимающиеся с севера к югу, вдруг круто обрываются и образуют карниз над долинами Кара-Коба и Шульской, представляющими собою продолжение одна другой.

В виду того что нуммулитовый известняк по природе своей в разных слоях разной плотности, то по протяжению карниза имеется ряд очень больших естественных пещер. Некоторые из них подверглись незначительной обработке и служили началом зарождения «пещерных городов».

---

[1] Карта расположения «пещерных городов»; Готский сборник, стр. 8—9.
[2] См. Н. Я. Марр, Готское слово guma 'муж', стр. 447; Готский сборник, стр. 39 сл.

Именно такого происхождения оба пещерных монастырских комплекса, расположенных в обрыве карниза: один из них — над долиной Кара-Коба — носит татарское название «Чильтер» (решетка), другой — над деревней Шулю, в восточной части карниза, называющейся «Шулдан». [1]

Оба эти монастыря расположены на вьючных тропах, соединяющих обширные долины, лежащие к северу от карниза и окружающие Эски-Кермен, с долинами Кара-коба и Шулю, входящими в состав округи Мангупа-Феодоро и соединяющими и Эски-Кермен и Мангуп-Кале с Инкерманом—Каламитой и его портом Авлитой, где шла широкая торговля.[2]

Нет никакого сомнения в том, что долины, о которых идет речь, были густо заселены еще в эпоху раннего феодализма, во всяком случае, несравненно гуще, чем в настоящее время. В долине Кара-Коба до XVIII в. еще существовали две большие деревни: Мармара, [3] близ пещерного монастыря Чильтер, и Бей-Кермен [4] — ближе к долине Черной речки. От обеих деревень теперь и следа не осталось. Что же касается округи древнего Дороса, то всюду на окрестных скалах можно наблюдать ясно выраженные следы прискальных построек, лепившихся как под утесами, так и около отдельных камней, свалившихся с утесов в долины. О густой населенности этих долин в древности говорят и остатки широких мощеных дорог, каптажи источников, а в лесах — не заросшие еще лужайки с остатками одичавших культурных растений (виноград, груша и др.) и множество керамики на поверхности, которая датируется эпохой от V до XIII вв. н. э.

Монастырь в Шулдане [5] состоит из двух пещерных храмов с примыкающими к ним службами. Больший храм высечен с большей тщательностью. Другой, меньший, во втором ярусе, интересен только тем, что престол его, чтобы выдержать восточное направление, против обыкновения, высечен в углу, а не посредине.

Под малым храмом — дверь, ведущая в монастырь с востока (рис. 50). Дверь вверх на лестницу, судя по вырубкам в камне, прочно закрывалась на брус. Она ведет в комплекс обширных естественных пещер со следами незначительной обработки. В южной стене последней пещеры — пролом и выход на узкую тропу, идущую по краю обрыва. Последняя приводит к комплексу большого храма, на довольно широкую площадку, которая затем по направлению к западу переходит в коридор и заканчивается лестницей, на которой с правой стороны — две небольшие пещеры, может быть, служившие жильем для сторожа-монаха; обе они — со-

[1] Значение этого слова в топонимике Крыма еще не нашло объяснения. Ср. Tomaschek, ук. соч., стр. 75; А. И. Маркевич, ук. соч.

[2] А. Л. Бертье-Делагард, Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма, ЗОО, т. XIV, стр. 193—194.

[3] П. И. Кеппен, Крымский сборник, стр. 76.

[4] Там же, стр. 246.

[5] Обстоятельное описание пещер Шулдана, как и Чильтера, дано А. Л. Бертье-Делагардом, ук. соч., стр. 193 сл.

следами деревянных переборок, залицовывавших их со стороны лестницы. Последняя выводила в огромную естественную пещеру. Верх лестницы обрушен.

От подножия скалы, в которой высечен пещерный комплекс, ведет в Шульскую долину очень крутой скат, усеянный камнями, местами густо заросший мелким кустарником, делающий как спуск, так и подъем весьма затруднительными.

Рис. 50. Вход в пещерный комплекс.

Недалеко от монастыря, несколько более полукилометра к востоку, есть источник очень хорошей воды, вытекающей из расселины в скале едва заметной струйкой. В древности выход источника был несколько западнее и, очевидно, с большим дебитом: сохранились высеченные в скале вырубки водоема.

Наиболее интересным в комплексе является большой пещерный храм с непосредственно примыкающими к нему: с юга крещальней, с севера часовней, с запада притвором, лестницей и подсобными пещерами.

Главный храм (рис. 51) имеет вид прямоугольника с абсидой, ориентированной, не совсем точно, на восток, с полуциркульным сводом. Она отгорожена от центральной части храма преградой, около метра высотой, вырубленной в камне. Часть ее уцелела только у стен.

Над преградой в стенах — вырубки-пазы для деревянных частей иконостаса.

Посредине абсиды, в полу — престольная впадина, в которой уцелели от престола остатки двух камней основания.

В основании стены абсиды, на всем ее протяжении, высокой ступенью вырублена двухступенчатая скамья (синтрон), в центре

которой остались следы ниши для запрестольного образа и под ним — «горнего места» (рис. 52).

Из алтаря через дверь в южной стене вход в крещальню (рис. 53) с нишей в восточной стене и купелью. В южной стене крещальни — окно с глубоким подоконником, на котором, по предположению А. Л. Бертье-Делагарда, был жертвенник [1] (рис. 54), а в западной — выход на открытую площадку.

В той же южной стене центральной части храма — вторая дверь на ту же площадку и рядом с ней — глубокая ниша провал со

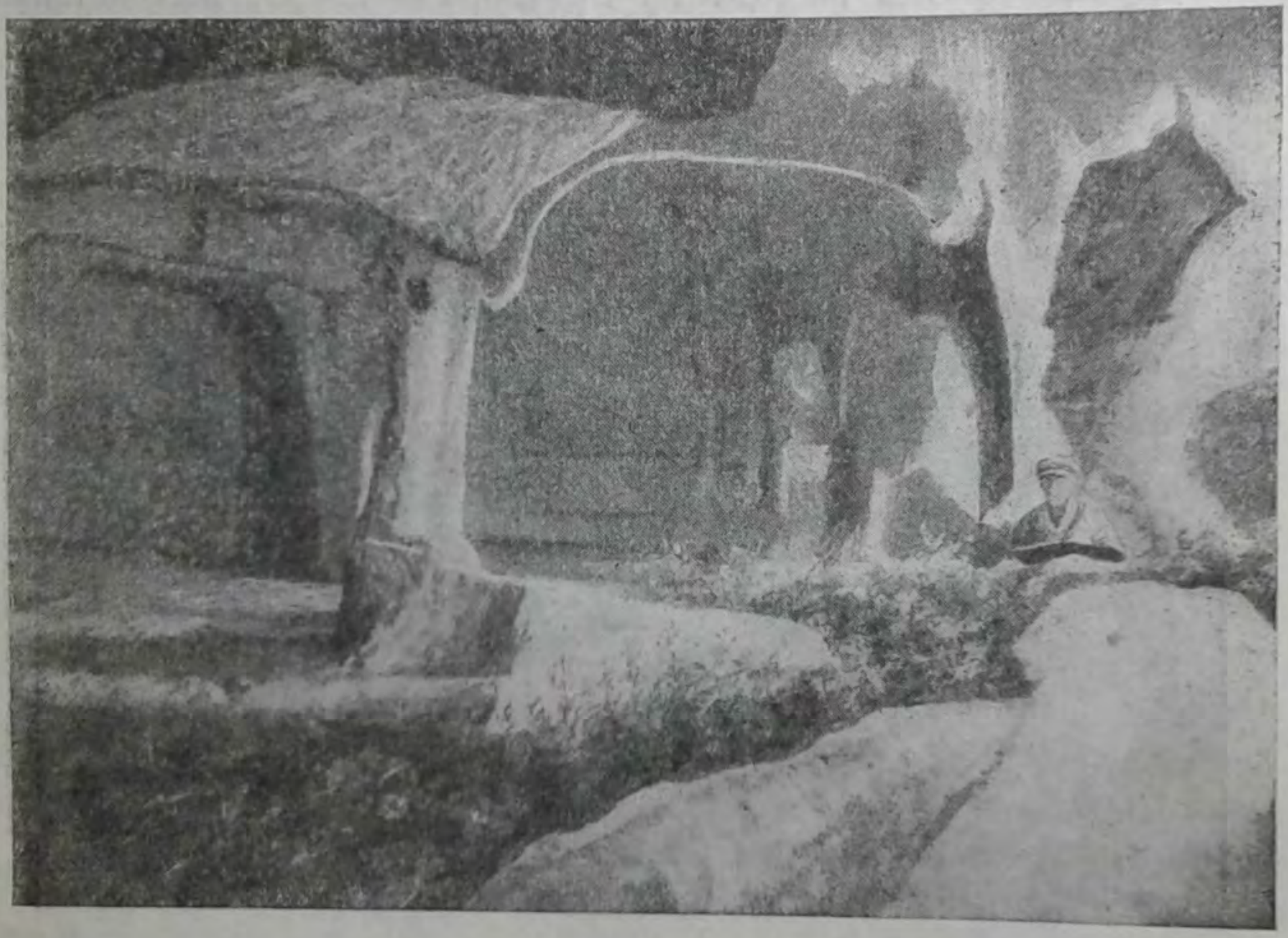

Рис. 51. Пещерный храм.

следами усыпальницы в нижней части и окном над ней (рис. 55). Под этим окном с наружной стороны высечена вторая усыпальница.

По северной стене центральной части храма от алтарной преграды вдоль стены — скамья. На уровне последней в стену врублена усыпальница, а у подножия скамьи в полу, ближе к алтарной преграде — могила (рис. 56).

Примерно четверть центральной части храма (с западной стороны) отделена вырубной аркой, в основании которой уцелели нижние части полуколонок, а вверху, на арке, несколько левее центра, с западной стороны — маленькая прямоугольная ниша для небольшой иконы, с выступом под ней.

В западной части храма, отделенной аркой, было три двери: на

[1] А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 238.

юг — на площадку, на запад — в притвор и на север — в небольшое помещение, которое А. Л. Бертье-Делагард называет надгробной часовней. [1] В этом помещении тоже арка, в верхней части которой — ниша для иконы (рис. 57). В северной стене этого помещения — усыпальница, под ней в полу — могила. К западу — выход в притвор, в северной стене которого — ниша с вырубной полкой и скамья. Из притвора прямо против скамьи — выход в коридор который влево выводит на площадку, вправо переходит в упоминавшуюся уже лестницу с двумя пещерами-кельями, а в стене прямо против выхода из притвора — дверь, выходившая,

Рис. 52. Деталь абсиды пещерного храма.

судя по вырубкам для толстых балок в основании и несколько выше середины высоты, на площадку, нависавшую над пропастью. [2]

Весь этот комплекс был зачищен и обмерен в сентябре 1933 г. согласно плану работ экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры.

Первые сведения об этом комплексе пещерных сооружений даны в книжке художника Д. М. Струкова, [3] который в 1867 г. «реставрировал» один из интереснейших инкерманских пещерных храмов (так наз. Климента), а в 1871 г. занимался обследованием

[1] А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 238.

[2] Аналогичные деревянные сооружения фиксированы на рисунке Кюгельгена 1823 г. пещерного Успенского монастыря под Бахчисараем, см. Ю. А. Кулаковский, ук. соч., стр. 72.

[3] Д. М. Струков, Древние памятники христианства в Тавриде, М. 1876 г.

памятников этого района.[1] Составленное им описание главного пещерного храма Шулданского комплекса имеет большое зна-

Рис. 53. Вход в крещальню.

чение хотя бы уже по одному тому, что Д. М. Струков еще видел на стенах фрески настолько сохранившимися, что мог без труда определить, что изобра-
жено.

«На северной стене храма, — пишет он, — сохранилась фресковая живопись, изображающая богоматерь с предвечным младенцем и напоминающая икону, именуемую ржевскою, и двое святых во весь рост». [2]

А. Л. Бертье-Делагард, описывавший этот храм через сравнительно небольшой промежуток времени, пишет, что «...в северной стене церкви еще можно приметить следы живописи (кажется, богоматерь) масляною краскою». [3]

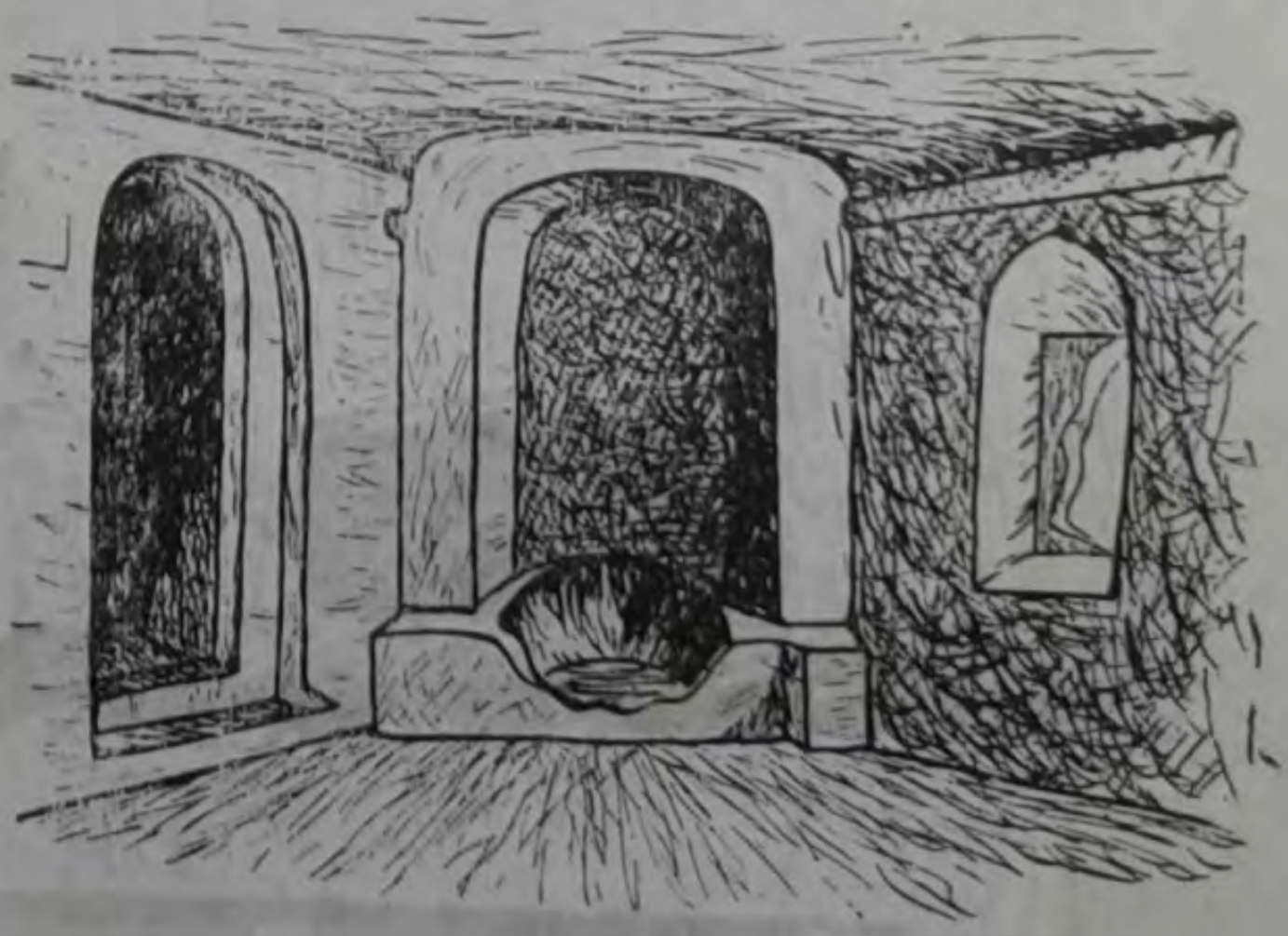

Рис. 54. Окно крещальни и купель.

[1] Там же, стр. 22.
[2] Там же, стр. 31.
[3] А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 238.

Рис. 55. Окно той же крещальни.

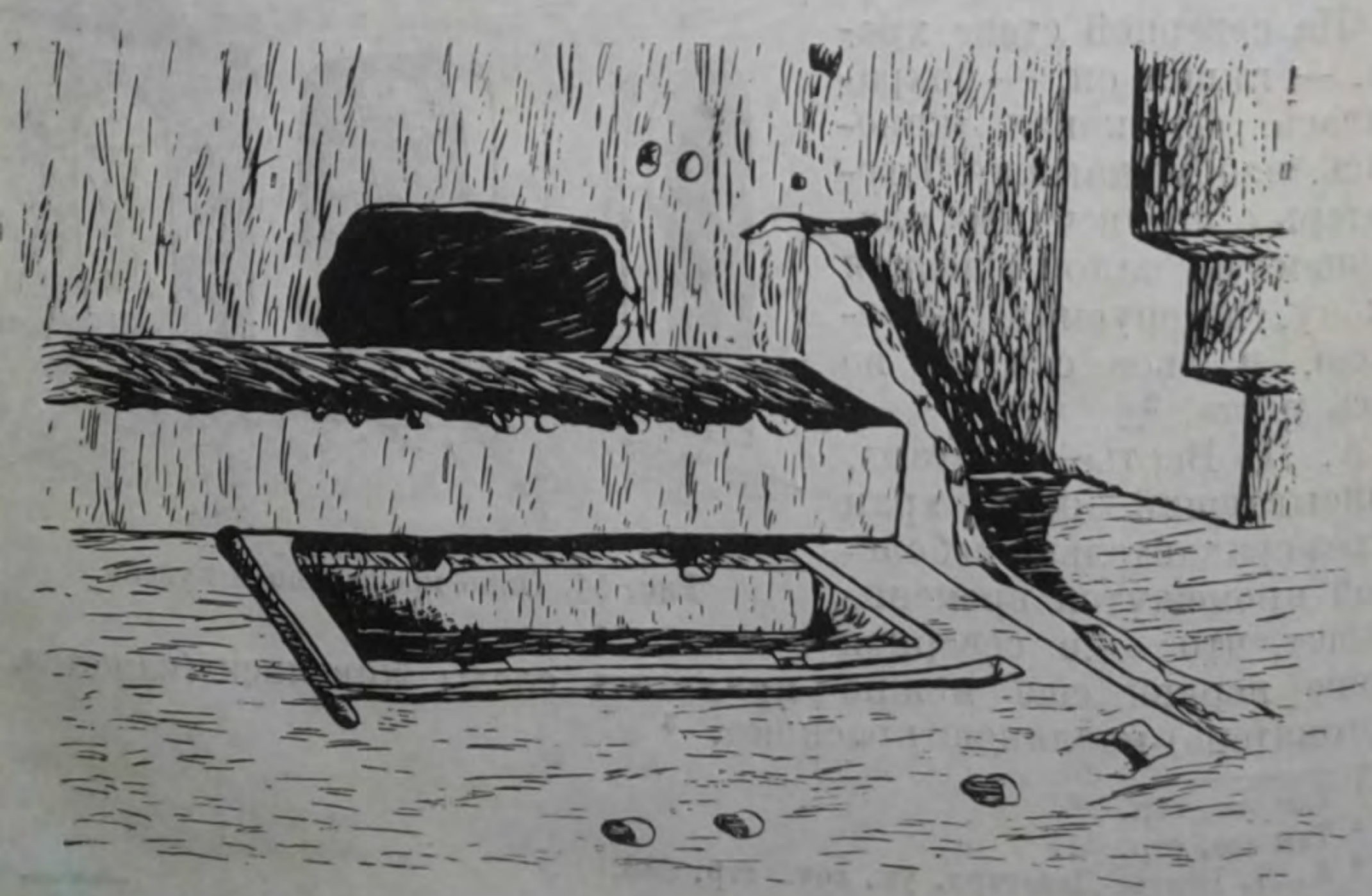

Рис. 56. Деталь скамьи и могила.

В настоящее время живопись эта уничтожена «ямчугой». [1] Рассмотреть теперь что-либо нет никакой возможности: штукатурка исковыряна, побита, поцарапана, местами отслоилась, пошелушилась, а неосыпавшиеся части закопчены и покрыты черной плесенью. Самое присутствие краски можно приметить с большим трудом.

Относительно техники живописи приходится согласиться с Д. М. Струковым: живопись al fresko, а не «масляная», как полагал А. Л. Бертье-Делагард. [2] При зачистке центральной части пещерного храма на полу, под слоем овечьего помета, был обнаружен слой

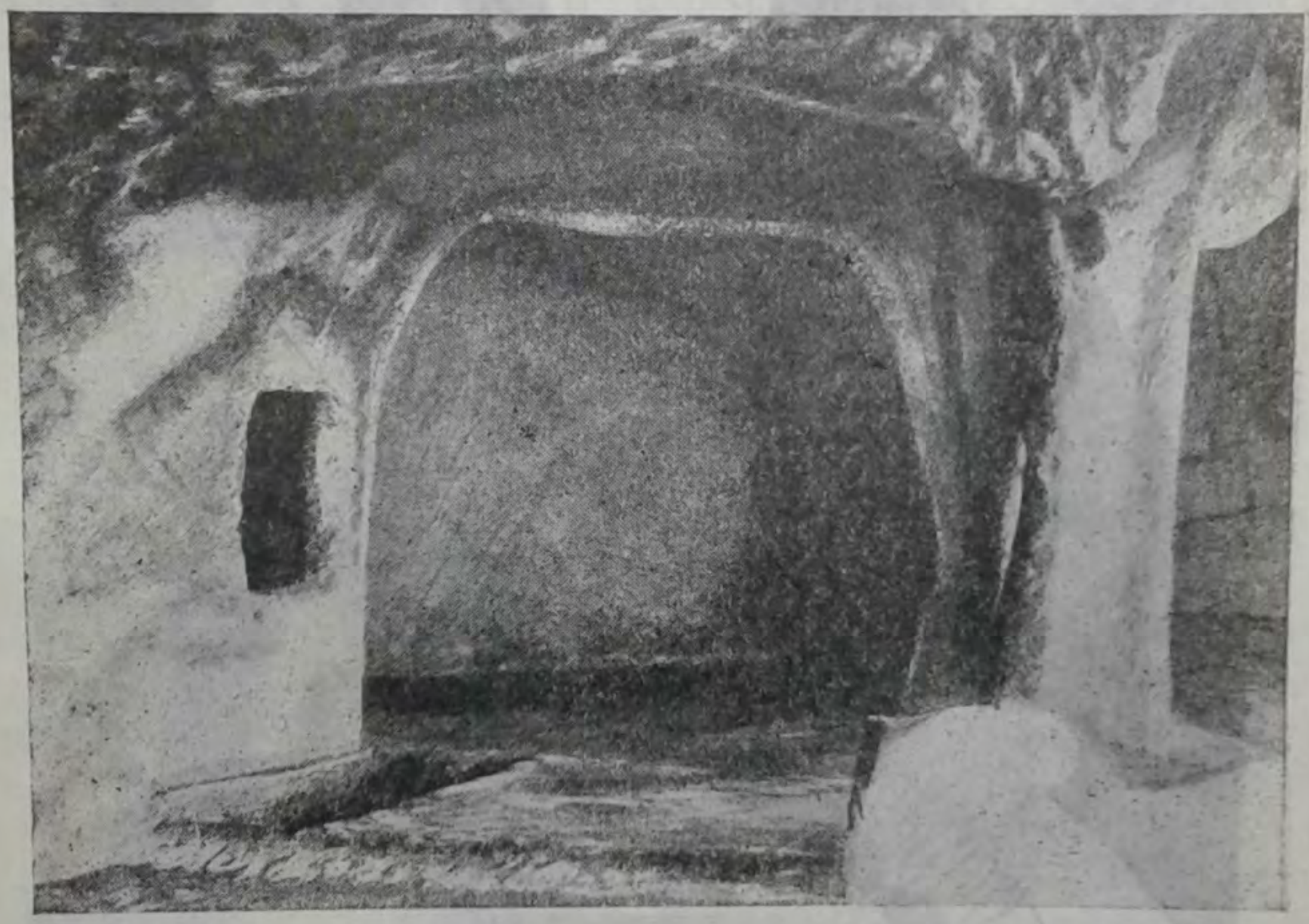

Рис. 57. Деталь полуколонны и усыпальница.

штукатурки, обвалившейся с южной стены или с потолка. На обломках штукатурки хорошо сохранились следы краски, легко поддающейся анализу, который и привел нас к высказанному суждению.

По характеру фрагментов орнаментации, по краскам живопись эта близко напоминает стенную роспись в храмах Эски-Кермена: в храме «Трех всадников» и «Успения» на южном обрыве плато, [3] в силу чего может быть отнесена также к концу XII или началу XIII столетия, не позднее.

В глубине абсиды кем-то совершенно уничтожен (сколот) средний

---

[1] Процесс кристаллизации солей сернокислого натрия и сернокислого кальция на поверхности.

[2] А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 238.

[3] Готский сборник, стр. 108—110.

выступ с нишею над ним, который видел еще А. Л. Бертье-Делагард и изобразил на фасах соответствующих разрезов, [1] а Д. М. Струков описывает его подробно: «Престол высотою 1 арш. 6 верш., шириною 14 вершков, в верхней стороне углубление, удобное для вложения св. мощей». [2]

Д. М. Струков вообще датировал пещерные храмы Крыма

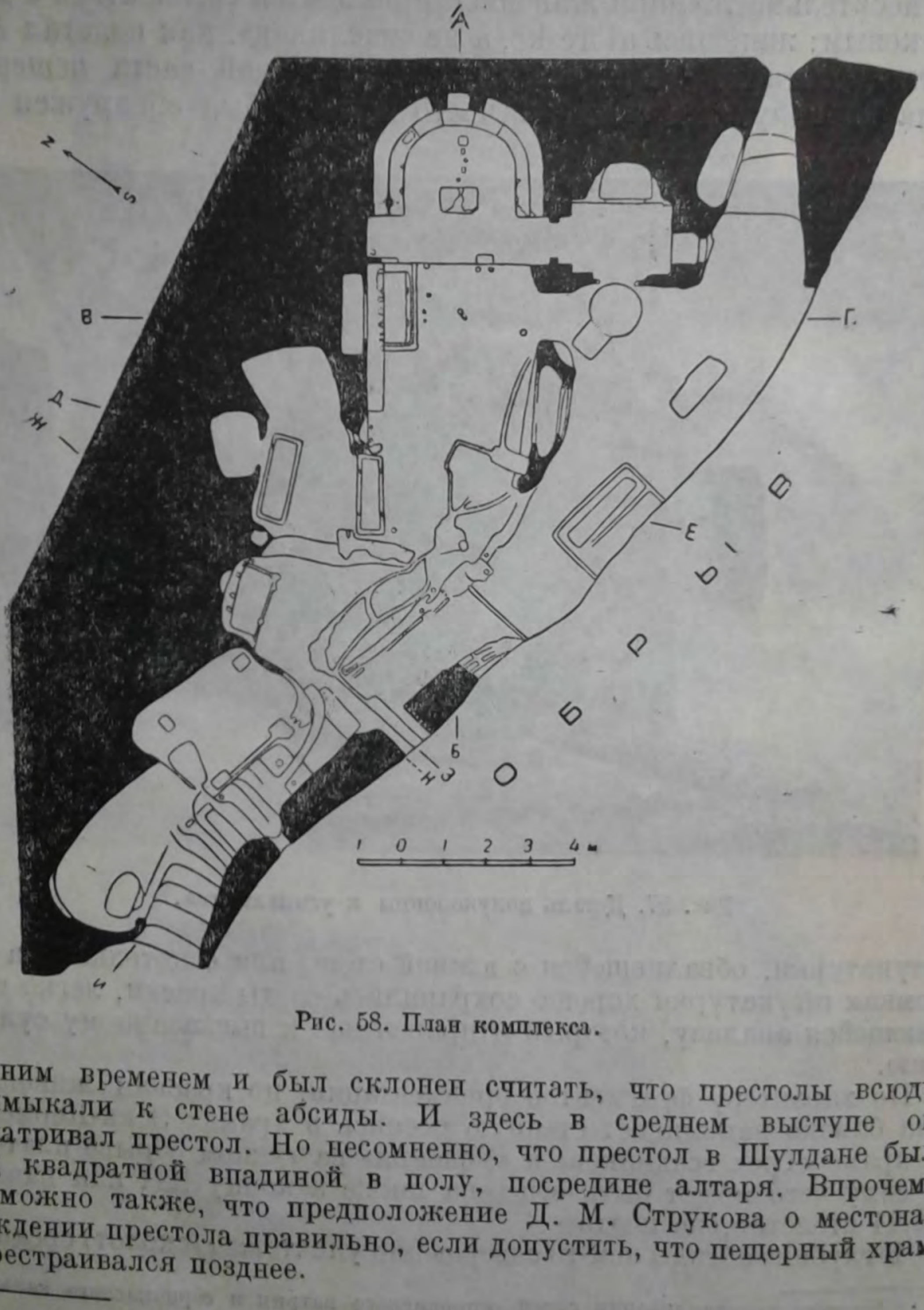

Рис. 58. План комплекса.

ранним временем и был склонен считать, что престолы всюду примыкали к стене абсиды. И здесь в среднем выступе он усматривал престол. Но несомненно, что престол в Шулдане был над квадратной впадиной в полу, посредине алтаря. Впрочем, возможно также, что предположение Д. М. Струкова о местонахождении престола правильно, если допустить, что пещерный храм перестраивался позднее.

---

[1] А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., фиг. 42 и 45.
[2] Д. М. Струков, ук. соч., стр. 31.

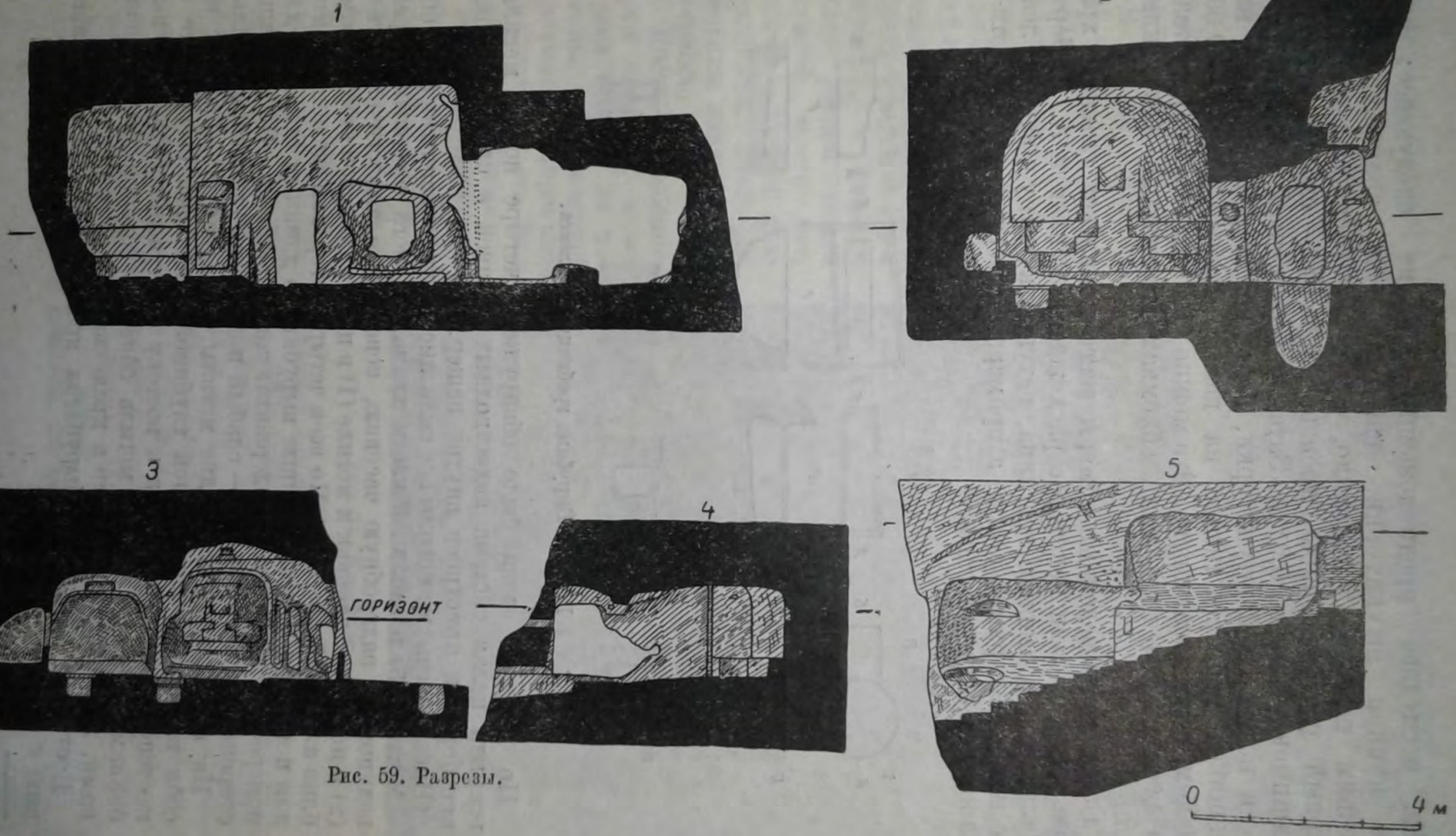

Рис. 59. Разрезы.

На последнее предположение наводит следующее: изучение кусков штукатурки, найденной на полу храма, под овечьим пометом, установило, что храм расписывался дважды. Первый раз живопись производилась по слою штукатурки, толщиною не менее 0,01 м. Затем поверх первой росписи был нанесен новый слой штукатурки, более тонкий, чем первый, наносившийся непосредственно на камень стены, именно — 0,004—0,005 м, и расписан вновь. Это можно было проследить решительно на всех извлеченных нами обломках штукатурки без исключения.

Вновь произведенные обмеры всего комплекса главного храма (рис. 58, 59) дали некоторое расхождение с планом А. Л. Бертье-Делагарда, а именно: лестница, ведущая к храму с запада, лежит не на одной прямой с ним, а примерно с первой своей трети отклоняется к северо-западу.

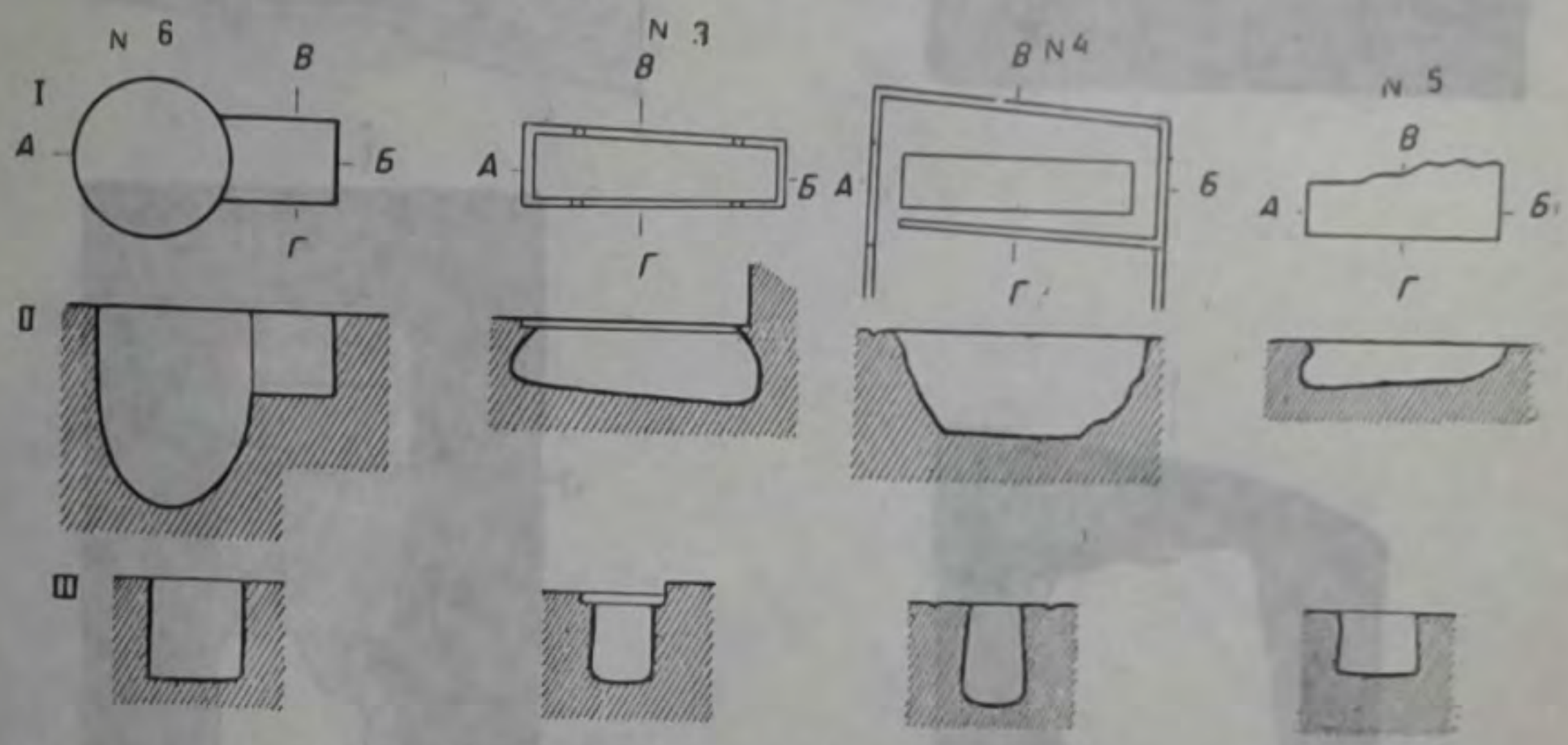

Рис. 60. Вырубные гробницы комплекса.

По зачистке пола было обнаружено четыре новых могилы, вскрыта целая система водоотводных канавок и следов древних переборок и пристроек внутри пещер.

Вновь открытые могилы все оказались потревоженными (рис. 60). Могила (3) в западной части храма, у порога северных дверей, ведущих в надгробную часовню, совершенно аналогична могиле (2) в полу этой часовни и могиле (1) в полу у северной стены храма близ алтарной преграды. По всем четырем сторонам сделаны выемки для покрытия и симметричные вырубки по длинным сторонам для поперечных брусьев, поддерживающих покрытие. По коротким сторонам внутри могилы — слабый подбой для удлинения могилы.

На площадке открыто две могилы. Западная (4) обращает на себя внимание значительной глубиной в большей своей части и постепенным подъемом дна к востоку со ступенькообразными выбоинами. Со всех сторон могила обнесена водоотводными канавками, направляющими слив к краю скалы в двух местах.

Восточная могила (5) вырублена крайне небрежно по сравнению с другими.

Интересна могила (6) у наружных дверей крещальни, переделанная из «силоса». Круглый силос расширен к западу прямоугольной выемкой, представляющей собою половину могилы. Другой половиной является самый силос, нижняя часть которого забита камнями и покрыта плитой в уровень дна прямоугольной выемки.

В обеих могилах, вырубленных на площадке, костей было очень мало, и лежали они в полном беспорядке. Обе были забиты черной землей и мелкими камнями.

В могиле в западной части храма (3) в верхнем слое черной земли костей много, все они также в полном беспорядке и плохой сохранности, вперемежку с камнями. Среди черепов — один детский. В нижнем слое рыжей земли камней почти нет, кости — лучшей сохранности. Всего из могилы извлечено 15 черепов.

Кости, в особенности крупные, и черепа вынуты из могилы, переделанной из силоса (6); прекрасной сохранности. Всего вынуто 5 черепов. Усмотреть какую-либо систему в расположении костей в могиле оказалось невозможным. И здесь также много камней вперемежку с костями и рыжей землей.

Рис. 61. Деталь купели.

При зачистке пещерного комплекса и могил найдены фрагменты керамики, но немного. Больше всего их дала могила, переделанная из силоса. Керамика попала сюда с засыпью земли. Здесь были обломки сосудов неполивных тонкостенных красной глины, поздних, и поливных, типа широких и плоских плошек на узкой подставке в 1,5—2 см с поливой яркозеленой, желтой и темной зелено-коричневой, с рисунками. Наиболее любопытен фрагмент зеленого блюда с отогнутыми наружу плоскими краями, с поливой, положенной на белой обмазке, на которой процарапан рисунок.

Рисунок нанесен грубыми штрихами толщиною 0,003 м. По краю блюда — «елочки» между двумя параллельными линиями; в середине что-то вроде человеческой фигуры до пояса, держащей в правой руке, возможно, бубен.

Кроме описанной керамики, как в могилах, так и при зачистке пола и усыпальниц, почти лишенных костей, никаких других предметов материальной культуры не найдено.

В полу почти всех помещений комплекса, равно как и в стенах имеются в большом количестве следы пазов и гнезд деревянных пристроек, перегородок и т. п., назначение которых не всегда удается определить с точностью.

Вдоль южного и западного краев могилы (1) у алтарной преграды, параллельно соответствующим краям, на некотором расстоянии (0,65 м) от них вырублены жолоба шириною 0,1 м для прокладки горизонтальных брусьев, причем один конец западного входил в вырубку в основании каменной скамьи, к которой примыкает могила (рис. 56). По внешнему краю скамьи также вырублено несколько гнезд для поперечных брусьев. Создается впечатление, будто над могилой имелось какое-то деревянное сооружение, вровень со скамьей, примыкавшей одной стороной к каменной алтарной преграде. [1]

Следы такой же деревянной пристройки сохранились и в притворе у скамьи, что по северной стене. Впрочем, может быть, что здесь была перегородка, доходившая до самого потолка, отделявшая эту часть притвора.

Против входа в алтарь, в полу средней части храма, несимметрично расположен ряд углублений и гнезд. То же — в западной части и в притворе у дверей, ведущих в храм с запада.

Небезынтересно отметить одну деталь в крещальне. Здесь на задней стене, вровень с краем купели, имеется горизонтальный вырез. На боковых стенках имеются также следы аналогичного выреза по одному с ним горизонту. Приходится полагать, что в этот вырез, как в пазы, вдвигалась доска, закрывавшая купель (рис. 61).

Пол алтарной части пещерного храма приподнят по сравнению с полом центральной его части на 0,16 м (солея). В притворе же он имеет постепенный наклон к западу.

По полу, начиная от западной части храма, от арки, через западные двери, в притвор и на лестницу проведена целая система водоотводных канавок, в среднем 0,05 м ширины и глубины. Начинаются они у южной колонки внутренней арки храма маленьким прямоугольным бассейном и, то раздваиваясь, то сходясь вместе в одну канавку, доходят до выхода из притвора, откуда одна, значительно расширенная (0,3 м) и углубленная (0,25—0,45 м), выходит под порог двери, а другая, тоже широкая и глубокая, сворачивает на лестницу, грубо перерезает вдоль под углом

---

[1] Ср. наличие аналогичных выемок, Готский сборник, стр. 113.

ступени и с половины лестницы сворачивает влево, через вырубку в парапете к краю скалы.

Все эти канавки, в особенности последняя, изуродовавшая лестницу, сделаны, по всей вероятности, в позднейшее время, когда монастырь перестал существовать как таковой, когда деревянные перегородки были уничтожены и обвалилась часть скалы, служившая южной стеной у площадки, в силу чего косой дождь мог заливать помещения. Возможно также, что канавки эти служили для стока жидкого навоза, когда пещеры монастыря были превращены местными овцеводами в «кошару», как здесь татары называют загоны для овец. [1] Следами использования помещений под кошару остались и так наз. «каменные кольца» — специальные вырубки, главным образом по краю скамей, для привязывания животных, и самый красноречивый свидетель — толстый слой овечьего помета, накапливавшегося здесь вплоть до последнего времени.

К сожалению, зачистка описанного комплекса пещер Шулдана не дала никаких данных для установления точной даты основания монастыря и дальнейшей истории его существования. Этот вопрос, таким образом, попрежнему остается открытым.

---

[1] В период гражданской войны, судя по надписям-памяткам на стенах храма, пещеры Шулдана давали временный приют «зеленоармейцам».

Н. И. Репников

Городище Качи-Кальен

Качи-Кальен (Качинское укрепление) находится на восточном склоне ущелья, в прорыве рекой Качей второй гряды Крымских гор. Это остатки довольно крупного поселения, древнее имя которого пока не установлено. В литературе оно упоминается среди раздела «пещерных городов». [1]

Многочисленные пещерные сооружения этого пункта сильно разрушены естественными разрушениями скалы. Не безразличным для городища было также возникновение здесь в первой половине XIX в. Анастасьевского монастырского скита. Приходится также учитывать и близость поселка «Пычки», расположенного в долине.

На северо-западной окраине территории городища над современной шоссейной дорогой земляными работами дорожного строительства Коушских каменноугольных копей в 1932 г. срезан культурный пласт древнего поселения, достигающий мощности 2,50 м. При этом в подстилающей его материковой глине обнажились в нескольких местах зерновые («пашенные») ямы.

Культурные пласты поселения заключают колотые кости животных, золу, фрагменты черепиц и керамики. Последние датируются временем от конца первого тысячелетия н. э. до XVIII в. Во дворе дома, занятого строительством, стоят 3 пифоса красной глины, обычной формы, без орнамента, высотою 1—1,50 м, обнаруженные при земляных работах на описываемом участке городища.

На подъеме из долины на территорию древнего поселения на площадке-полянке находится своеобразный пещерный комплекс.

Он состоит из отдельных глыб скал. Основным является пещерный храм, вырубленный внутри камня значительной величины. С учреждением скита его слегка реставрировали, приспособив для

---

[1] Суммарное описание в литературе: П. И. Кеппен, Крымский сборник, Спб. 1837 г., стр. 305—306; Dubois de Montpéreux, Voyage, т. VI, 1843 г., стр. 297—304, с несколькими рисунками в атласе; Г. Э. Караулов, Крымские пещерные города и крипты, ЗОО, 1872 г., упоминание; В. Х. Кондараки, Универсальное описание Крыма, т. XV, М. 1883 г., стр. 199; А. А. Коротнев, Экскурсия в Крым весной 1893 г. Пещеры Качи-Кальена и Черкес-Кермена, Известия Киевского университета, 1895 г.; А. Л. Бертье-Делагард, Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, Известия ТУАК, вып. 57, 1920 г., стр. 89—91, вовсе не упоминает этого городища в перечне поселений северного предгорья; Н. И. Репников, Остатки укреплений Эски-Кермена, Готский сборник, стр. 205—206, предварительное описание остатков боевых сооружений.

богослужения. [1] С ликвидацией скита этот пещерный храм утратил культовое значение. В него ведут два входа (рис. 62). Над верхом северо-западного врублены древние жолоба, служившие стоком дождевым водам. Непосредственно над проемом, в особой нише вырублен четырехконечный крест с расширяющимися концами. Описываемый проем имеет на глубине 0,04 м выемку вдоль косяков, определяющую наличие в нем деревянной дверной коробки. При реставрации в XIX в. здесь были произведены переделки. Брус дверной коробки закреплялся в конических, заклинивавшихся в камне вырезах. Порог при реставрации сильно стесали внутрь пе-

Рис. 62. Пещерный храм в отдельном камне.

щеры. Дверь отпиралась наружу. Второй, северо-восточный вход вел в алтарь. Над ним также вырублен «водоотлив» стрельчатой формы. Самый проем также реставрировался. И здесь имеются вырубки в камне, определяющие наличие деревянной дверной коробки, аналогичной первой по устройству. Порог — каменный, невысокий. А самое полотнище двери отпиралось внутрь. Пещерный храм вырублен в толще камня косыми кирочными ударами. След последних отчетливо усматривается на поверхности стен, несмотря на дополнительное сглаживание их «зубаткой». При реставрации в XIX в. поверхность стен выравнили и сплошь выбелили известью.

---

[1] Издаваемый план пещерного храма выполнен Б. В. Веймарном.

В полу пещерного храма — большая вырубная гробница, снабженная заплечиками. Плита покрытия отсутствует. Сама гробница заполнена землей. В основании стен пещерного храма, на высоте 0,47 м от пола. вырублен род скамьи. Последняя в южной стене раздолблена еще одной вырубной гробницей, также с заплечиками для установки плиты покрытия. Последняя отсутствует. На поверхности стены над скамьею вырезаны греческие надписи. Первая из них — на южной стене, размерами 0,17 × 0,12 м, [1] вторая — на западной, на высоте 0,7 м над скамьею. [2]

Алтарная часть храма в форме полукруга приподнята над уровнем пола остальной его части. При реставрации произвели частичную стеску пола, сложив из плит на цементе основание нового иконостаса (ныне разобранного). По этой же линии в древности проходила деревянная переборка иконостаса.

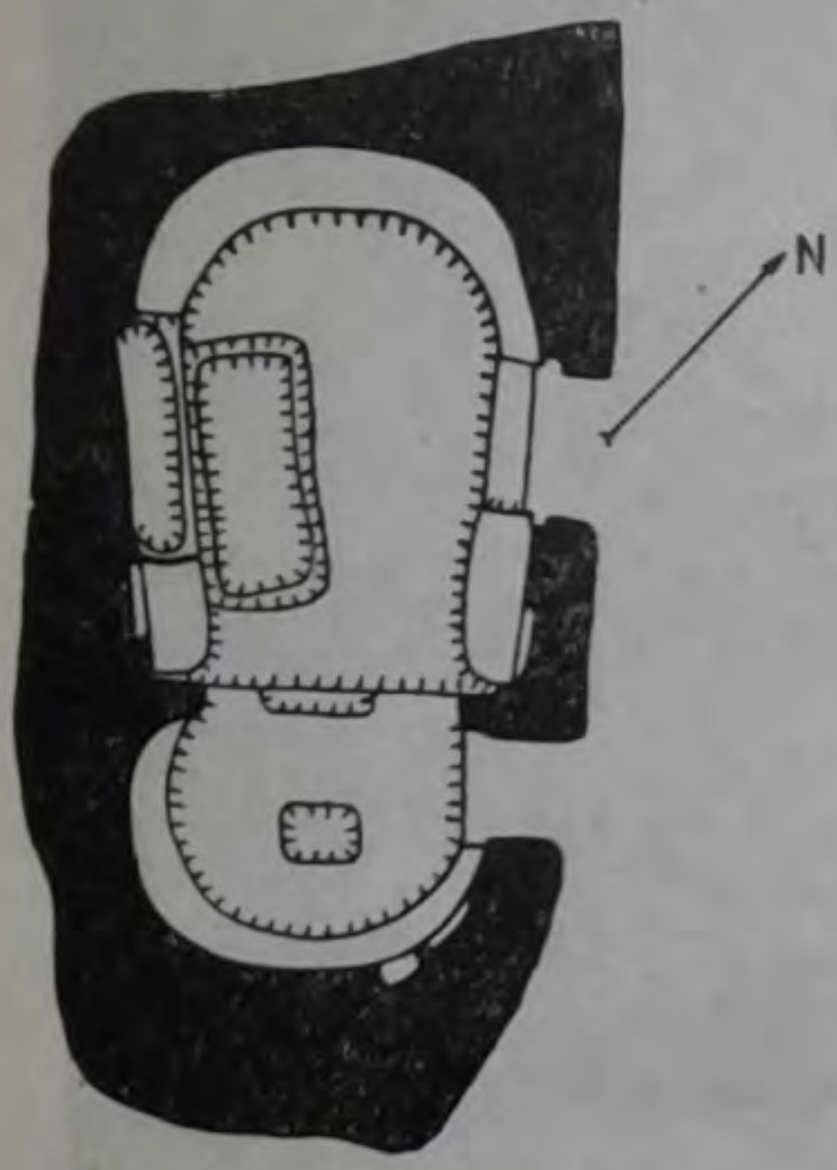

Рис. 63. План пещерного храма.

От последней в стенах и потолке сохранились пазы и гнезда. В полу абсиды — прямоугольное углубление (размерами 0,35 × 0,25 × 0,15 м), служившее основанием престола. В северо-восточной стене, над скамьею — древняя ниша (размерами 0,40 и 0,32 × 0,15 м) — жертвенник. Рядом с последним — углубление (размерами 0,70 × 0,40 м), повидимому, новое, для установки иконы.

Аналогичное же углубление, несомненно новейшего происхождения, вырублено в южной стене, за местом иконостаса. Около описанного пещерного храма, на поляне — несколько сильно обитых, сдвинутых частично со своих мест однорогих надгробных памятников. За пещерным храмом, в том же камне вырублена небольшая усыпальница. Последнюю много позднее приспособили для хозяйственных нужд, устроив здесь врубной тарапан для давки винограда.

В 40 шагах на СЗ в другом большом обломке скалы вырублена значительная пещера. В нее ведут два входа (рис. 64). Первый пробит в восточной стене прямоугольным проемом.

В каменном пороге последнего — вырубка и четыре круглых гнезда. Второй вход — в южной стене. К нему по краю камня нарублен специальный подход. Дверной проем аналогичен первому. Пещера вырублена в толще камня широкими продольными кирочными ударами.

Потолок бугорчатый, неровной поверхности. В основании северной стены — неширокая скамья, вырубленная в камне. Аналогич-

[1] В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, Спб. 1896 г., стр. 62, № 54.
[2] Там же, № 53.

ная же, но меньших размеров, вырублена у юго-западной стены пещеры. На восточной стене под потолком рельефный, равноконечный, с расширяющимися концами крест, вписанный в круг диаметром 0,29 м. Рельеф креста подправлялся при устройстве скита в XIX в., тогда же его закрасили зеленой масляной краской. Первоначальное назначение пещеры — усыпальница. В более позднюю эпоху жизни городища в северном конце этого помещения в полу вырубили прямоугольный тарапан (размерами 2 × 1,90 м) для давки винограда. Сок последнего через отверстие по желобку сбегал в специально вырубленный в полу «силос» неправильной формы. Диаметр его — 1 м при глубине 0,90 м. В юго-восточном углу тарапана в полу вырублено четырехугольное гнездо для

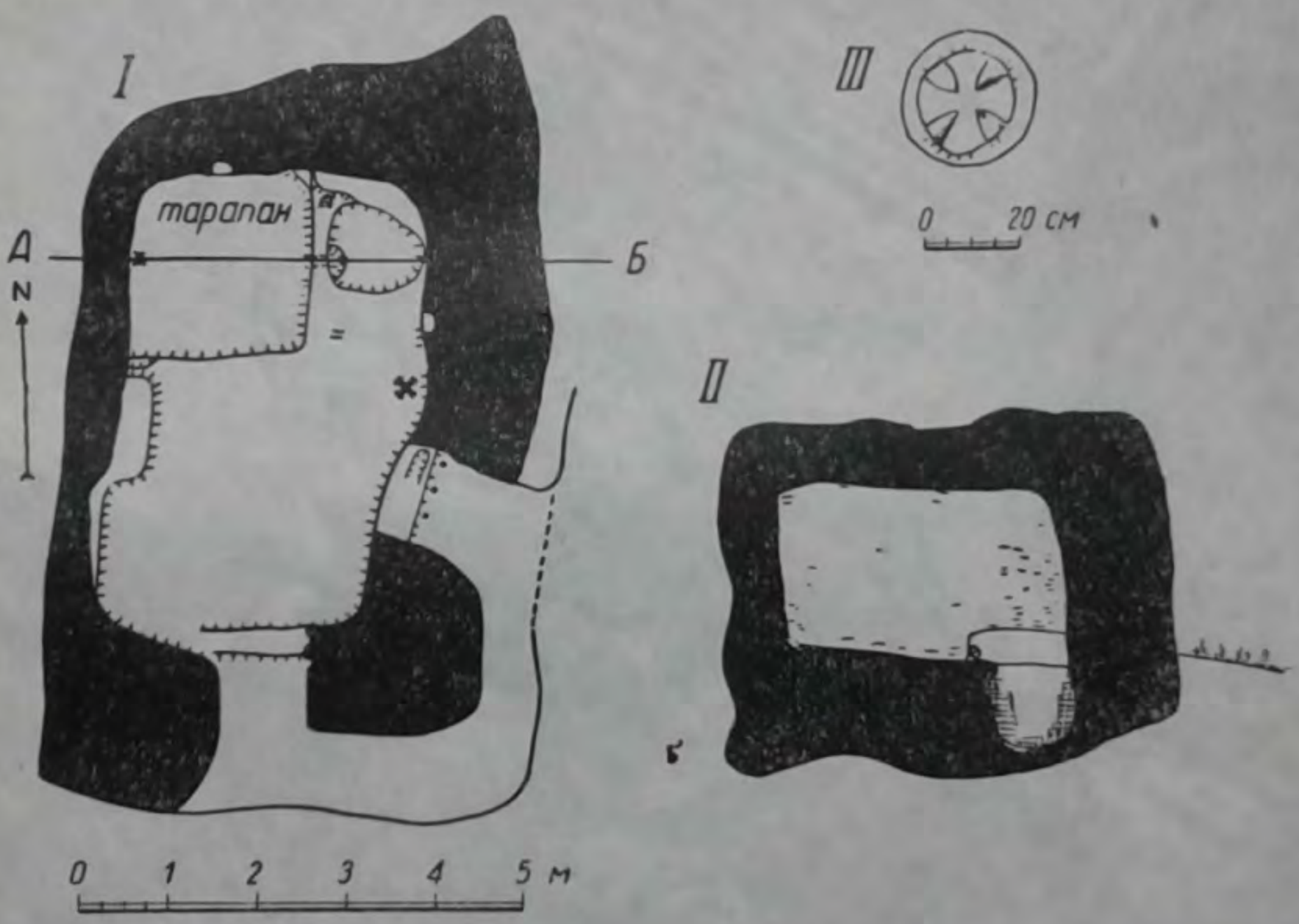

Рис. 64. План и разрезы усыпальницы с тарапаном.

установки деревянного стояка. Апалогичные же гнезда имеются по углам тарапана у стены пещеры. Над тарапаном в северной стене, на высоте 0,50—0,60 м от пола, — круглые углубления, диаметром 0,15—0,18 м при глубине 0,20 м для установки конца деревянного рычага пресса. Подобное же углубление, также связанное с тарапаном, но меньшего диаметра, находится на восточной стене пещеры. В непосредственном соседстве с только что описанной пещерой при беглом поверхностном осмотре установлено наличие еще пяти вырубленных в поверхности скалы, не засыпанных землею тарапанов.

К ЮЗ от описанного комплекса выступает линия мощной стены, поднимающейся по склону и примыкающей к западному краю обрыва массива Качи-Кальенского утеса. Кладка стены частично из тесаных камней, но местами использованы обломки-дикари. У верхнего конца линии стены, в углу обрыва, вырублена одинокая

пещера удлиненной формы. Отсюда начинается так наз. «пещерный город», представляющий значительное количество сооружений, вырубленных в основании южной скалы плато, господствующего над долиной р. Качи (рис. 65). Высокий, сильно выветренный обрыв, в котором находятся искусственные пещеры, имеет четыре громадных естественных грота. Дно последних лежит на уровне основания массива; вершины, стрельчатые по форме, почти достигают бровки обрыва. Непосредственно под обрывом скалы начинается

Рис. 65. Пещеры Качи-Кальена.

крутая одернованная осыпь, сбегающая в долину. На западе она более полога, повышаясь к востоку, по местам трудно доступна. В своем восточном конце она совершенно неприступна. Пещеры вырублены как в нижней части главного обрыва плато, так и в отдельных скалах и камнях, отступающих от основного массива.

Крайний на западе естественный грот находится непосредственно над описанным уже комплексом пещерного храма с усыпальницей и тарапанами. В этом гроте нет пещерных сооружений, но на стенах его сохранились вырубленные гнезда для деревянных стропил, пазы и ниши. Местами на скалистом дне грота вырублены гнезда для деревянных стояков-балок. Перечисленные конструктивные детали с несомненностью определяют наличие здесь в древности деревянных прискальных построек.

Между описанным первым и вторым гротами насчитано 54 пе

засыпанных землею пещеры. Из них 23 очень сильно повреждены выветриванием и обвалами. Расположены они в четыре, а по местам даже в пять ярусов. Между собою они соединяются площадками, террасами и лесенками, нарубленными в камне. Почти все пещеры этой группы небольших размеров. Характерною особенностью их является наличие в большинстве из них силосов, зачастую связанных с тарапанами. Первые — по преимуществу круглые, цилиндрической формы, но встречаются и прямоугольные. Вторые — в большинстве прямоугольной формы. Кроме того встречаются вырубленные скамьи, а в стенах — ниши. Отмеченные силосы и тарапаны, связанные с давкой винограда, т. е. виноделием, определяют назначение пещерных сооружений данного комплекса. Особо примечательным в них является полнейшее отсутствие обычных в других пещерных городах яслей для скота.

Эта особенность, подчеркивая превалирующее значение сооружений, связанных с виноделием, проходит красной нитью в пещерных сооружениях Качи-Кальена, определяя наличие здесь в древности развитого виноделия массового характера.

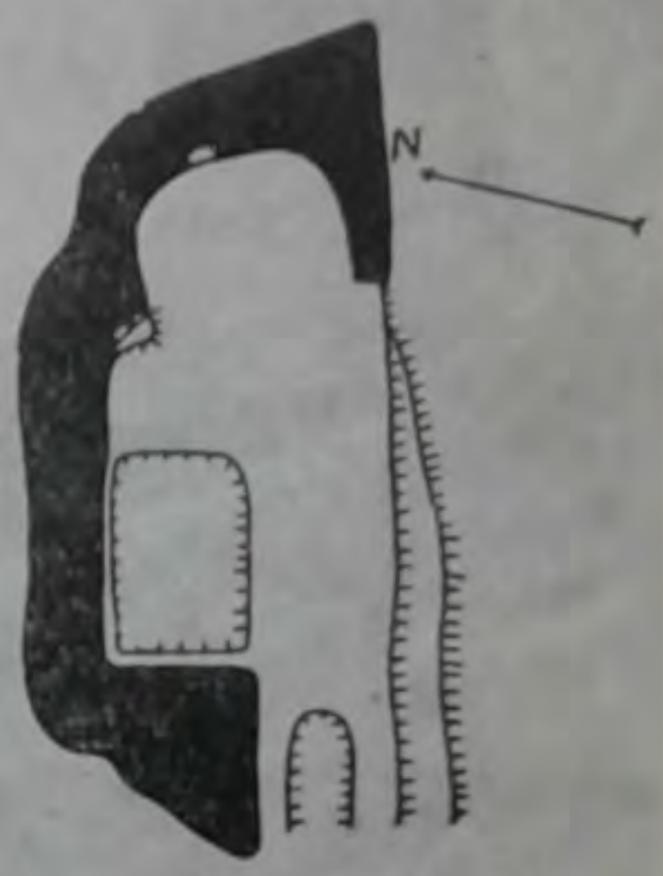

Рис. 66. План пещерного комплекса.

Во втором естественном гроте, так же как и в первом, на стенах — гнезда для стропил, углубления для стояков, водоотводные канавки; пещерных сооружений здесь также нет. Невдалеке от начала второго грота, на скалистой площадке, сохранился фрагмент кладки стены, сложенной из некрупных камней на известковом растворе.

В промежутке между вторым и третьим гротом вырублено 14 пещер. В одной из них имеются следы окна, в другой в камне вырублено подобие яслей.

В третьем гроте находится своеобразный комплекс сооружений (рис. 66). Он состоит из небольшого врубного храма, трех пещер, соединенных лесенками, и пяти вырубных гробниц. [1] Храм сооружен вблизи обрыва, у края грота, на небольшой высоте от его подошвы. В плане это — небольшой вытянутый прямоугольник с абсидою. Северная и восточная стороны его врублены в скалу частыми кирковыми ударами. Южная стена отсутствует. Но можно заключить по наличию здесь ступенчатого выреза «постели» в камне, что тут проходила кладка стены.

Тесаный камень этой рухнувшей стены в изобилии лежит под обрывом. Среди камней — карнизы арок-окон. Верхняя часть здания была, несомненно, из дерева. В полу вдоль северной стены вырублена глубокая гробница. На стенах храма следы заупокойных греческих надписей краскою и графити. На западной короткой стене в обрамлении темнокрасной каймы, — квадрат, разме-

[1] План по обмерам Б. В. Веймарна.

рами 0,80 × 0,80 м. заполненный сильно облупившимся белым фоном, поверх которого следы креста красной краской. В западном конце северной стены прочерчен небольшой равноконечный крест, вписанный в круг, диаметром 0,08 м. В восточном конце той же стены на высоте 1,28 м от пола, в прямоугольном красном обрамлении, размерами 0,27 × 0,255 м, — следы желтой и зеленой красок и остатки неразборчивой греческой надписи белой краской. Левее описанной площадки имеются еще остатки греческой надписи, также белой краской. Здесь же на поверхности скалы вырезаны

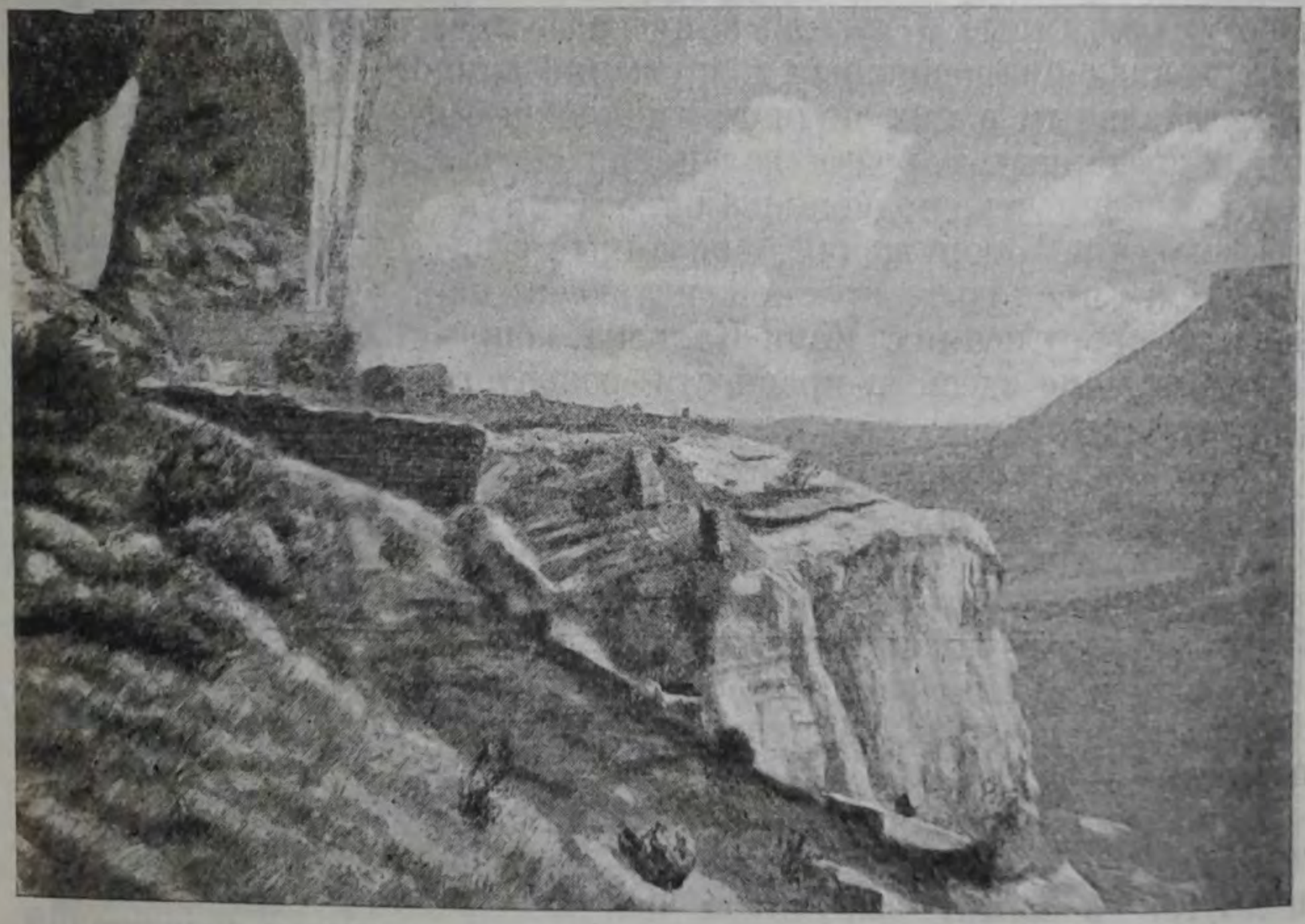

Рис. 67. Площадка укрепления, вид с севера.

два небольших равноконечных крестика. Один — простой, другой — с точками на концах, вписанный в круг. Поверхность стен абсиды сильно выветрилась. За местом престола, на высоте 0,10 м от пола, нарисован шестиконечный удлиненный крест на постаменте (Голгофа), высотою 0,55 м. Линия стержня — темносиней краской, обводка — красной. Слева от помянутого креста в стене вырублена высокая ниша (жертвенник).

По другую сторону ниши, на высоте 1,20 м от пола, — следы двух ленточных крестов, нарисованных черной краской. Под большим из них — остатки неразборчивой четырехстрочной греческой надписи. Начинается она маленькими крестиками, занимает площадь размерами 0,25 × 0,16 м, написана белыми буквами. Аналогичные же остатки надписи, также белой краской, имеются правее того же креста. Из трех пещер, расположенных около

описанного храма, внизу в полу одной вырублен силос, а в стене другой имеется кольцо.

Между третьим и четвертым гротом в обрыве вырублено 29 пещер. В основном они не отличаются от описанных ранее. На одной из верхних площадок-переходов, соединяющих помянутые пещеры, заметны остатки крупной кладки. Ниже отмеченного ряда пещер, на скате, в огромном отдельном кампе, вырублено несколько пещер, ныне сильно засыпанных землею и недоступных

Под восточным, четвертым по счету, гротом склон осыпи переходит в неприступный обрыв. Перед самым гротом, у подножия основного массива плато, находится изолированная площадка-мысок, отвесно обрывающаяся в долину (рис. 67). Территория эта с запада прикрыта линиею боевой стены. Последняя проходит вдоль доступного края площадки, там, где к ней из долины поднимается ложбина-балка. Боевая стена местами хорошо сохранилась (рис. 68). На западном конце ее находилась башня, от которой сохранилось основание. С упомянутой башни производился обстрел подхода по овражку. На востоке линия стены упирается вплотную в обрыв основного массива плато. Здесь находится входная калитка-ворота (рис. 69). Она состоит из двух стояков цельного тесаного камня,

Рис. 68. Характер кладки боевой стены.

сильно выветрившихся и оплывших от времени. Верхняя перекладина калитки не сохранилась. С внутренней стороны в стояках раздолблен паз для закрепления деревянной дверной коробки и выемка для бруса засова, которым запиралось полотнище калитки. В проходе — каменный порог. Боевая стена своим основанием стоит на скале. В последней имеется специальная вырубка — постель. Облицовку составляют крупные, неравные по величине тесаные блоки местного известняка на известковом растворе.

Изнутри к ним примыкает бутовая кладка из неровных камней, на таком же растворе. Толщина стены в среднем — 1 м. Наибольшая высота по склону — 4,50 м. Разведкой наслоений за стеною в 1930 г. в наилучшесохранившемся участке, у края обвала, обнаружена следующая сюита культурных напластований (рис. 70 и 73).

В основании, на скале, лежит землистый зольный слой, перемешанный с камнями. В нем встречены фрагменты красноглиняных сосудов, изредка орнаментированных волнистыми или горизонтальными бороздками. Дата керамики — вторая половина 1 тысячелетия. Выше лежит мощная зольная прослойка, крытая овечьим пометом. Над ней пласт земли и камня, заключающий немногочисленные фрагменты поливных сосудов желтой и зеленой поливы и куски черепиц. Мощное напластование имеется лишь непосредственно за самой линией стены. На территории же внутри, на помянутой поляне, уровень материковой скалы поднимается. На поверхность здесь выдаются кладки стенок древних построек

Рис. 69. Ворота укреплений.

На поляне же находится значительное количество надгробных памятников (рис. 71). Последние — из местного известняка двух типов. Первый — из крупных двускатных плит, гладких или разделанных продольными гранями. Второй тип представлен «домообразными» памятниками с нишей в одном из концов. Длинные стороны некоторых надгробий последнего типа орнаментированы рельефным узором из плетений, пятиконечных звезд или розеток. Надписей на надгробиях не обнаружено. Вдоль края описываемой поляны на участке, где боевая стена целиком рухнула под обрыв, на осыпи выступают каменные гробницы, впущенные в насыпь до скалы. Над ним на поверхности лежат надгробия описанных типов. Гробницы сложены из грубо отесанных камней, толщиною 0,07—0,10 м, и перекрыты плитами покрытия. Размеры гробниц сообра-

зованы с ростом погребенного. Костяк лежит головою на СЗ. На осыпи описанного могильника поднята медная пряжка типа «Суук-су» (табл. X, 19).[1] В кладке боевой стены обнаружен фрагмент столбообразного надгробия из известняка с рельефным крестом. На описываемой поляне лежат большие обломки скал, оторвавшихся от основного массива плато в давнее время. Один из них на западной стороне выбран неглубокой нишей с рельефным крестом (рис. 72). Над нишей — пазы, сходящиеся фронтоном. С боков гнезда для укрепления концов балок. Наличие этих конструктивных деталей с несомненностью определяет, что в древности в пазы и гнезда входили стропила крыши и другие деревянные части небольшой пристройки, примыкавшей к камню.

Вряд ли подлежит сомнению, что это была небольшая кладбищенская часовня. В абсиде последней находилась описанная ниша с крестом.

На ЮВ от этой площадки укрепления находится четвертый из помянутых гротов. Это грандиозная естественная пещера со стрельчатым сводом. В глубине ее — источник, заключенный бывшим скитом в специальный водоем. Вода его до последнего времени почиталась окрестным населением (христианским и магометанским) целебной при родах. Ныне сооружение водоема разрушено.

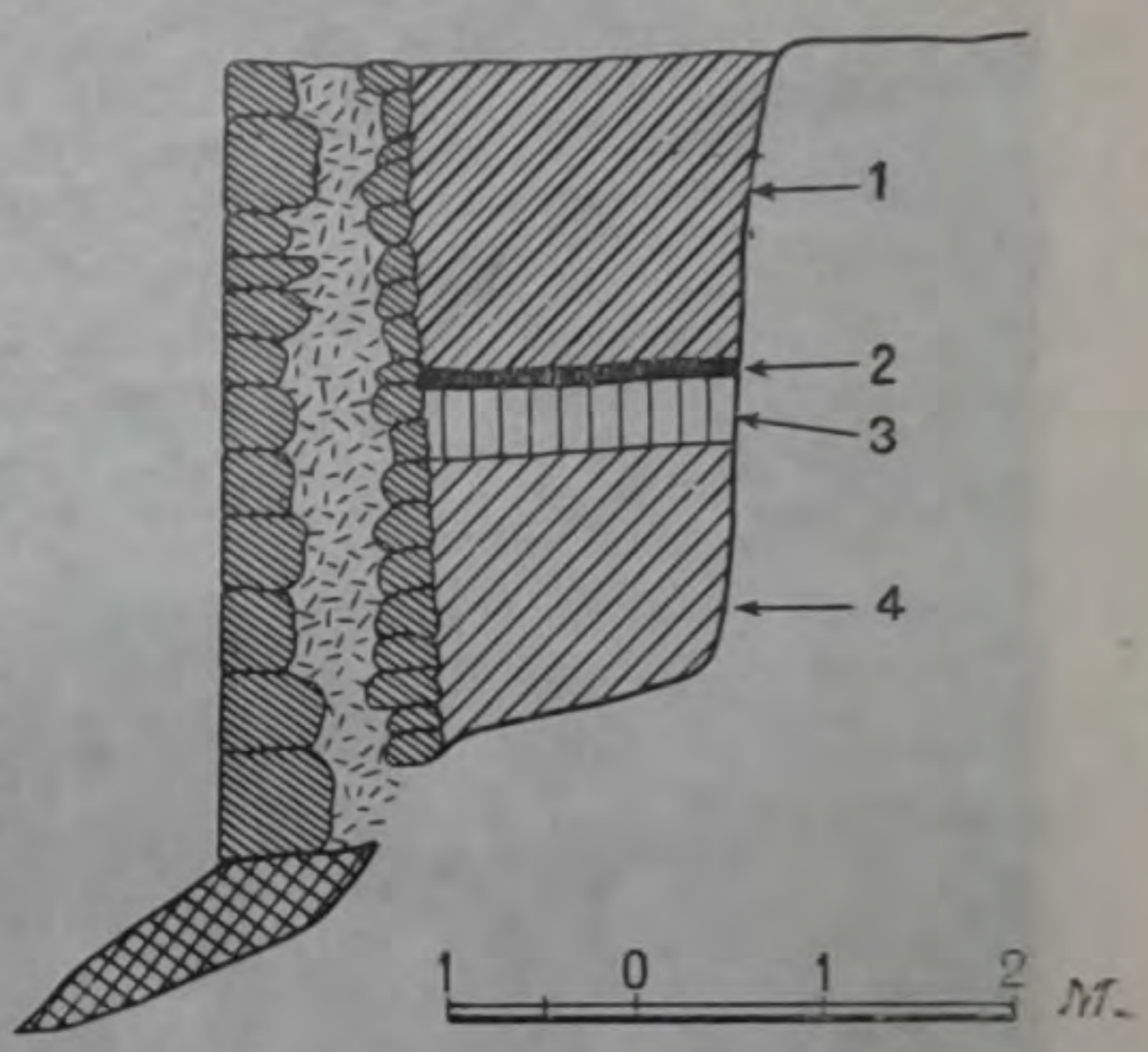

Рис. 70. Разрез наслоения у боевой стены.

На стенах грота — остатки сильно выветрившихся, вырубленных пещер в три яруса. Помимо того — пазы и гнезда для балок и деревянных переборок. Следы эти определяют, что здесь, в гроте, вблизи естественного выхода воды, имелся своеобразный комплекс деревянных и пещерных построек. В некоторых из последних имеются тарапаны и силосы.

За описанным гротом, далее у ЮВ, у основания обрыва — несколько вырубных пещер. Они представляют небольшие камеры плохой сохранности вследствие естественных обвалов скалы.

Над древним поселением Качи-Кальена господствует плато, представляющее высшую точку правого берега р. Качи. Слывет оно под именем хребта Фыцкин-кая-баш. Серьезное недоумение вызывает факт существования самого поселения и боеспособности его укрепления, когда сверху, с бровки плато, как на ладони, видно все, что делается внизу. Возникает вопрос, каким образом в древ-

---

[1] Н. И. Репников, Некоторые могильники области Крымских готов, ИАК, вып. 19. 1906 г. табл. X, 19.

ности возможно было предотвратить не только обстрел из лука, но и простое скатывание камней, которыми мог быть весьма легко поражен весь район поселения и укрепления, расположенного под обрывом. Впервые рекогносцировочный осмотр в этом направлении выполнен Е. В. Веймарном в 1930 г. Он дал указание на наличие здесь, на плато, остатков сооружений боевого назначения. В 1933 г. более углубленную разведку и проверку его наблюдений осуществил В. П. Бабенчиков. Он сообщает в своем дневнике:[1] «Северо-западный отрог круто обрывающегося хребта Фыцкинкая-баш лишен по краям почвенного слоя и представляется

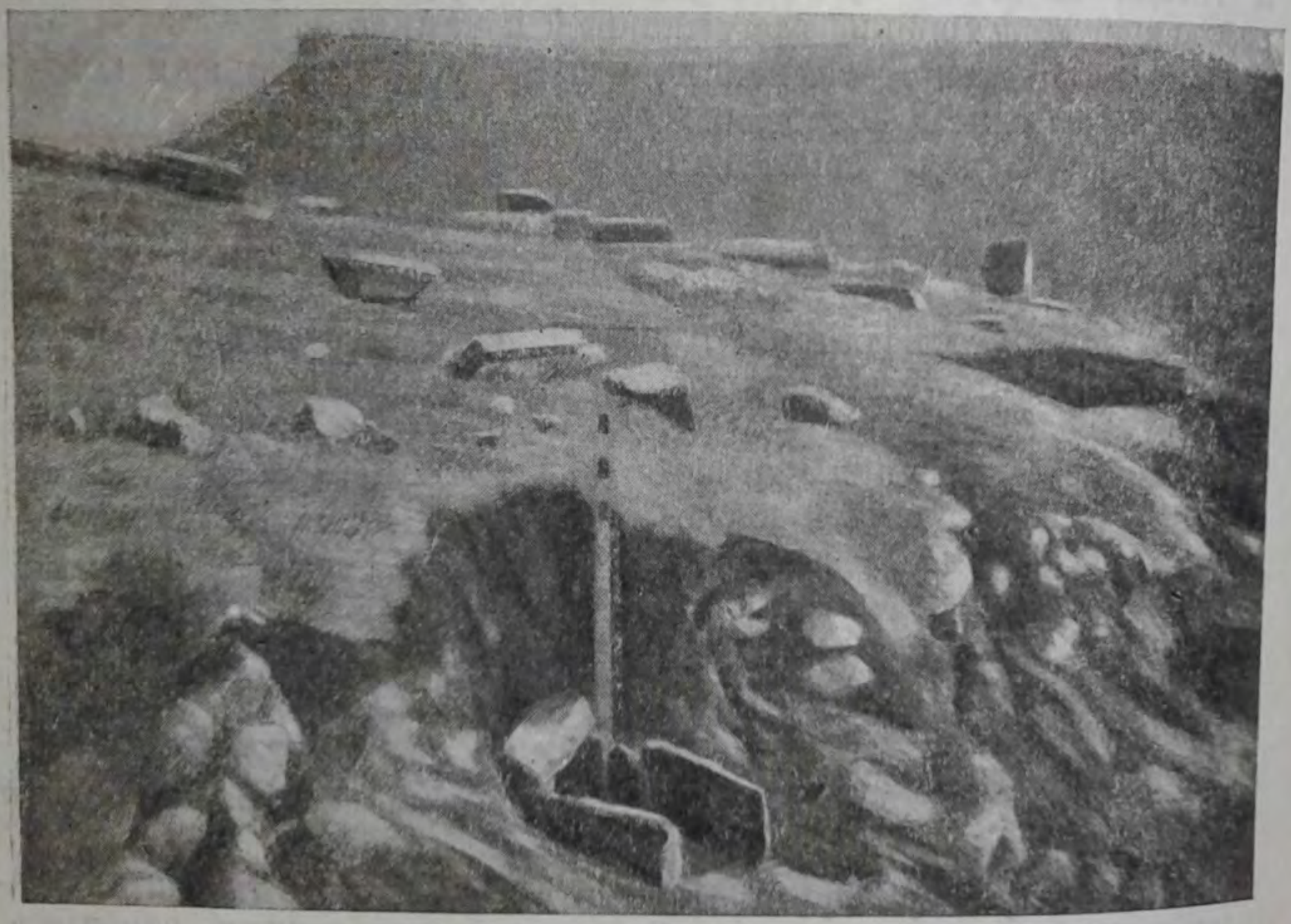

Рис. 71. Поляна с надгробиями.

обнаженными выходами скалы. На интересующем нас участке, представляющем четырехугольную площадку 1 × 0,5 км, густо заросшую кустарником, затрудняющим детальное обследование», описываемый участок плато «почти неприступен». Возможность доступа на него открывается с юго-восточной стороны. Осмотр устанавливает, что вдоль почти всего юго-западного края плато на значительном протяжении тянется боевая сильно разрушенная стена.

В наилучше сохранившихся участках она представляет основание кладки, достигающее 1 м высоты при толщине до 1,50 м. На остальном своем протяжении стена разрушена и лежит каменным

[1] Материалы отчета Эски-Керменской экспедиции 1933 г. в архиве ГАИМК.

раскатом до 1 м вышиной и толщиной до 5 и более метров, местами камень выветрен и лежит едва приметным тонким раскатом. По структуре стена представляется «циклопической», «следов связующего раствора не обнаружено. Наличие тесаных камней установить не удалось». «Камень сильно выветрился и почернел», «снаружи в качестве облицовки заложены более крупные камни (до 0,75 м длиной), а в середине стена заполнена мелкими камнями».

«От основной стены, параллельной обрыву, отходят строго по горизонталям раскаты камня к СВ, теряющиеся в густых зарослях».

Рис. 72. Крест на отдельном камне.

Достаточного для датировок подъемного материала предварительные разведки не дали. В. П. Бабенчикову «удалось найти 2—3 кусочка керамики, не поддающихся определению». Что же касается поднятого при осмотре в 1930 г. Е. В. Веймарном прекрасного, тщательно обитого наконечника стрелки желтого кремня, то находка эта не устанавливает даты стены.

Характер кладки последней, степень разрушения (выветривание) и некоторые аналогии в предгорьях Крыма склоняют меня к тому, что в наметившемся комплексе на плато над Качи-Кальеном обнаружено укрепление «таврской поры». Окончательное решение вопроса возможно лишь при длительном обследовании.

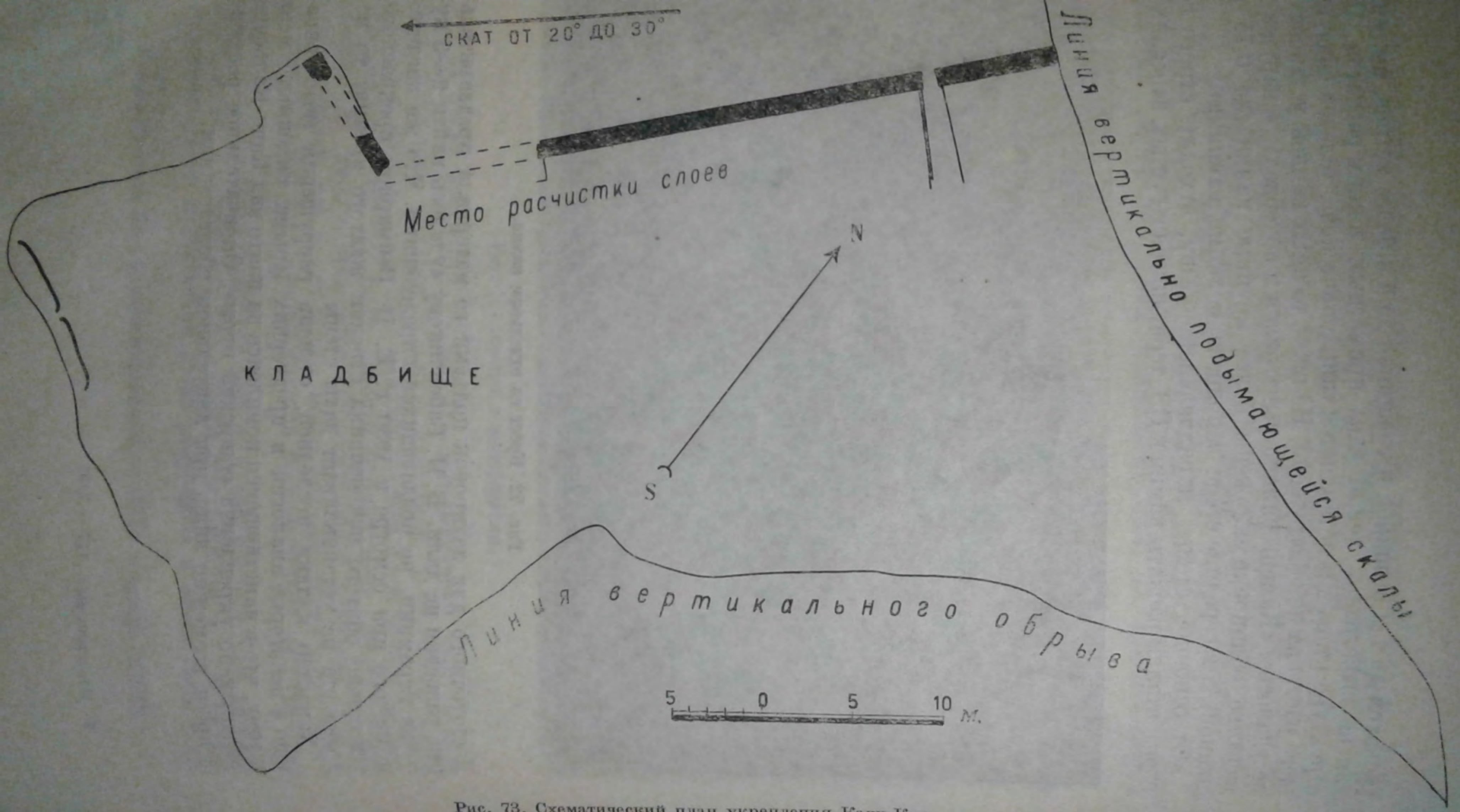

Рис. 73. Схематический план укрепления Качи-Кальена.

Е. В. Веймарн и Н. И. Репников

Сюйренское укрепление

Развалины Сюйренского укрепления мало известны. Их касается лишь вскользь крымская археологическая литература.[1] Между тем руины, здесь находящиеся, являются первоклассным археологическим источником.[2] В целях привлечения внимания к этому памятнику сообщаются предварительные итоги наблюдений авторов в 1930 и 1932 гг. Территория укрепления представляет ограниченную недоступными обрывами площадку мыса Кулле-Буруна (башенный мыс), господствующего над прорывом р. Бельбеком второй гряды гор. Вся северная часть долины на стыке предгорья со степью видна отсюда как на ладони.[3] К описываемому пункту от дд. Кучук-Сюйрень и Таш-Басты ведет древняя, местами сильно размытая дорога. Она проходит с запада от массива мыса, в обход всей возвышенности Кулле-Бурун. И доныне здесь идет колесная дорога, приводящая на плато. Помимо этого пути, вдоль западного обрыва по дну балки идет тропа, также приводящая на плато. На подъеме ее, в полпути, в обрыве Кулле-Буруна есть пещера с естественным выходом родника. В древности для сбора воды здесь раздолблен бассейн. Вода к последнему сбегает по нарубленному на поверхности камня желобку. Поднявшись на плато, тропинка скрещивается с кружной проезжей дорогой. На некотором расстоянии от развалин укрепления встречается стенка, протянутая от края до края плато. Она сложена насухо из некрупных, нетесаных камней. Толщина ее около 2 м, при наибольшей сохранившейся высоте 1—1,20 м. Наружные стороны стены состоят из более крупных камней, чем внутренняя забутовка. По своему характеру описываемая стена типична и подобна многочисленным боевым оградам «таврской поры».[4] Сюйренское укрепление занимает оконечность плато — самый мысок. Возможный доступ на

---

[1] П. И. Кеппен, ук. соч., стр. 291—295; Г. Э. Караулов, Древнее Сюйренское укрепление и башня на Бельбеке, Новороссийский календарь на 1871 г., Одесса, 1870 г., с 2 литографиями; В. Х. Кондараки, ук. соч., стр. 168 и сл.; А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 90; Н. И. Репников, Остатки укреплений Эски-Кермена, Готский сборник, стр. 205.

[2] Не можем принять мнение Ф. А. Брауна, осматривавшего их в 1890 г., что раскопки здесь «вряд ли к чему приведут», ОАК, 1890 г., стр. 21.

[3] Еще П. И. Кеппен отметил, что с плато «видны с одной стороны Бельбекская долина, от Албата до Бююк-Сюйрена, а с другой, — через яр Исар Алты Дере и горы Алис Тепе, — море и самые корабли, по оному плывущие», ук. соч., стр. 294—295.

[4] Ср. аналогичную стену описанную в предыдущей статье настоящего сборника.

последний прегражден капитальной боевой стеной с башней посередине (рис. 75).

Линия обороны прикрывает территорию мыска от отвесного обрыва к р. Бельбек до неприступной пропасти западного края плато. На протяжении своем древняя стена ломается тупым углом, смотрящим на юг почти посередине плато, в высшей его точке. В последней поставлена круглая башня. К западу от нее в стене — узкая калитка, к востоку — широкая брешь — место рухнувших ворот. Боевая стена уцелела хорошо в большей своей части. Облицована она крупными блоками известняка, размерами 0,30 × 0,60 × 0,40 м в среднем. Они тщательно тесаны с лица, лежат на известковом растворе. В чередовании рядов облицовочных камней наблюдается большая правильность. Они лежат «логом» и

Рис. 74. Карта округи Сюйреня.

«тычком» на перевязь, изнутри соприкасаясь с бутовой кладкой на известковом растворе с обильною примесью речного песка. Толщина стены — 2,50 м, при общей высоте в среднем 4 с небольшим метра. Зубцов парапета поверху ее не имелось. Были ли устроены особые деревянные подмостья, на которых могли помещаться стрелки-защитники, из-за обвала верха стен установить нельзя. На западном конце, там, где стена заворачивает, ломаясь вдоль края обрыва, имеются вырубки основания ее в скале постелями. На данном участке оборона разрушена, а камни кладки ее сброшены под откос в балку. Характер продолжения линии стены от перелома по западному обрыву установить затруднительно. Однако находящиеся здесь по краю обрыва постели определяют наличие здесь если не продолжения основной стены, то бруствера, прикрывавшего защитников от поражения стрелами из балки.

Восточный конец основной стены лежит также на вырубках в скале — постелях. Должно отметить, что в облицовке этой части

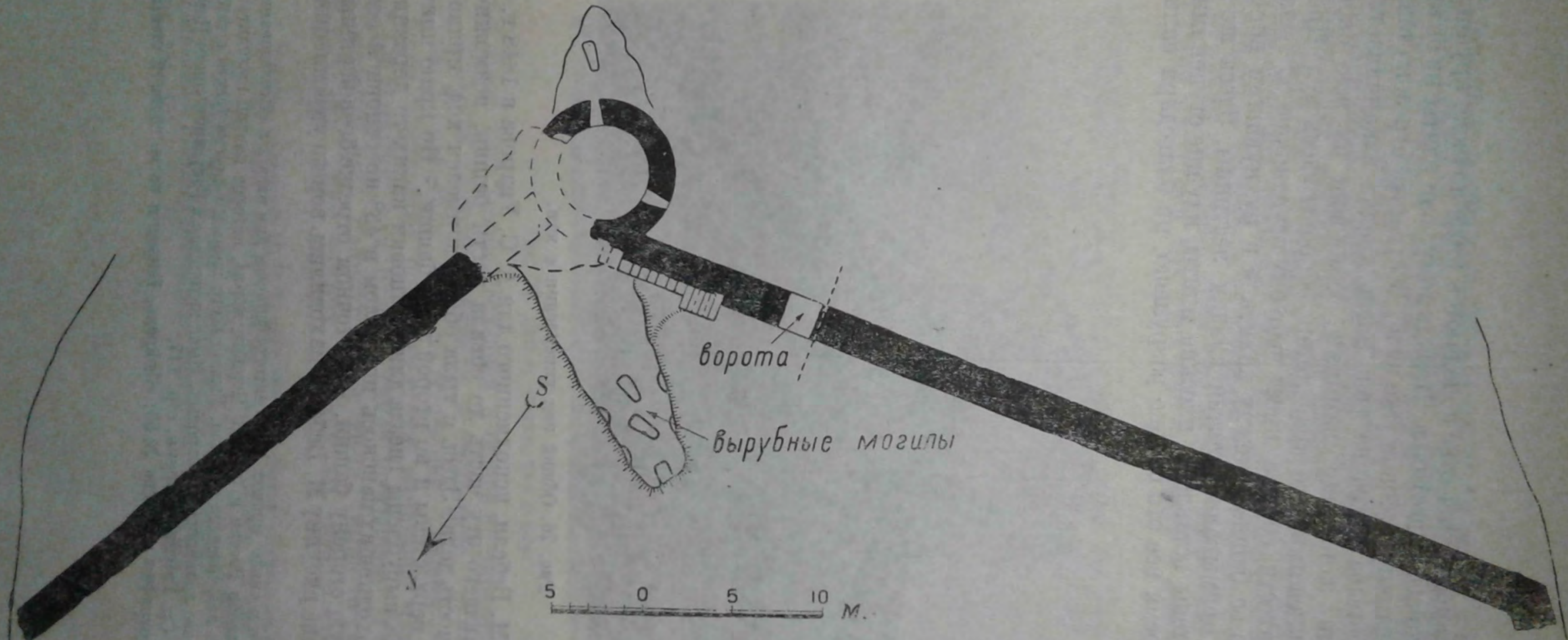

Рис. 75. Боевая стена с башнею.

стены в значительном количестве попадаются иные по теске крупные блоки нумуллитового известняка. Повидимому, они взяты из более старых кладок здания в готовом уже виде. Восточный отрезок стены не доходит до обрыва метра на три. Здесь кладка заканчивается ровно тесанными заподлицо камнями облицовки на всю свою высоту, определяющими, что край линии обороны здесь цел. Промежуток в покатости обрыва имеет вырубку ступенькою. С тыла, непосредственно за башней, между калиткой и рухнувшими воротами, к стене примыкают остатки кладки лестницы. Здесь же в кладку верха стены вставлены плоские плиты, идущие ступенями. В настоящее время все это сильно разрушено, но благодаря нали-

Рис. 76. Общий вид укрепления с юга.

чию рисунка М. Вебеля, исполненного для А. С. Уварова в 1848 г.[1] (рис. 81) и дающего эту часть до обвала части башни, возможно уяснить сущность дела. Здесь с тыла обороны имелся ход, приводивший и на верх стены и во второй этаж башни.[2] По краю плит этого перехода вырублены гнезда для установки каких-то деревянных частей, входивших наискось под углом в 45° по основной оси плит. По левую сторону башни, в восточном отрезке боевой стены, судя по тому же рисунку М. Вебеля, находились ворота укрепления.

---

[1] Этот рисунок в числе прочих был литографирован для издания «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря», которое начало выходить в 1851 г. До конца оно доведено не было. Вышло всего лишь 2 выпуска текста с табл. 1—40. Невышедшее хранилось у Уваровых. Ныне находится в Государственном Историческом музее. Ср. Готский сборник, стр. 147.

[2] Данная литография помечена № 53: «Сюйрень. Башня и часть главной стены».

Здесь ныне в связи с обвалом части башни и разрушением стены зияет огромная брешь. Ворота, судя по рисунку, представляли широкий проход, перекрытый аркой свода. Облицованы они были штучным тесаным камнем. По правую сторону башни, в западном отрезке стены, находится калитка, уцелевшая доныне. Она также облицована штучным тесаным камнем.

Башня, как указывалось уже, стоит в вершине схождения тупого угла обороны, на высшей точке хребта, идущего вдоль плато (рис. 76). Нынешнее состояние ее плачевно (рис. 77). Восточная сторона сооружения со сводом, примерно на одну треть диаметра, рухнула.[1] Башня построена одновременно со стеной в перевязь с облицов-

Рис. 77. Деталь башни, вид с юга.

кой (рис. 78). Камни последней в башне по характеру однородны, но меньших размеров, нежели в стене (рис. 79—80), вверху — меньших размеров, чем в основании. Башня — двухэтажная, внутри облицована более мелкими камнями, менее тщательно обработанными, чем с лица самой постройки. В нижнем этаже, в который вела прямоугольная дверь, ныне рухнувшая, были 3 бойницы. Две из них сохранились удовлетворительно. От

[1] В 1833 г. ее посетил П. И. Кеппен, который пишет: «Башня эта есть одна из достопримечательнейших древних построек в Крыму. Только тут еще уцелел свод», ук. соч., стр. 292. В 1867 г. она была еще цела, см. рис. Г. Э. Караулова в ук. статье. В 1885 г. часть башни уже не существовала; см. чертежи А. Л. Бертье-Делагарда в библиотеке ГЦМТ в Симферополе; упоминание об этой работе в ЗОО, т. XX, 1897 г., стр. 154—155.

третьей намечается лишь след. Средняя, лучше сохранившаяся, обстреливала подступ к укреплению, правая — подход к калитке, левая — подступ к воротам укрепления. Следов того, что стены нижнего этажа башни были оштукатурены, не приметно. Уровень второго, верхнего, этажа определяется семью квадратными гнездами для балок, перекинутых в древности с западной на восточную стену. По ним был настлан дощатый пол, делящий внутренность башни на два изолированных этажа с самостоятельными входами с тыловой стороны. Камни, входящие в состав внутренней облицовки второго этажа, обработаны тщательнее, чем в нижнем. Второй этаж

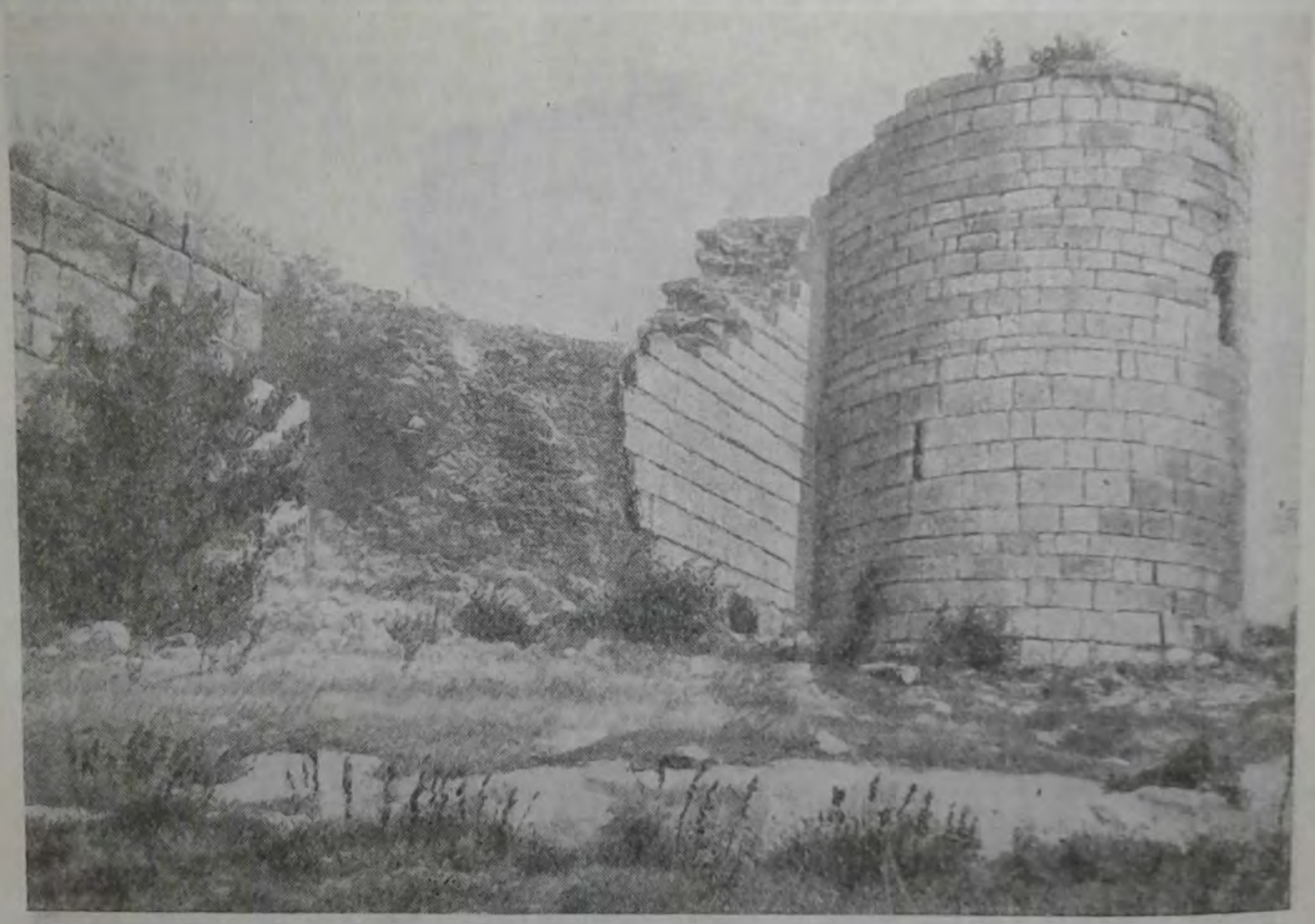

Рис. 78. Деталь связи башни со стеною.

имел три окна. Из них полностью сохранились два, от третьего намечается лишь след. Характер окон показывает, что они подвергались незначительным переделкам — закладкам. Но камни, положенные в замках арок и во внешней облицовке, одновременны с постройкой всей башни. Верхний этаж перекрывает купольный свод из хорошо тесаных камней. Последние лежат в 12 концентрических, тщательно пригнанных рядов с круглым замковым камнем центре. Весь второй этаж башни был оштукатурен и расписан фресковою росписью.[1] Последняя определяет, что в позднейшую эпоху

[1] П. И. Кеппен называет ее «корсунской живописью», отмечая плохую сохранность: «ликов святых нельзя уже видеть большею частью потому, что штукатурка обвалилась». «Живопись находилась над всеми тремя окнами, и изображения составляли как бы полосу, в коей один образ от другого отделялся рамкою или чертами».

жизни укрепления в верхнем этаже башни была устроена церковь. В настоящее время от бывшей росписи сохранились незначительные фрагменты в куполе и в нишах окоп. На пятах свода уцелел остаток полосы нижних частей, единоличных фигур и отдельных композиций, написанных на синем фоне. Они отделены друг от друга широкими киноварными рамками. Слева направо идут два изображения пророков, один из них — с развернутым свитком. Далее — композиция рождества Христова на фоне горного пейзажа. В пещере — лежащая на ложе богоматерь у яслей. На переднем

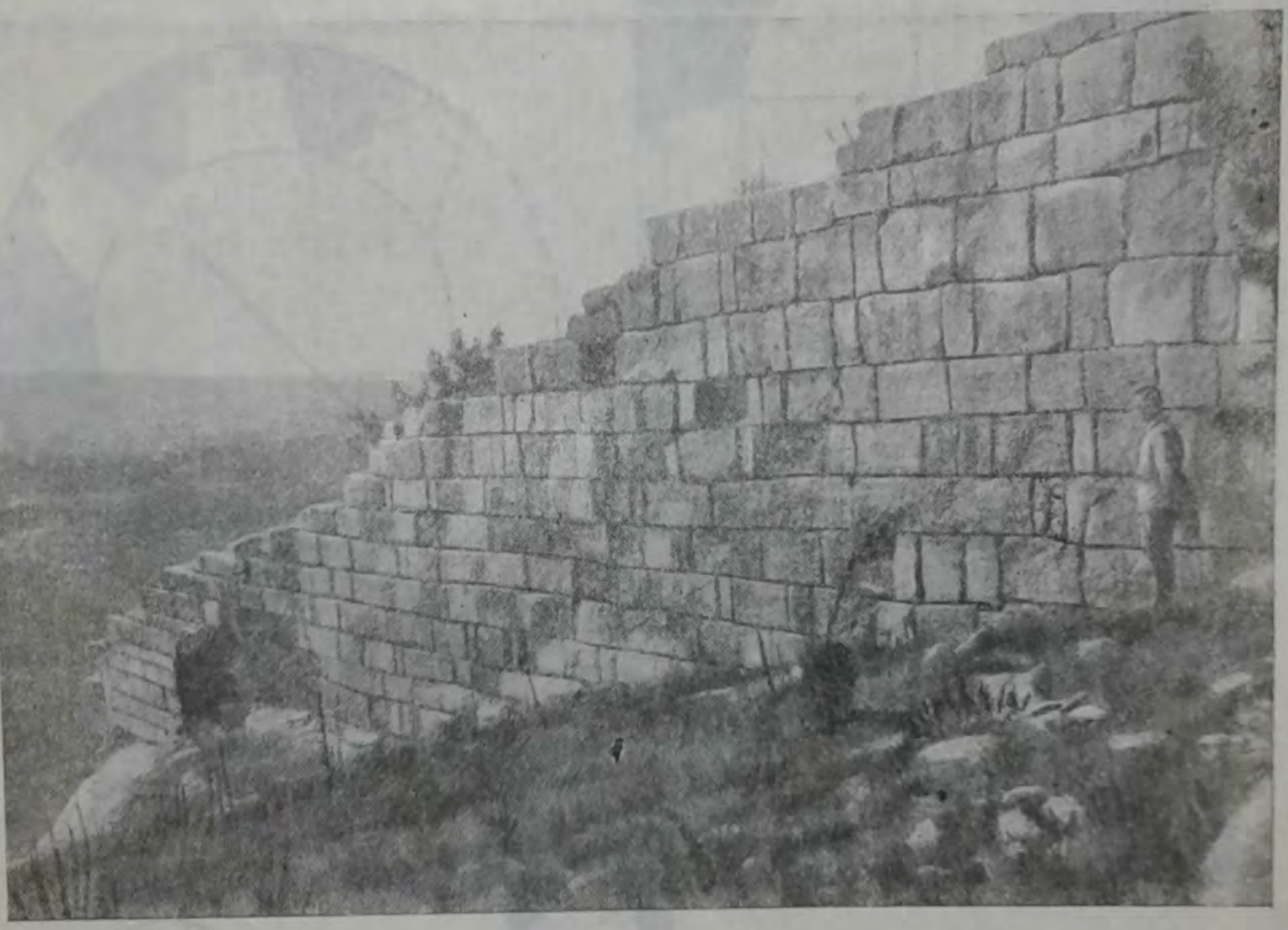

Рис. 79. Характер кладки западного участка стены.

плане у купели — две фигуры служанок. С краю направо — согбенная фигура сидящего Иосифа. Далее, в специальном обрамлении — низ прямоличной фигуры в пышно орнаментированных одеждах. Еще далее шла, повидимому, композиция Благовещения. Фигуры архангела и богоматери — в рост. От остального сохранились столь незначительные остатки, что установить по ним изображенное невозможно. В нишах окон по местам уцелели жалкие остатки орнаментальных росписей. В юго-восточной нише окна намечаются контуры фигур двух ангелов в рост с рипидами, а в замке арки написан большой восьмиконечный киноварный крест

ук. соч., стр. 292—293. Состояние сохранившегося в 1848 г. зафиксировано в хорошем рисунке М. Вебеля, ук. листы А. С. Уварова, № 54: «I и II остатки стенной живописи, сохранившейся в Сюйренской башне». Значительно хуже зарисовка Г. Э. Караулова (1867 г.) приложенная в литографии к указанной его статье.

с соответствующими буквами. [1] Стилистически роспись идентична с фресками пещерных храмов Эски-Кермена. Дата ее — XII—XIII вв. Поверху башни никаких следов зубчатого парапета, также как и на боевой стене, не имеется. Впереди башни в скале вырублено пять

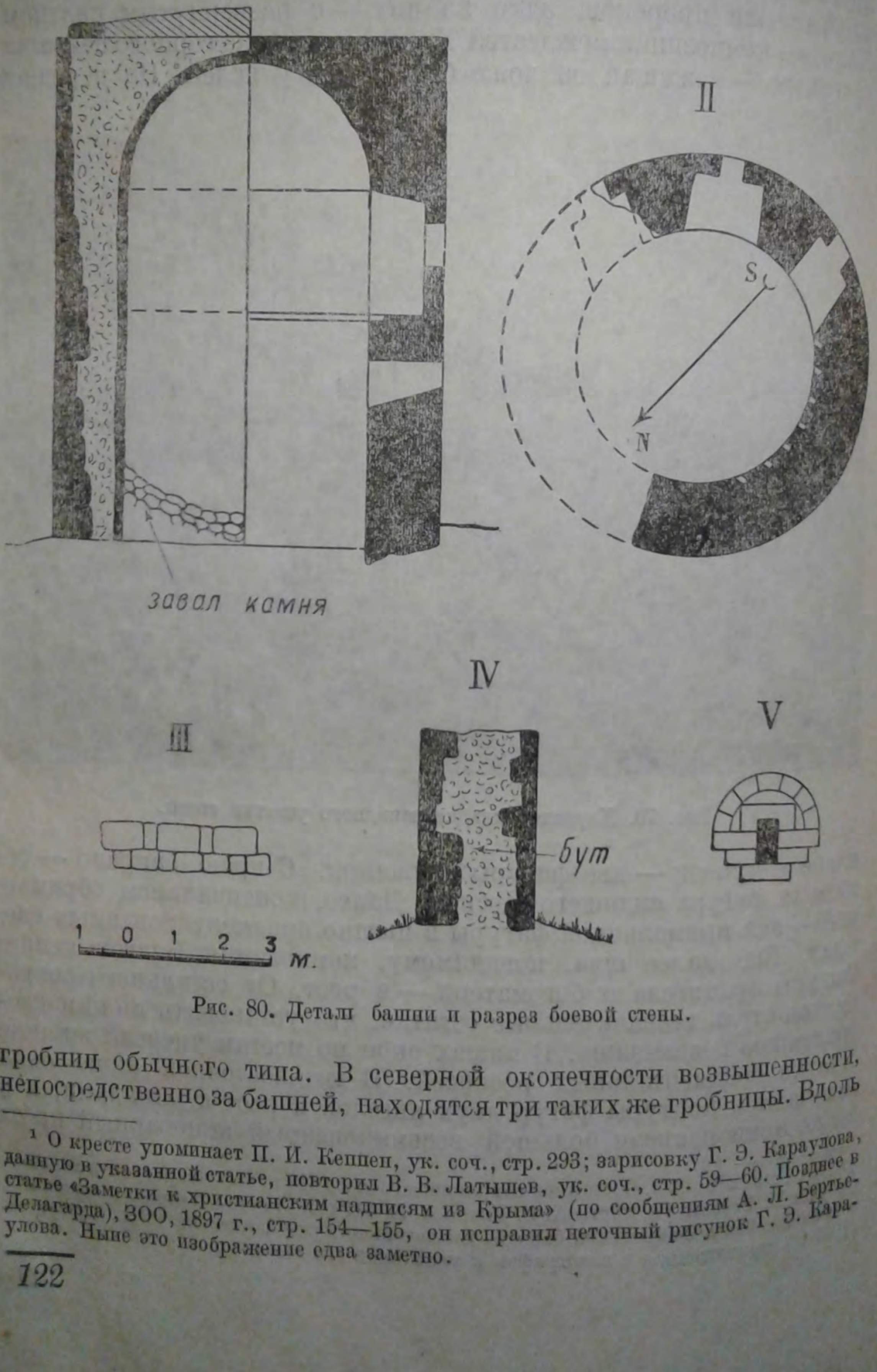

Рис. 80. Детали башни и разрез боевой стены.

гробниц обычного типа. В северной оконечности возвышенности, непосредственно за башней, находятся три таких же гробницы. Вдоль

[1] О кресте упоминает П. И. Кеппен, ук. соч., стр. 293; зарисовку Г. Э. Караулова, данную в указанной статье, повторил В. В. Латышев, ук. соч., стр. 59—60. Позднее в статье «Заметки к христианским надписям из Крыма» (по сообщениям А. Л. Бертье-Делагарда), ЗОО, 1897 г., стр. 154—155, он исправил неточный рисунок Г. Э. Караулова. Ныне это изображение едва заметно.

восточного и западного обрывов здесь же находятся семь усыпальниц-пещерок. На плато, в черте укрепления, на поверхность выступают кладки стен построек. Последние подходили к линии боевой стены. Они шли в четыре ряда, широкой полосой в 120—150 м. Далее на север следы их исчезают, а около места обвала края скалы, в итоге землетрясения 1927 г., никаких остатков построек уже не приметно. На северном конце плато, в бровке обрыва, имеются вырубки. Форма их определяет, что в них вставлялись вертикально бревна. Последние являлись балками навесной над пропастью деревянной постройки. По восточному краю плато идет терраса — уступчик. На последней видны следы развалин небольших по-

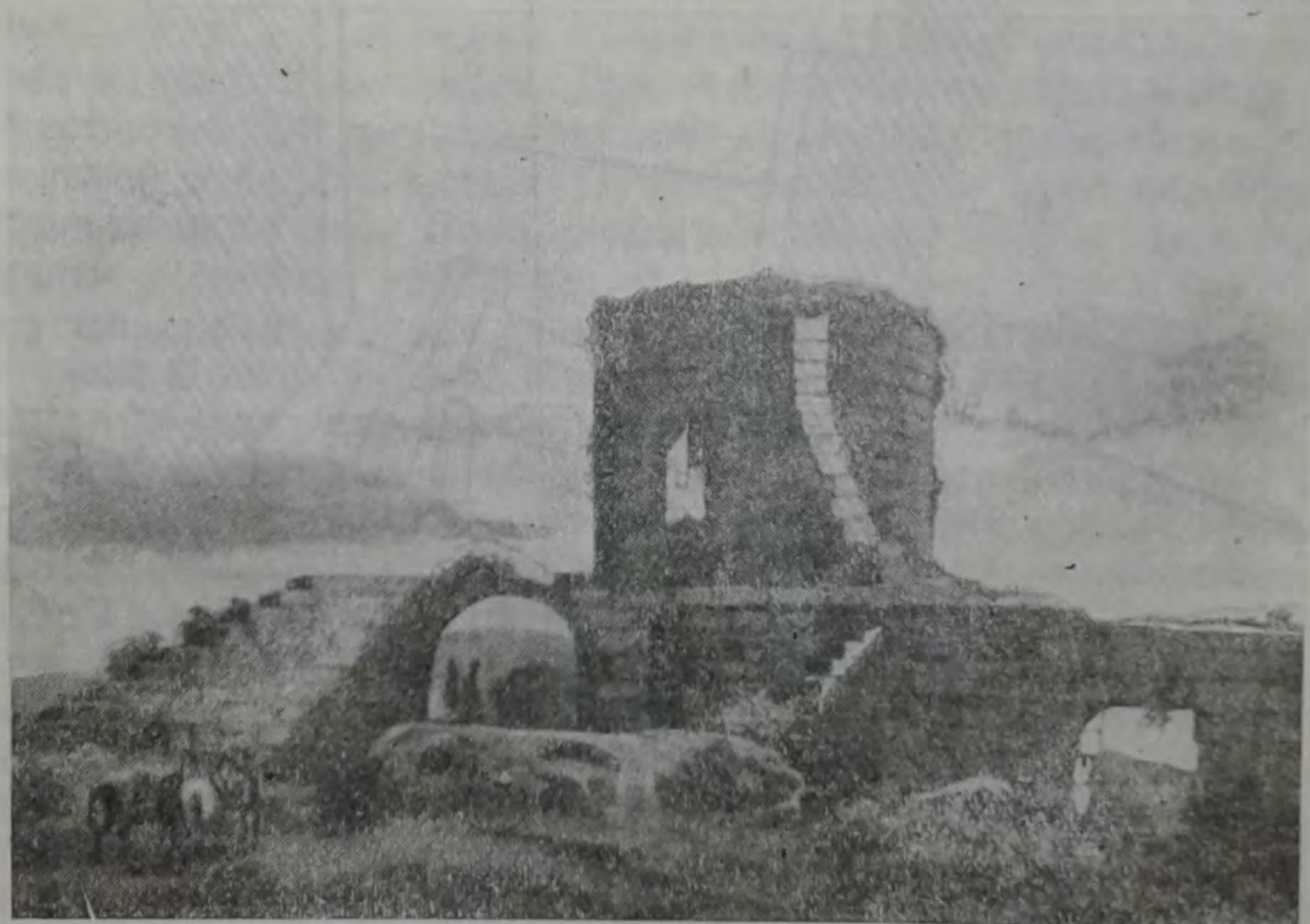

Рис. 81. Вид башни с севера по рисунку 1848 г.

строек. В застроенных участках укрепления культурный пласт достигает, повидимому, 0,60—0,75 м над поверхностью скалы.

В ближайшем соседстве с описанным укреплением осмотрен «пещерный город» — Чильтер-Коба (решетчатая пещера). Он не описывался до сих пор в литературе. Поселение расположено было к Ю.-З. от Кулле-Буруна, у обрыва скалы. Оно весьма характерно своим местоположением. Возникнув под отвесом мыса Ай-Тодор (святого Федора), достигающего здесь не менее 40 м отвесной высоты, поселение было прикрыто совершенно от северных и северо-восточных ветров. Из глубокой балки Хор-Хор к месту поселка идет легкий подъем. В ближайшем соседстве с бывшим жильем имеются два источника. Один, довольно значительный, — в непосредственном соседстве с ним в навершьи балки, другой — за скалою «Серого лба». Пещеры поселения Чильтер-Коба расположены

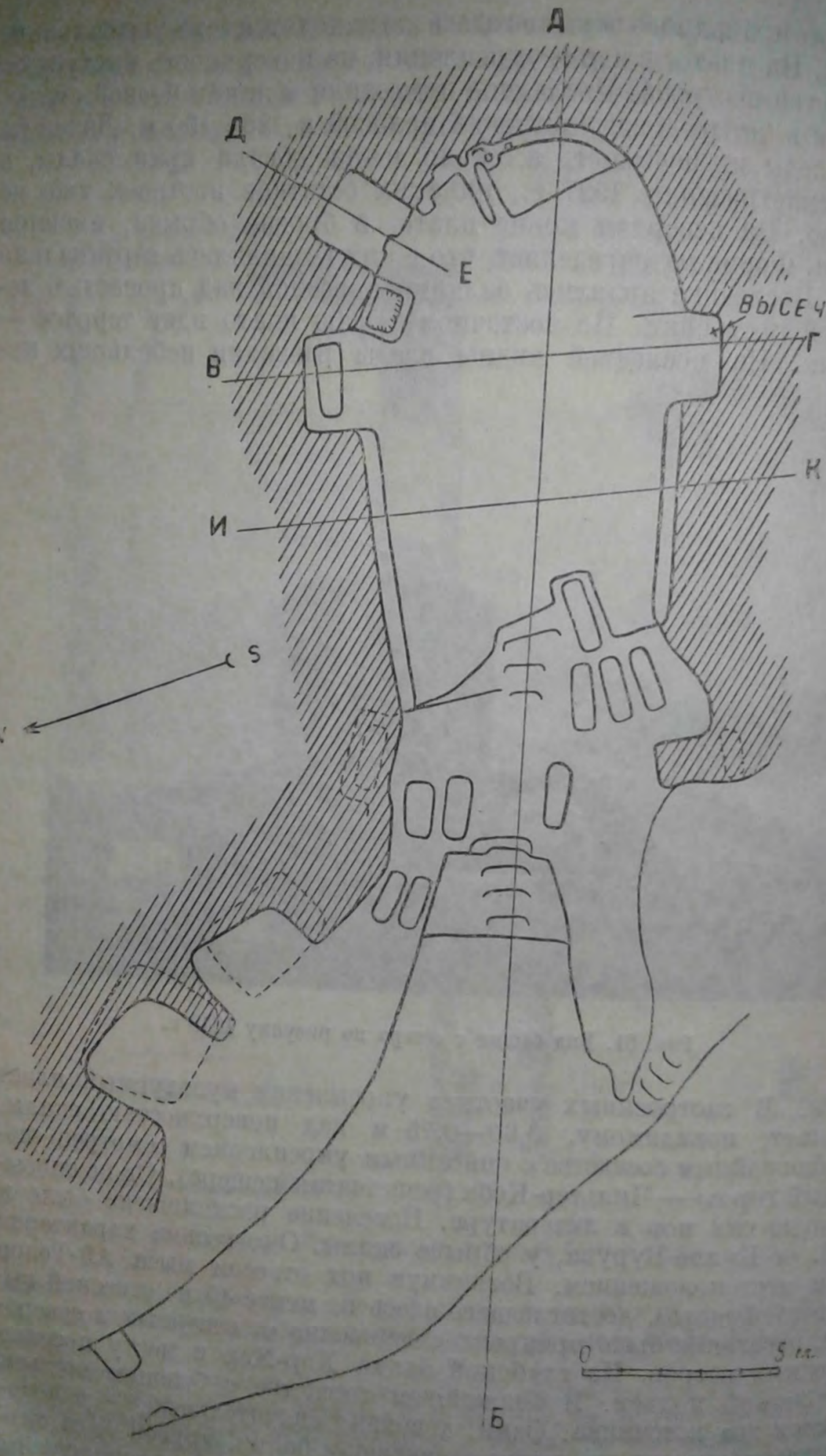

Рис. 82. План пещерного храма.

в три яруса. Понизу, вдоль основания всей скалы, идут довольно глубокие, вместительные естественные навесы-пещеры, высотою более роста человека. Будучи прекрасно укрытыми от ветра и дождя, судя по обилию навоза (коровы и овцы), эти навесы-стойла и до наших дней служат убежищем пасущегося скота в жару и непогоду. Во второй ярус пещер ведут ступенчатые лесенки, нарубленные в камне. Все многочисленные пещеры, здесь находящиеся, — искусственные, довольно аккуратно вырубленные. Помещения их использовались как жилье, частично как склады. Над вторым ярусом поднимается терраса, составляющая третий ярус. Пещер здесь значительно меньше. Больших пещерных сооружений в поселении Чильтер-Коба нет, за исключением одного пещерного храма (рис. 82). Последний, однако, не является специально вырубленным в скале помещением. При устройстве его использовали большой естественный грот, приспособив его весьма примитивно дополнительной выборкой в скале. В пещерный храм ведет нарубленная ступеньками лесенка. По сторонам последней в полу и вдоль стен — обычные вырубные гробницы. В северной стене грота вырублены две усыпальницы. Вдоль длинных сторон помещения храма — низкие скамьи, вырубленные в целом камне. В восточных концах последних — два симметрично расположенных прямоугольных помещения, выбранных в стенах. В полу левого — вырубная гробница, а на стене правого высечен крест. Аналогичное же прямоугольное помещение выбрано в северной стене. Ныне оно завалено навозом.В алтарной части пещерного храма в полу имеется ряд вырубок, определяющих наличие здесь деревянных переборок. В стенах здесь же гнезда и ниши. Престол находится впритык со стеною. Основные пещерные сооружения описываемого поселения представляют неглубокие квадратные помещения, вырубленные в отвесе скалы. Около них в основании и на вертикалях на поверхности камня идут многочисленные вырубки, борозды и гнезда. Наличие последних с несомненностью определяет, что на террасах, занятых в древности поселением, были деревянные постройки. Сохранившиеся пещеры не являлись самостоятельным жильем или иным хозяйственным сооружением, а представляли лишь дополнение — дорубки к бывшему деревянному жилью в целях расширения площади его. В глубине балки, над последним естественным навесом в обрыве скалы, видны еще незначительные следы нескольких, ныне недоступных пещерок. Раньше к ним вела нарубленная на поверхности скалы лестница. След последней отчетливо виден. У подножья ограничивающего с запада балку Хор-Хор скалистого мыса Дженичe-Бурун в скале вырублен ряд тарапанов для давки винограда.

Н. И. Репников

О новейших раскопках крымских „дольменов"

Старый вопрос о «дольменах» Крыма в последнее время привлек к себе вновь внимание благодаря раскопкам, производившимся по заданиям Музея антропологии и этнографии в течение трех экспедиционных кампаний 1930—1932 гг. Подробный отчет подготовляется руководителем раскопок С. А. Семеновым-Зусером к печати.[1]

Раскопки производились к западу от дер. Черкес-Кермен, Бахчисарайского района (рис. 83). Здесь, по соседству с бывшим Мекензиевым хутором,[2] в течение 1930 и 1931 гг. раскопано 27 каменных ящиков.

Они расположены большой, импозантной группою по легкой возвышенности к югу от зданий «Второго кордона» — казарм объездчиков лесной стражи Наркомзема. Местность в недавнем прошлом была лесной дачей, затем была вырублена, а теперь вновь отошла под лесонасаждения. В 1854 — 55 гг. здесь был лагерь русских войск под начальством Горчакова, прикрывавших подступы к осажденному Севастополю. Последнее обстоятельство не могло не отразиться пагубно на сохранности многих из каменных ящиков, тем более что значительная часть их к этому времени в своих верхних частях была обнажена дождями от земляного покрова. Именно в этот период, повидимому, главным образом, и были потревожены в большей или меньшей степени «кладоискательским» вскрытием выявившиеся памятники описываемой группы.

Каменные ящики у бывшего Мекензиева хутора заключаются в низких разложистых валообразных насыпях.[1] Последние ориентируются в основном с В на З с неизбежными отклонениями. Число каменных ящиков, определяемых простым осмотром, на поверхности «валиков», а также соотношение последних между собою наглядно иллюстрирует бусольная схематическая съемка Е. В. Веймарна, исполненная в 1932 г. (рис. 84). Каменные ящики, помимо «валиков», скрыты иногда также под низкими круглыми насыпями.

---

[1] Предварительные сообщения: «Вестник знания», 1931 г., № 5-6; «Природа», 1931 г., № 6: «Сообщения ГАИМК», 1931 г., № 7.

[2] На старом «Екатерининском» шоссе из Бахчисарая в Севастополь.

[3] Ср. небезызвестный курган «Мал-Муз», раскопанный нами в 1907 г. в Байдарской долине, «Каменные ящики Байдарской долины», ИАК, вып. 30, стр. 138—144; отличие лишь в том, что ящики «Второго кордона» снабжены оградой из камней.

Немалое число их, повидимому, впущено непосредственно под уровень земли, вследствие чего они ускользают от учета, и незначительная часть сооружений этой последней — третьей — категории поддается фиксации без сплошных раскопок; это возможно лишь в тех случаях, когда верхние части стенок выступают на поверхности.

Ввиду того, что расчистка и фиксация раскопок не была доведена экспедицией МАЭ до конца и характер погребальных сооружений в целом остался, тем самым, невыясненным, Эски-Керменская экспедиция ГАИМК взяла на себя дополнительную задачу по исследованию этих памятников.

Почти посредине группы каменных ящиков, против бывшего Мекензиева хутора, ближе к западному краю, находится значи-

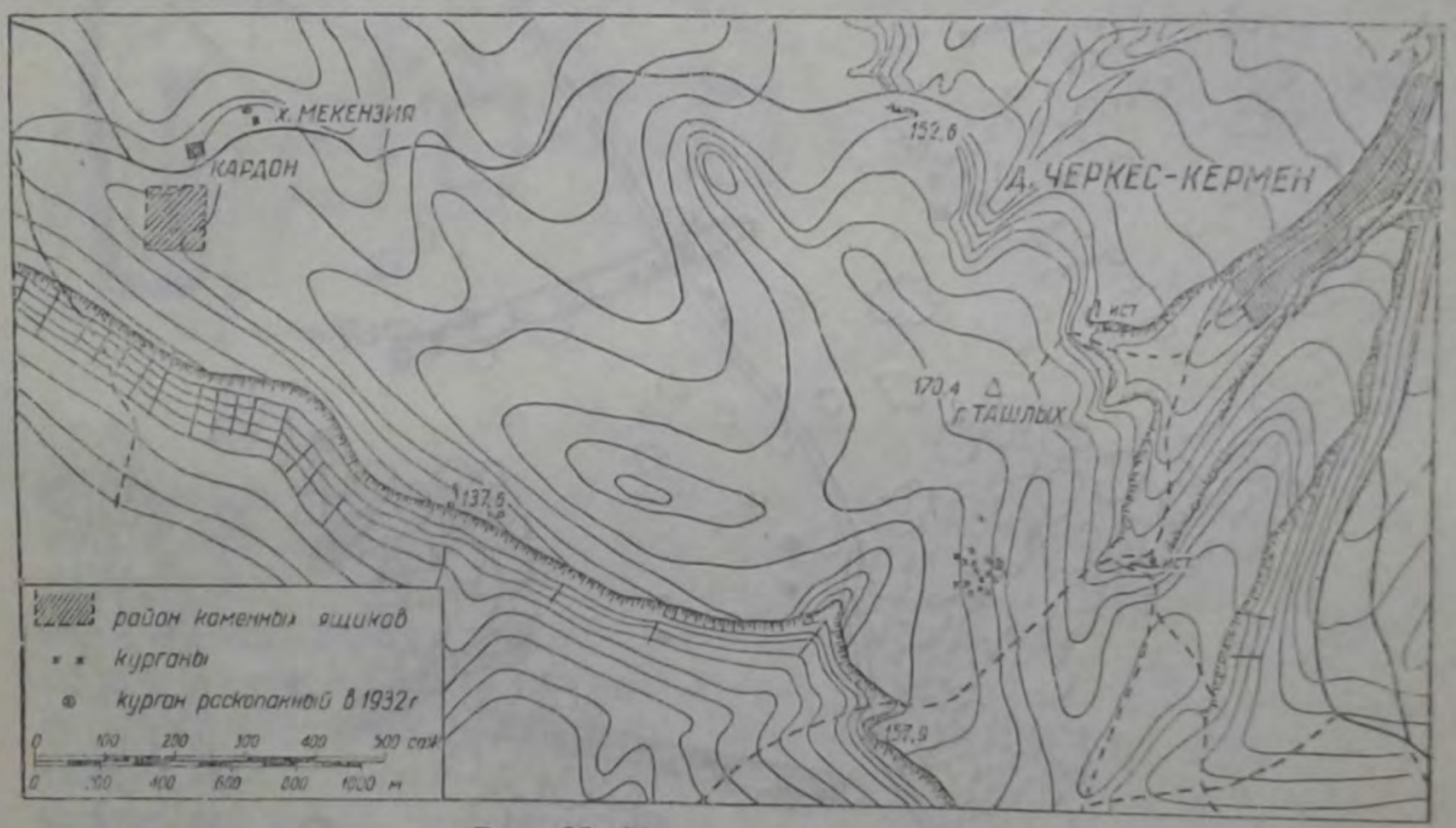

Рис. 83. Карта района работ.

тельная насыпь — «валик» (см. рис. 84). Простым осмотром поверхности устанавливалась наличность 7 каменных ящиков в ограждениях: четыре в восточной и три в западной половинах, с значительным промежутком между ними. Ящики восточной половины, с слегка сдвинутыми на сторону плитами покрытий, остались незатронутыми раскопками С. А. Семенова-Зусера. Зато три западных вошли в круг его исследований. Крайний к западу больших размеров накрыт массивной плитой. Он ограблен, видимо, в 1854—1855 гг. посредством пробоины в восточной стороне. Два других лишены вовсе покрытия.

Валообразная насыпь в своей северной половине экспедицией ГАИМК была разрезана сплошным раскопом, размерами 6 × 8,50, м.[1] Благодаря этой разведке как самый профиль, так и структура

[1] На схематическом плане группы место раскопок означено сильной штриховкой.

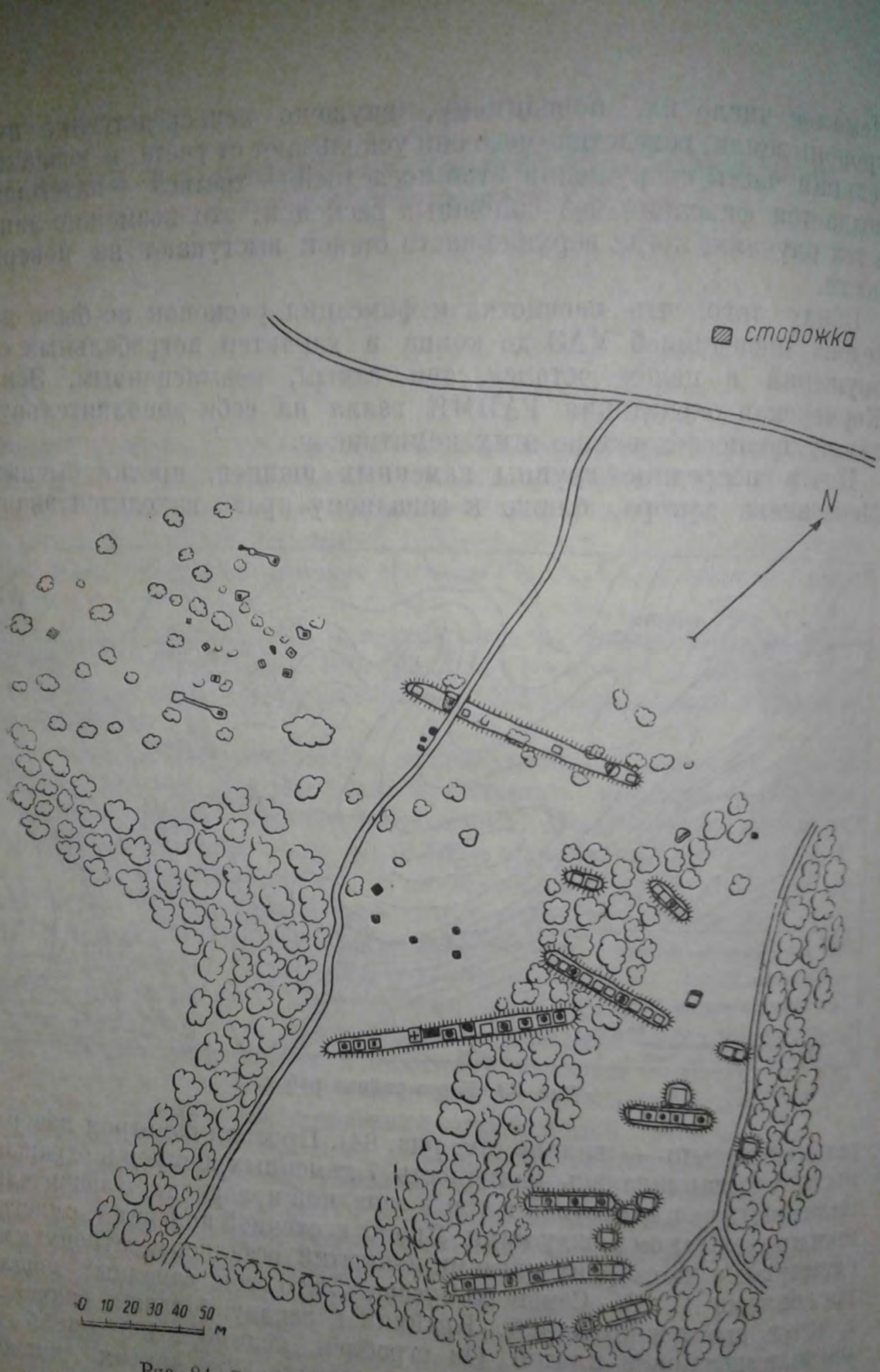

Рис. 84. Схематический план поля каменных ящиков.

валообразной насыпи выяснились полностью (рис. 85).[1] Подтвердилось также предположение, что на данном участке под насыпью скрывается еще разрушенный в древности каменный ящик в обычном ограждении из камней.

Структура валика представляет следующую картину (рис. 86). Над материком и перекрывающей его тонкой прослойкой «поля»

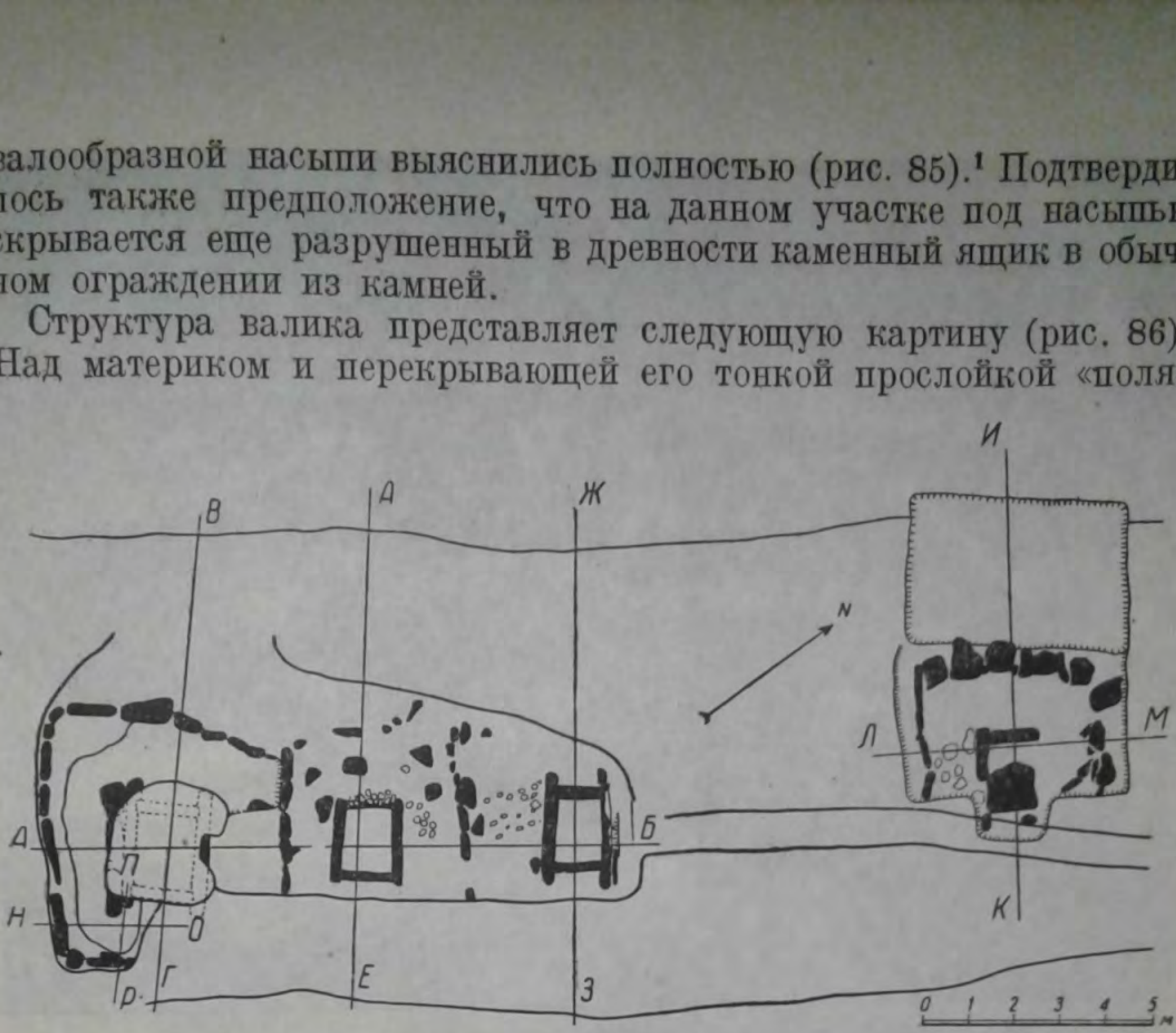

Рис. 85. План каменных ящиков.

(т. е. перегноя), составляющей уровень первоначальной, современной сооружению поверхности, насыпан род валика из земли, перемешанной с большим количеством мелкого камня. Мощность этой основы валика достигает 0,50 м. На поверхности ее сооружена ограда «кромлеха». В данном случае ограду составляли массивные вертикально поставленные обломки плит дикарей местного известняка значительных размеров. Внутри ограды находился обычный каменный ящик, разрушенный в древности (рис. 87). От него уцелели плиты трех стенок. Покрытие отсутствовало вовсе. Размеры и детали всего сооружения даны на плане и разрезах.

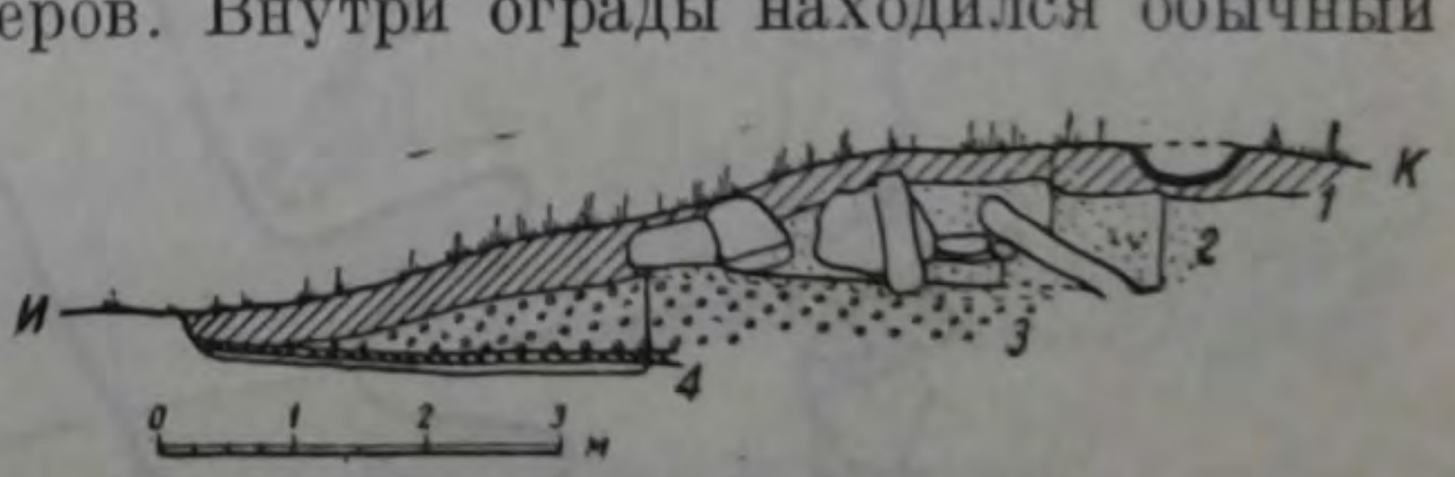

Рис. 86. Разрез валика по И — К.

Все сооружение было засыпано насыпью, образующей второй слой валика. Засыпь эта состоит из каменистой засыпки, перемешанной с землей. Мощность этого слоя достигает 1 м. Все перекрывается тре-

тьим слоем земли (перегноя, гумуса), с редкими камнями; толщина этого третьего слоя — до 0,50 м. Таким образом, общая высота всей валообразной насыпи в центре достигает 2 м. Упоминалось уже, что самый каменный ящик был разрушен уже в древности.

---

[1] См. разрез по линии И—К.

Рис. 87. Ограда и разрушенный каменный ящик.

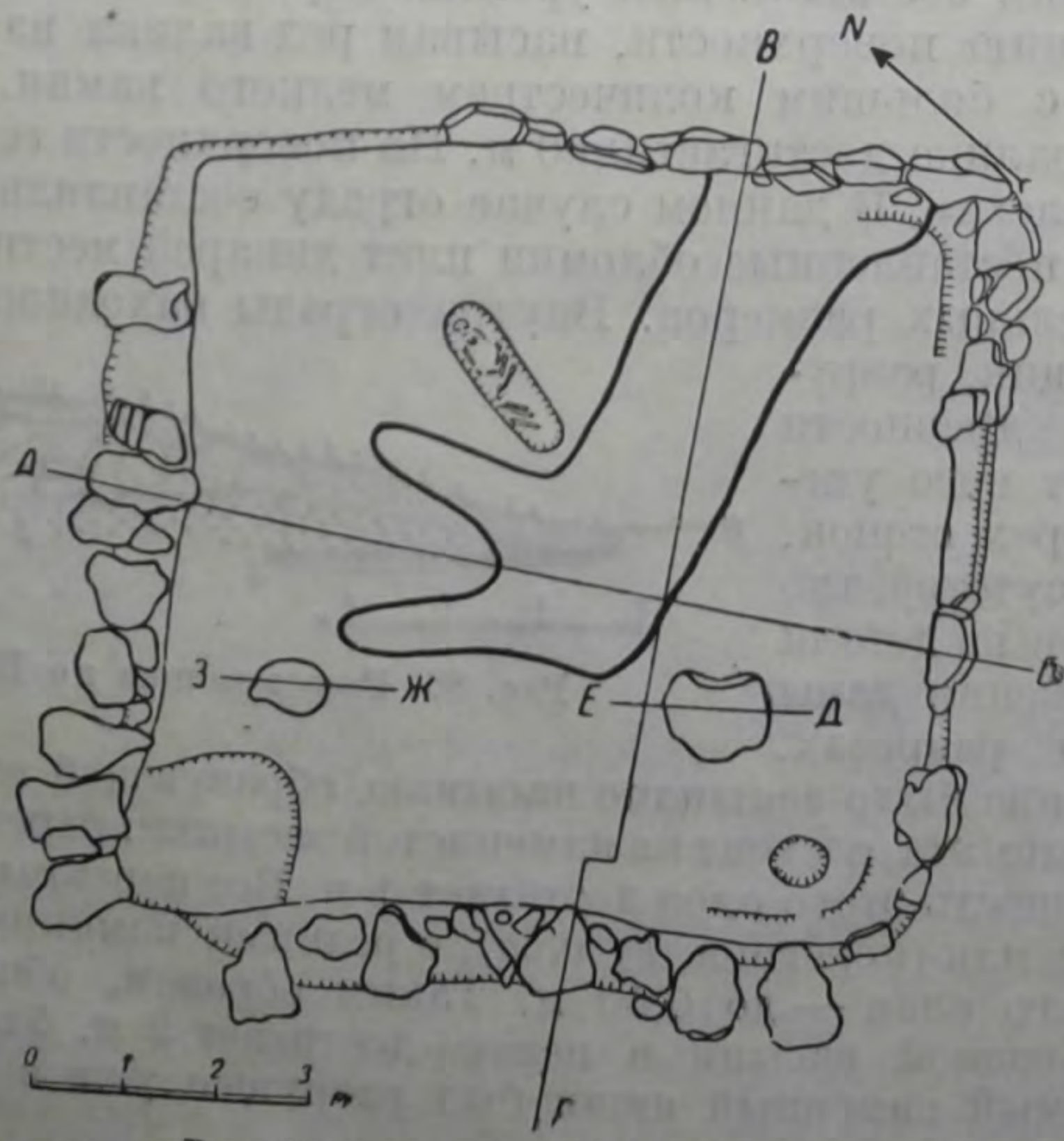

Рис. 88. План кургана в Шуланде.

За это говорит характер перекрывающей его насыпи. На современной нам поверхности нет ни западин, ни грабительских ям. Никаких костных остатков от погребения не найдено. А из предметов материальной культуры в насыпи встречена лишь медная спиралька обычного типа. [1]

Помимо каменных ящиков, в круг раскопок С. А. Семенова-Зусера в 1930 г. вошел курган в окрестностях д. Черкес-Кермен (рис. 83). Это значительная по объему насыпь в группе из 17 курганов, находящихся у дороги Терен-иол (глубокая дорога) к югу от возвышенности Ташлых, в урочище Шуланда. [2] Курган представлял низкую, разложистую насыпь, ограженную по краю затянутыми землей крупными камнями, поставленными в квадрат. В северо-восточной половине его С. А. Семенов-Зусер прокопал, начиная от края, узкую канаву, размерами 5,50 — 1,50 м. Последняя врезалась в курган по направлению к центру.

Рис. 89. Камень — «стела».

Здесь в северном направлении им проложены были две узкие канавки, шириною до 0,50 м, при наибольшей длине 2 м (рис. 88 и 91).

[1] Ср. ИАК, вып. 30, рис. 28, фиг. 34.

[2] Примечательное название этого урочища, непонятное местному татарскому населению. Исследователи топонимических терминов Крыма относят названия урочищ, оканчивающиеся на «ида», «анда», «енда», к древнейшей поре. Томашек считал их «загадочными», склоняясь усматривать в них остаток языка тавров (Tomaschek, Die Goten in Taurien, стр. 75). А. И. Маркевич также полагает, что подобные названия принадлежат «отдаленной древности, может быть, киммерийцам или таврам» («Географическая номенклатура Крыма как исторический материал», Известия ТОИАЭ, т. II, 1928 г.).

Работы С. А. Семенова-Зусера достигали 0,80 м глубины, причем им прокопаны были в насыпи кургана слой поверхностного гумуса, слой каменистой насыпи и лишь частично глинистая прослойка, подстилавшая всю насыпь. Материка в произведенных работах не было обнаружено. В процессе работ встретили вертикально стоящий камень. Последний извлекли из насыпи кургана. Местный житель Али-Рамазан тогда же перевез его в свой двор в д. Черкес-Кермен.

Курган является исключительно любопытным для северного предгорного Крыма. Аналогию ему среди известных пока памятников

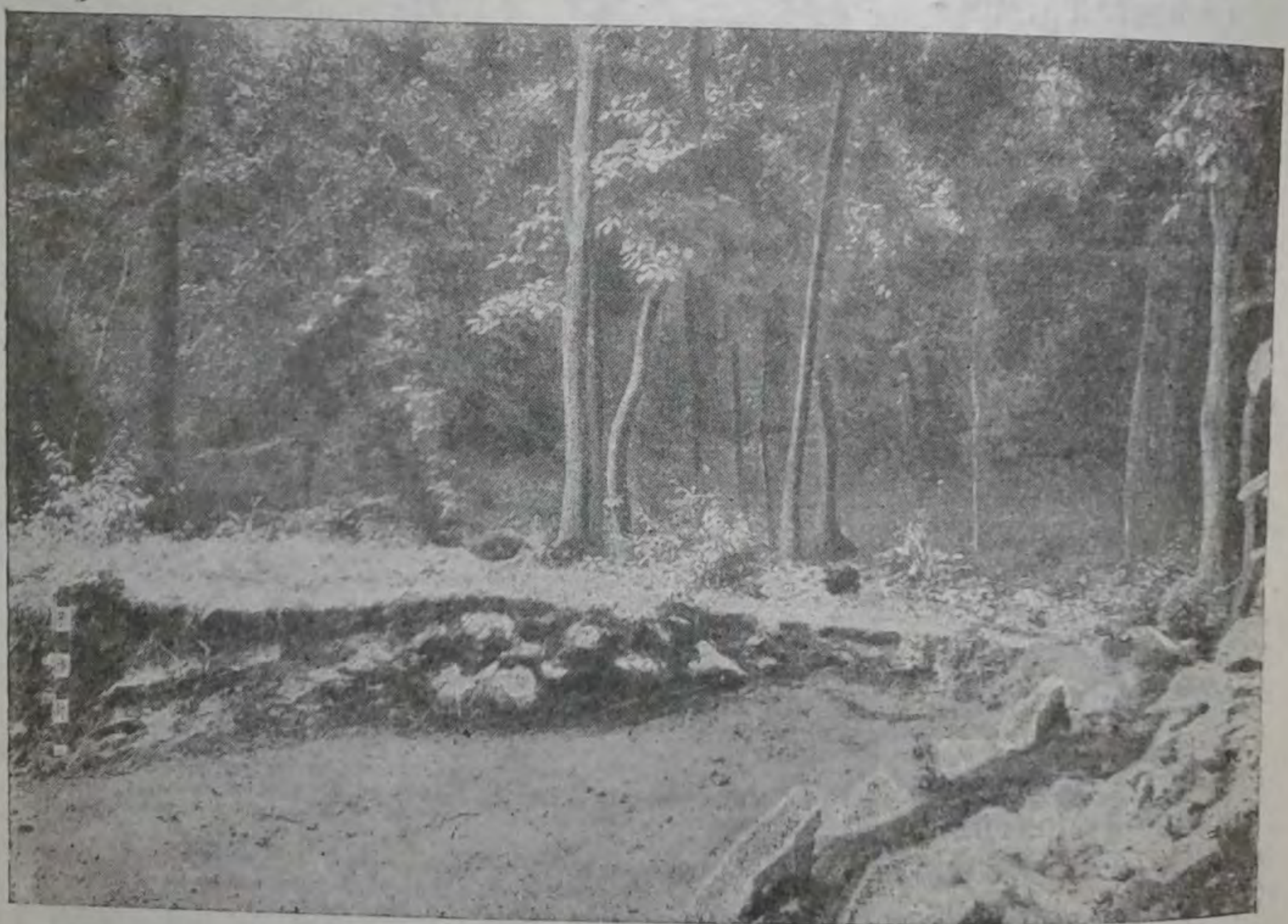

Рис. 90. Характер наслоения кургана.

представляет лишь, также недокопанный В. Ф. Миллером в 1886 г., курган под Алуштой, на южном побережьи. [1]

Камень, найденный в кургане, удалось разыскать. Он сохраняется во дворе Али-Рамазана. Это — монолит особой разновидности твердого местного известняка, выломленный на обрыве так наз. «Второго карниза» над Шульской долиной. [2] На одной из сторон камня, [3]

[1] В этом пункте, при дороге в горы, вблизи б. дачи Трахтенберга, на бугре разрыт курган диаметром до 6,50 м. Его опоясывало кольцо «кромлеха» из очень крупных врытых камней. В средине кургана стояла каменная стела «в виде столба, высотою в 2 аршина». Погребение обнаружено не было. «Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г.», «Древности», т. XII, 1888 г., стр. 126 сл.

[2] «Биюк-бурунский» (большой мыс) камень, как определяют эту разновидность жители Черкес-Кермена, хорошо знакомые с местными разработками.

[3] Размеры камня: 0,94 × 0,90 м.

которая может быть признана лицевой, имеется род неширокого выдолбленного закрайка. Внутри этого обрамления выступают следы борозд, сильно выветрившихся и сплывших от действия дождей и ветра. Намечается как бы верхняя часть фигуры человека по пояс (рис. 89). Оборотная сторона найденного камня — неровная, бугорчатая, не имеет ни помянутого закрайка, ни следов борозд. Самая форма памятника, а также и следы возможного изображения на «лицевой» его стороне позволяют с некоторой долею вероятия зачислить его в разряд «антропоморфных стел».

Рис. 91. Разрезы кургана.

Раскопки кургана закончились на пятый день. Полностью послойно была снесена вся насыпь кургана. В итоге работ обнаружена площадь в 68 кв. м, обставленная огромными, нетесаными плитами известняка, происходящими также с Биюк-буруна. Открытый «кромлех» — новинка в крымских условиях. Камни, его составляющие, вертикально поставлены в специальный ровик, вырытый в мате

Рис. 92. Разрезы кургана.

рике. Многие из камней «кромлеха» под напором земли накренились наружу. Вырытый ровик имеет в среднем 0,45 м в ширину при глубине до 0,15 м от уровня современной его сооружению поверхности. Огражденное «кромлехом» пространство было засыпано глинистым слоем до 0,25 м местами с примесью каменистого «хряща». Слой этой насыпи перекрыт мелким камнем, мощностью до 0,50 м. Поверх последнего лежит слой чернозема, «гумуса», достигающий 0,25 м [1] (рис. 90 и 91).

В западном внутреннем углу «кромлеха», на уровне поверхности скалистого слоя материка, на котором возникло все сооружение, встретился очаг, размерами 1,90 — 1,80 м. Поверхность скалы здесь была очень сильно обожжена и растрескалась. Место горения перекрывал толстый, до 0,08 — 0,10 м, слой пепла. Последний в своем составе не заключал ни костей животных, ни обломков керамики. Примыкающие к описываемому месту камни «кромлеха» на поверхности своей носили следы сильного пламени. Все отмеченные обстоятельства с несомненностью доказывают, что в западном углу ограды после его сооружения и до засыпки поверхности слоями насыпи кургана разводили очень сильный огонь. Кроме описанного очага, аналогичное явление в виде небольшого круглого пятна, диаметром до 0,50 м, обнаружено в районе южного угла «кромлеха». Недалеко от очагов, но на более высоком горизонте обнаружены два лежащих плашмя крупных камня. Последние лежали уже в слое засыпи мелкого камня, перекрывая глинистый слой и «хрящик». [2] Попали ли они в насыпь кургана случайно или имели какое-либо ритуальное назначение, сказать затруднительно. Возле них не найдено ни костей животных, ни обломков керамики. В северной части «кромлеха» обнаружено погребение в могильной яме. Последняя находится на одном уровне с описанными выше «очагами». Размеры могилы: 1,65 × 0,50 × 0,15 м. Она овальной вытянутой формы, расположена почти точно с С на Ю. Описанные ранее слои насыпи самого кургана перекрывали могильную яму, не будучи ею перерезаны. Последнее четко определяет, что все сооружение возникло одновременно и специально для данного погребения. На дне могильной ямы лежал костяк головою почти на С, на правом боку, со скорченными ногами, руки опущены в область таза (рис. 92). Кости его раздроблены тяжестью навалившихся на него камней курганной насыпи, плохо в общем сохранились. Череп раздавлен на куски. Никаких находок при погребении не оказалось. Других погребений в черте «кромлеха» также не оказалось

Всюду раскопки доведены до голой материковой скалы.

---

[1] См. разрезы по линии А—Б и В—Г.
[2] Разрезы по линии В—Ж и Е—Д.

А. Н. Бернштам

О деревянных постройках Крыма

(Заметка)

В связи с археологическими раскопками Эски-Кермена в составе экспедиции 1930 г. работал этнограф для сбора материалов, главным образом из района древнего города. По линии этнографии работа велась в основном по изучению построек крымских татар. Для выполнения задачи изучения древних форм жилищ и старинных конструкций были обследованы постройки ряда деревень, непосредственно примыкающих к Эски-Кермену.

Общий очерк построек уже дан в специальной работе. [1]

После выпуска вышеупомянутой работы нами был обследован еще ряд деревень в 1930 г., и найдены некоторые интересные для истории строительной техники постройки. Изучение деревянных конструкций дает возможность подойти несколько иначе к исследованию древней строительной техники, прослеживаемой главным образом на примере базилики, раскопанной в 1930 г.

Наша небольшая заметка касается техники постройки одного из древних типов татарского жилья горной части Крыма. В немногих уголках нагорья сохранились в качестве музейных экспонатов [2] старые деревянные постройки, которые, по мнению жителей, татар, являются древнейшими. Такую постройку легче всего найти, если попросить жителя деревни показать «эски эв» (eski ev), т. е. старый (в смысле древний) дом. Нами зафиксирован в 1930 г. ряд домов в деревнях: Каралезы, Биюк и Кучук-Узенбаши, Коккозы, Верхний и Нижний Керменчик, Ай-Тодор, Карань и т. д. Дома эти находятся в деревнях, расположенных у лесов, сохранившихся по сейчас или некогда существовавших. Материал в постройках Крыма наглядно свидетельствует об использовании местными жителями материала той географической среды, где воздвигнута та или иная постройка. Однако последнее обстоятельство не универсально. Так, мы в деревнях нагорных встречаем постройки из всевозможного материала — обстоятельство, вызываемое в первую очередь социально экономической дифференциацией. Не всякий материал для постройки и связанная с ним конструкция требуют привлечения квалифицированных рабочих рук. Поэтому

---

[1] А. Н. Бернштам, Жилище Крымского предгорья, Известия ГАИМК, т. IX, вып. 6—7, 1931 г.

[2] Насколько нам известно, деревянный дом в Коккозах сохраняется Музейным отделом Крымского наркомпроса.

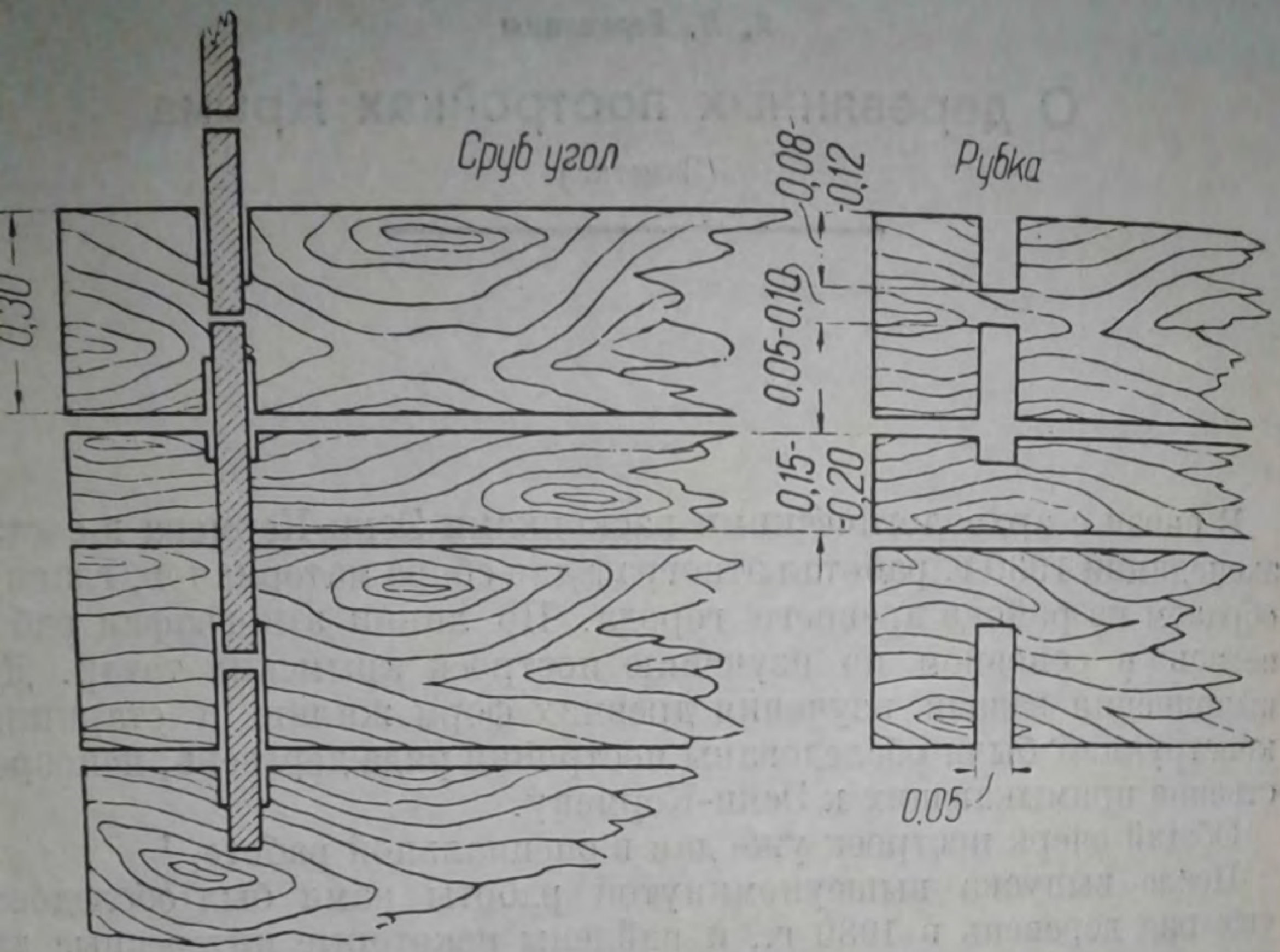

Рис. 93. Рубка плах по углам дома.

Рис. 94. Дер. Биюк-Узенбаш. Деревянная постройка. Вид со двора.

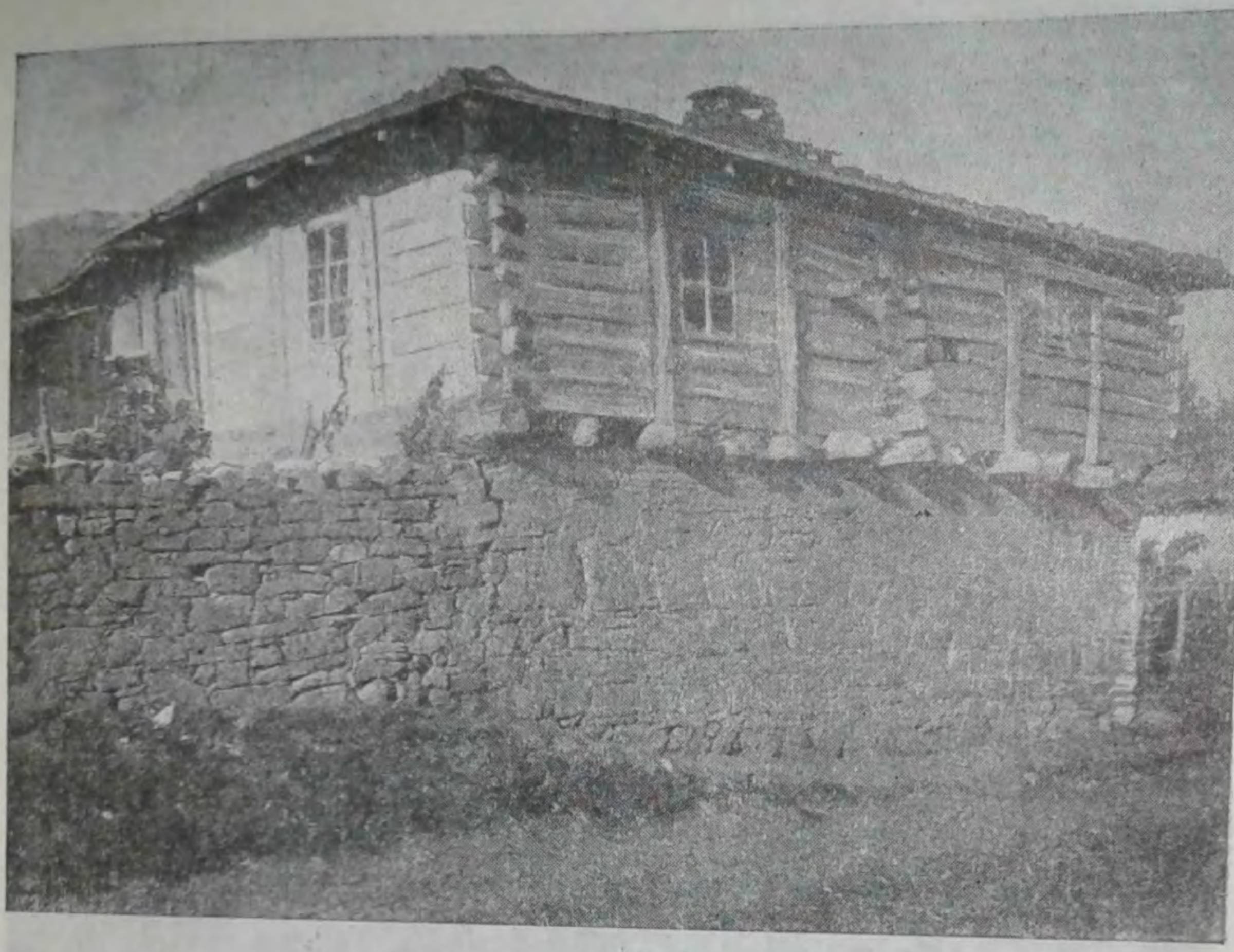

Рис. 95. Дер. Биюк-Узенбаш. Вид с улицы.

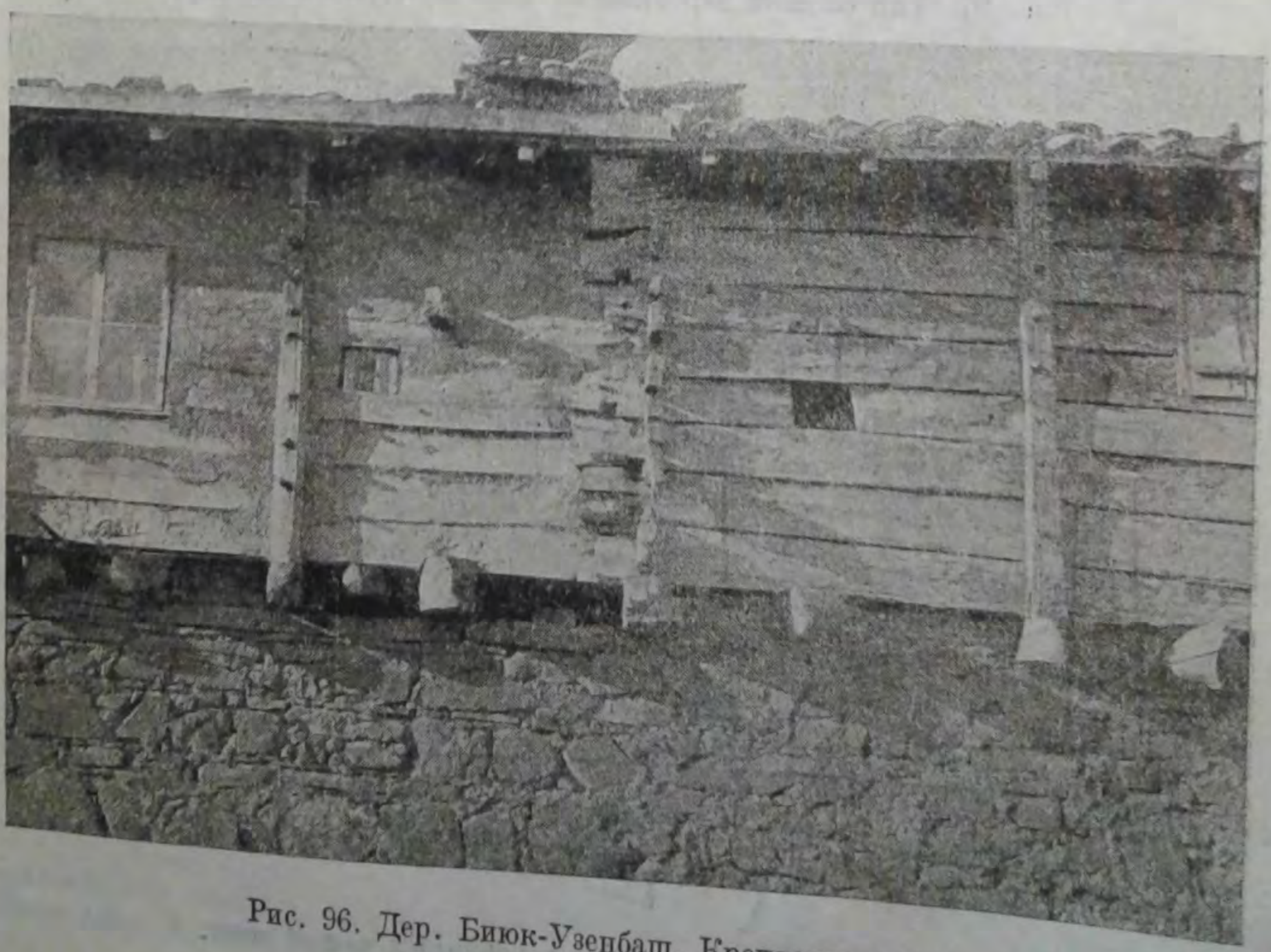

Рис. 96. Дер. Биюк-Узенбаш. Крепление стены.

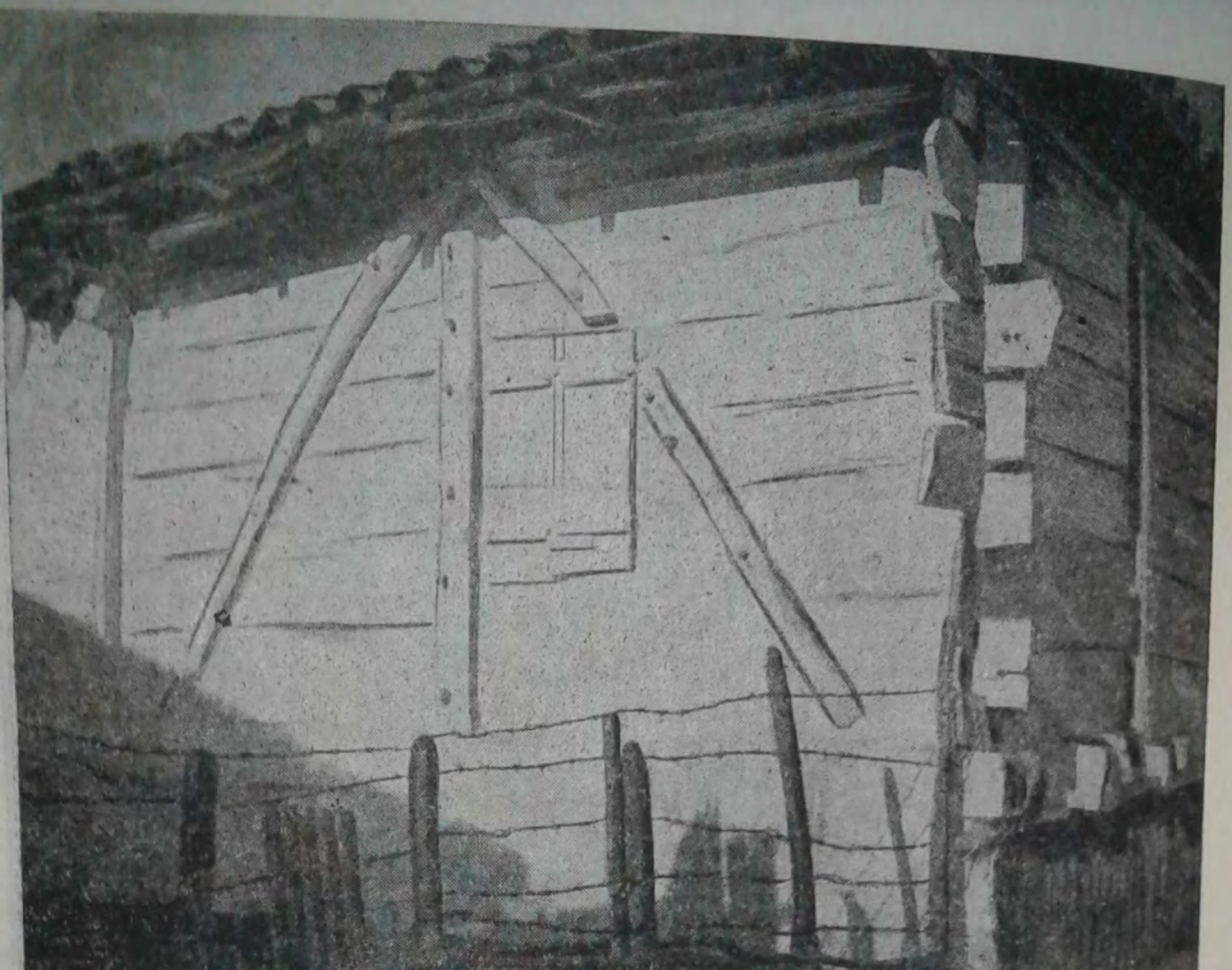

Рис. 97. Тип сшивки деревянного дома по углам и фасаду.

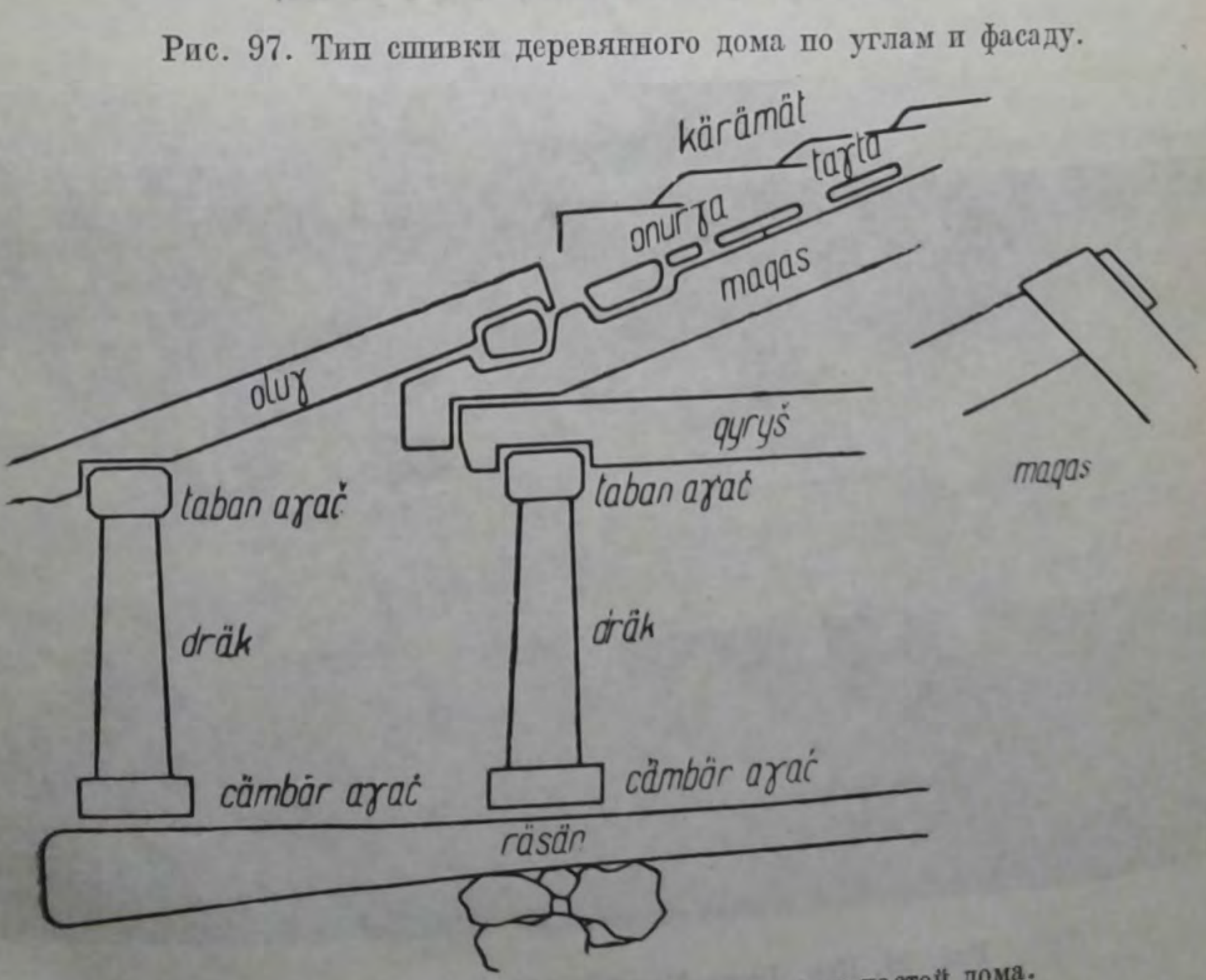

Рис. 98. Схема расположения деревянных частей дома.

в бедняцких хозяйствах долгое время использовались саман и плетень.

Наибольшее количество деревянных построек мы встретили в деревне Биюк-Узенбаш, расположенной в долине, примыкающей к северной стороне первой гряды Крымских гор. Местность изобилует еще и сейчас строительным лесом. в частности дубом.

Деревянные постройки Биюк-Узенбаша разделяются на два типа.

Первый тип повторяет деревянную конструкцию, описание которой мы уже дали в нашей работе. [1]

Постройка сделана из плах, скрепляемых по углам пазами (рис. 93). Поставленные на ребро плахи связаны вертикально стоящими упорами, которые соединены с плахами, образующими стены дома, деревянными шипами.

Стены как бы заключены в более массивный деревянный каркас, образованный бревнами, лежащими внизу, обычно на каменном фундаменте. В нижний каркас вставлены вертикальные упоры стен, которые, в свою очередь, поддерживают верхнюю раму дома, на которой покоятся стропила крыши и веранды. Стропила, перекрещиваясь вверху, связываются общим для них всех бревном, где они закрепляются, также как все остальные деревянные части дома, пазами. Окна и двери имеют свои рамы, прибитые к стенкам. [2]

Рис. 99. Установка бревен на фундаменте.

Примером такой постройки и служит дом на фиг. 94—99. Эта постройка достаточно типична, и ее можно наблюдать в ряде деревень как татарских, так и греческих (см. рис. 100—102 — постройки д.д. Ай-Тодор и Карань).

Другим типом постройки, реже в Крыму встречающимся, являются те же деревянные постройки, но со своеобразно отделанными углами.

---

[1] Там же, стр. 24—29. Ср. название деталей. Размеры всегда почти одни и те же.

[2] Некоторые «окна» — простой вырез в плахе отверстия, задвигаемый деревянной ставней. Для стекла пазы делаются непосредственно в плахах, как, например, в доме Нафэ Асан Чуплах.

Так, например, в той же деревне Биюк-Узенбаш, мы обследовали постройки Немет Ула Бербера, Нафэ Асан Чуплах, Абибулы Арслан и др., в архитектуре которых отметим несколько новых деталей.

Углы дома, т. е. при пересечении двух его стенок, закрыты вертикально стоящей, четырехгранной в разрезе, плахой, внутренняя часть которой выбрана для укрепления плах — стенок дома. Таким образом, плахи стенок как бы вставлены в связывающий их деревянный угол, с которым они скреплены деревянными «гвоздями» (ср. рис. 103—105). Крупные части дома не скрепляются добавочно «гвоздями», а просто насажены друг на друга и держатся благодаря своей тяжести (ср. рис. 106—108). Кстати отмечу, что в ряде домов этого типа плахи стен укрепляются не деревянными гвоздями, а зажаты между двумя стойками, концы которых укреплены в нижней и верхней рамах дома.

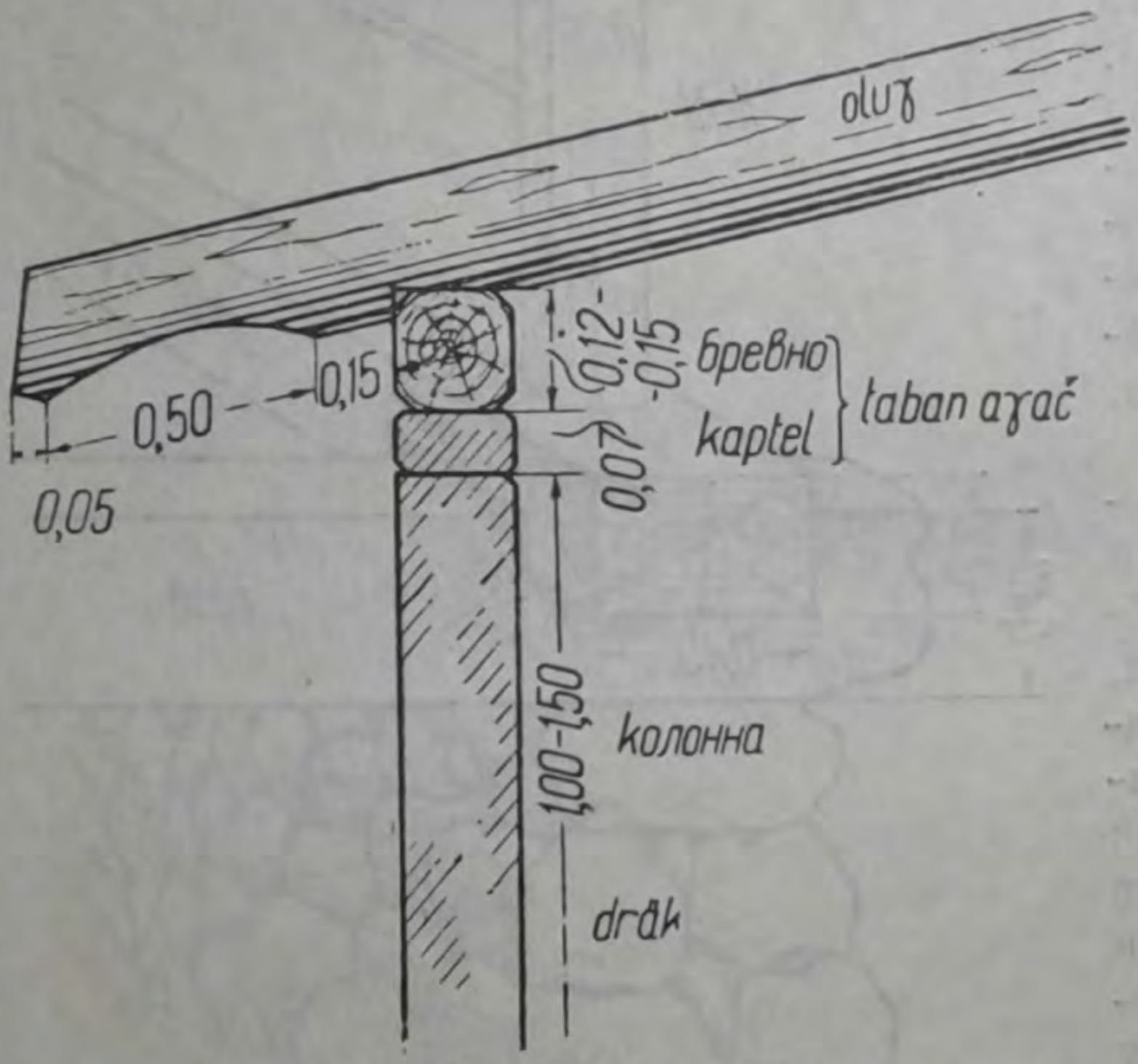

Рис. 100. Деталь веранды.

По линии архитектурной необходимо отметить, что деревянная постройка несет в себе следы *кладки*, как бы отражая в своих конструкциях приемы мастеров, более знакомых с иным, чем дерево, строительным материалом. Так, например, можно указать на характер укладки плах без пазов в деревянные углы.

Характерным является также то, что в постройку употребляются не целые бревна, а плахи. Это обстоятельство в районе, лесом не особенно богатом, вызывается в основном экономией леса. Бревна раскалываются клином на плахи, а последние обрабатываются теслом.

Деревянная постройка, как мы уже отмечали, ставится на каменный фундамент — фактически на первый этаж, который служит жилищем зимой, так как деревянный дом при такой конструкции не является теплым жилищем. Возможно, что деревянная постройка явилась надстройкой над первичной каменной, и не

Рис. 101. Деревянный дом в греческой дер. Карань.

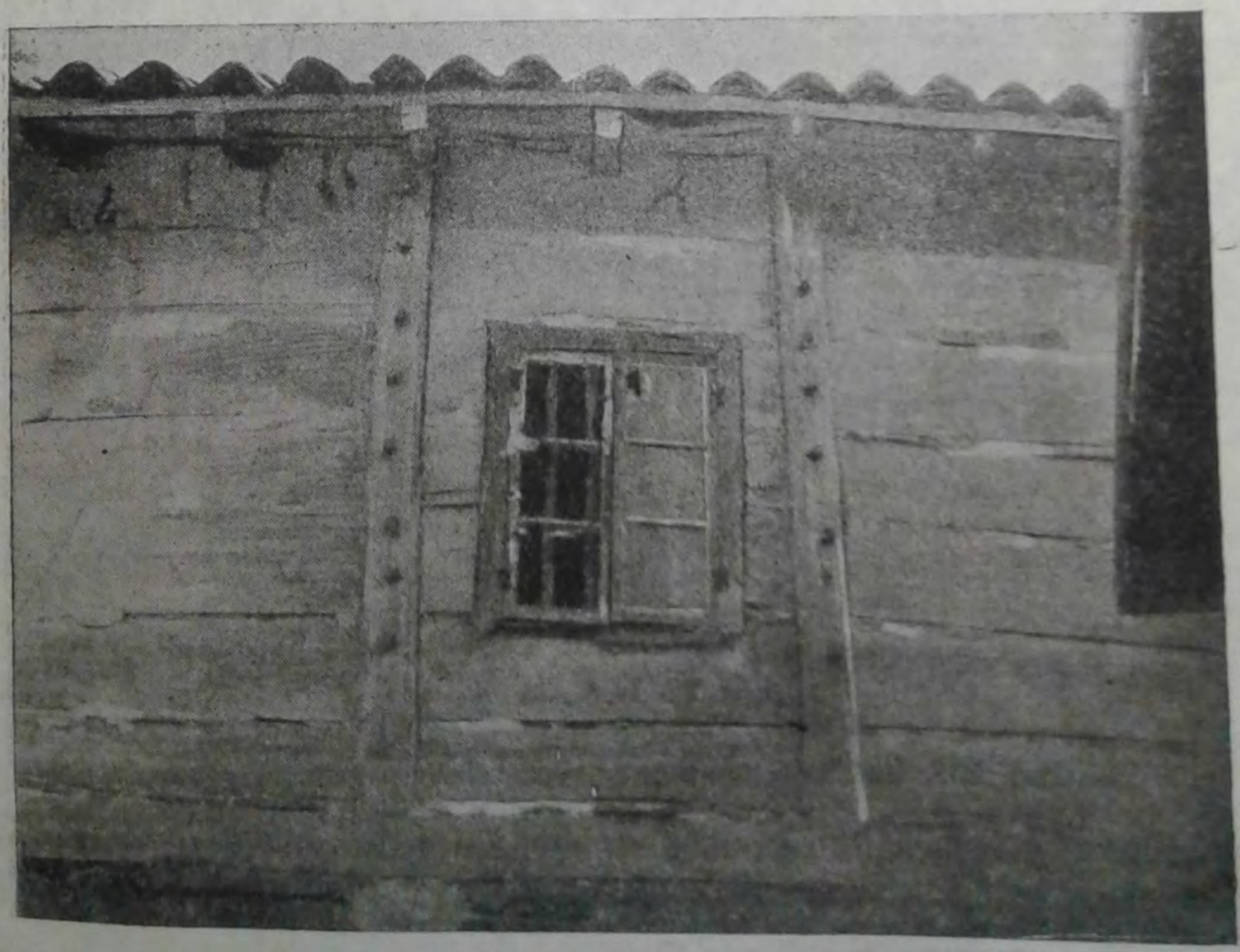

Рис. 102. Деревянная постройка в дер. Ай-Тодор.

являются ли поэтому описанные приемы отражением приемов работы с камнем?

Работы по изучению жилища велись, как уже было отмечено, в

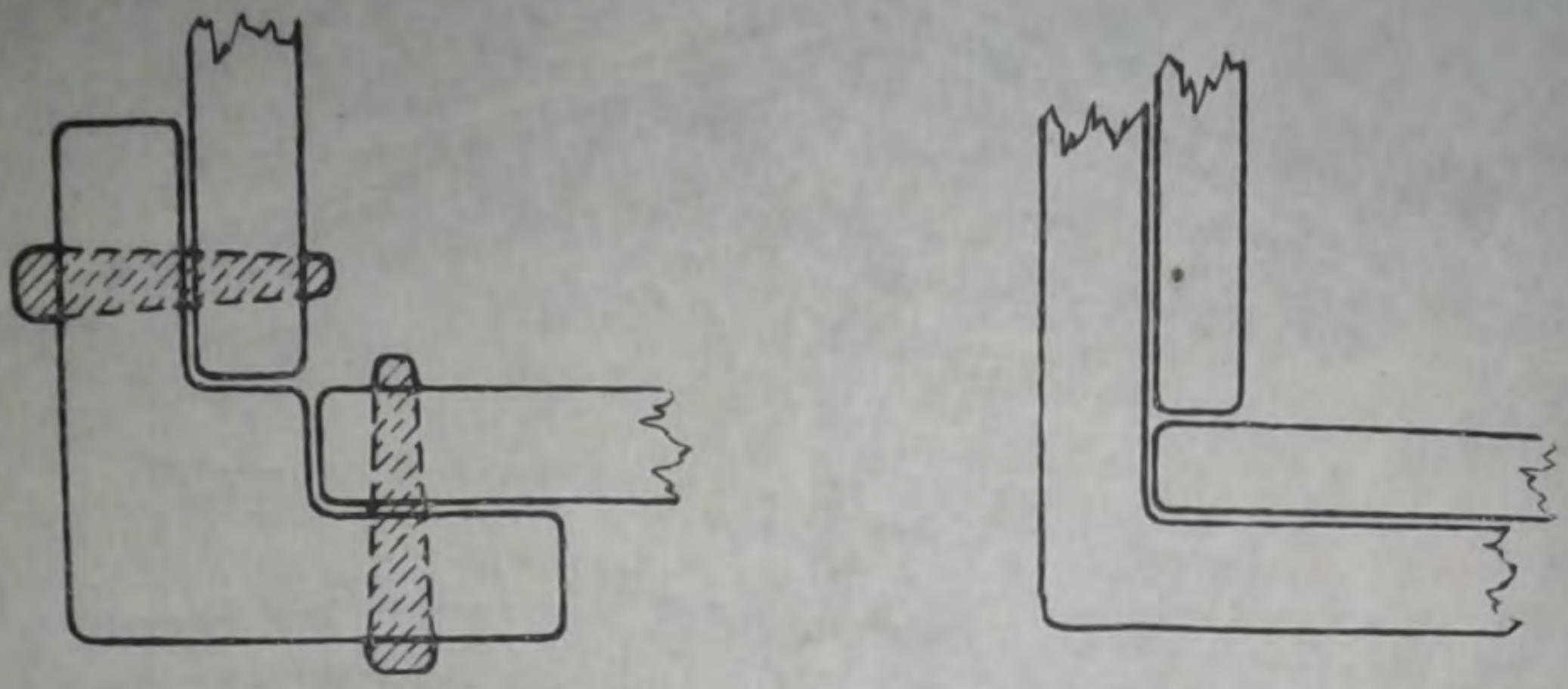

Рис. 103. Схема крепления стен дома в углах.

связи с работами Эски-Керменской экспедиции. В 1930 г. экспедицией была вскрыта базилика, в которой для нас любопытна одна деталь — это крепление углов базилики. [1] Прием, употребленный

Рис. 104. Внешний вид заделанного угла деревянного дома.

мастером, чрезвычайно схож с вышеуказанным приемом, отраженным на постройках Биюк-Узенбаша. В каменной кладке базилики

[1] Готский сборник, стр. 217, рис. 65, 66.

Рис. 105. Внешний тип деревянного дома с закрытыми углами.

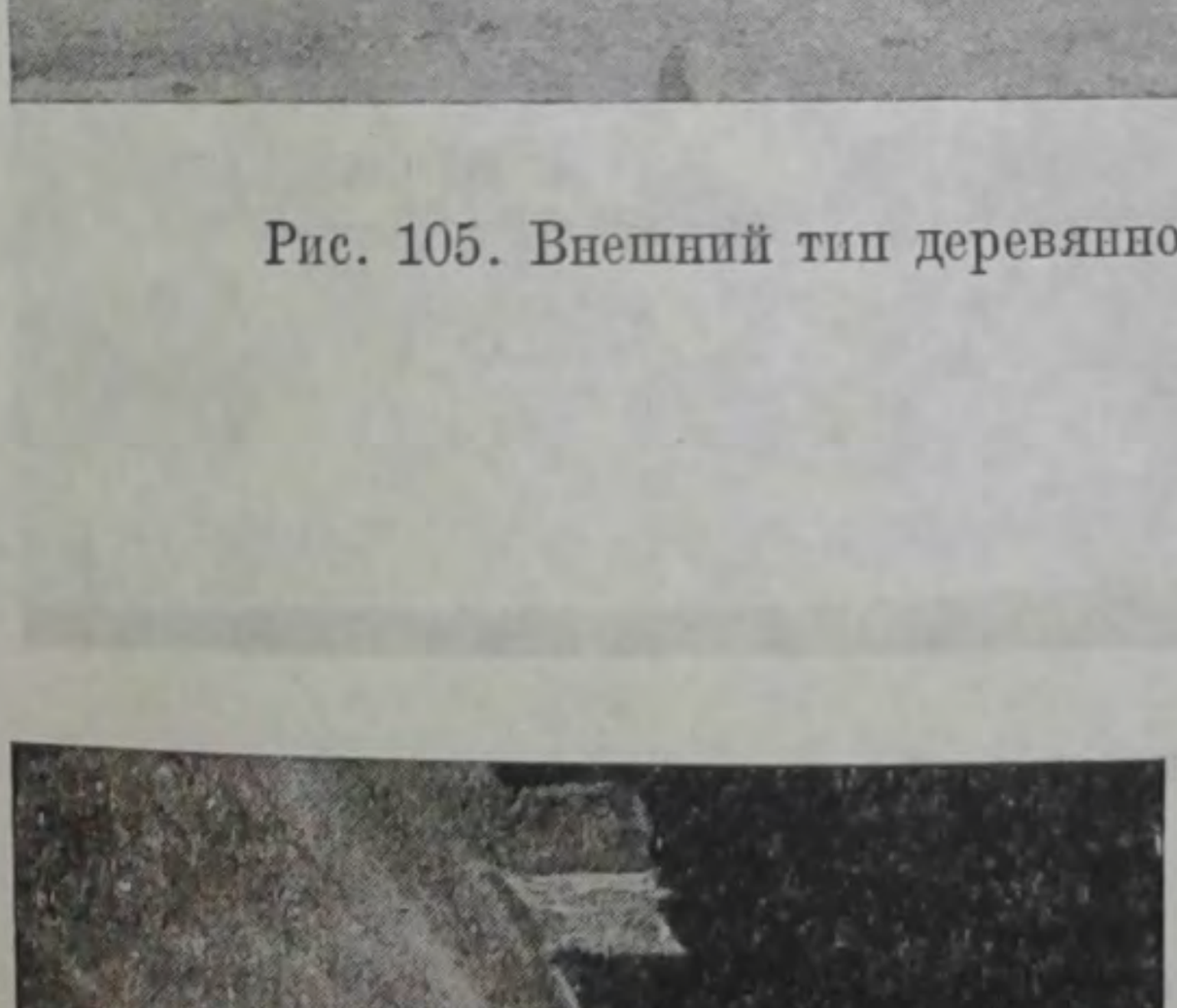
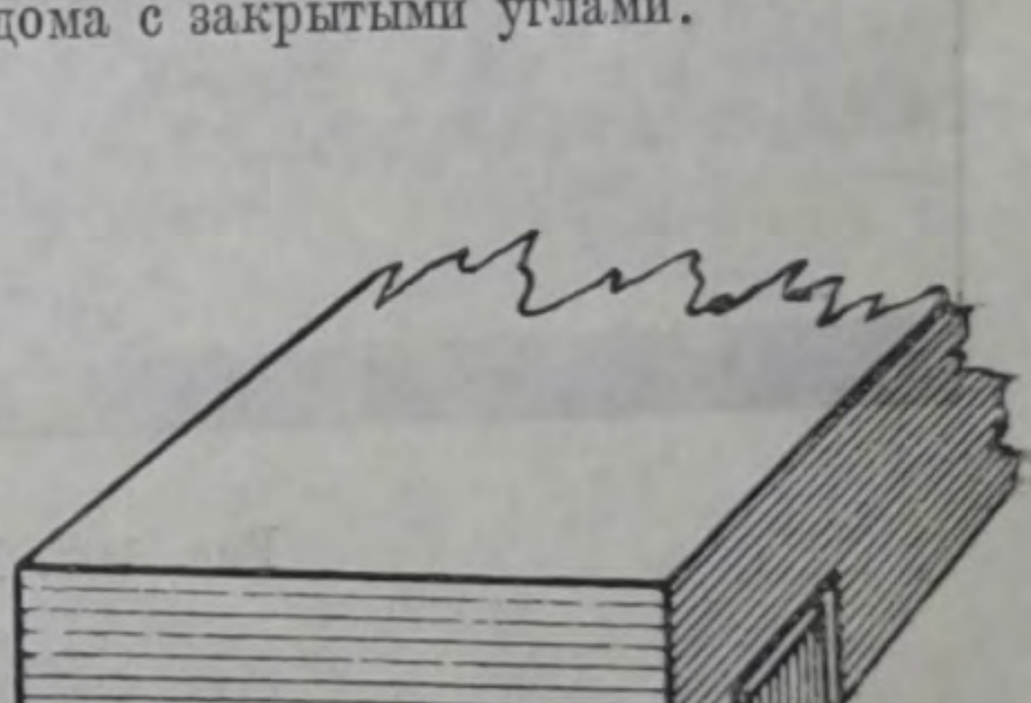

Рис. 106. Деталь крепления.

Гис. 107. Деталь крепления строения.

намечается, таким образом, обратное явление — схожесть кладки с приемом работы по дереву, с деревянной конструкцией. Эта аналогия между некоторыми архитектурными деталями базилики и деревянных домов Биюк-Узенбаша подсказывает мысль о том, не являются ли эти приемы в большей степени «автохтонными»,

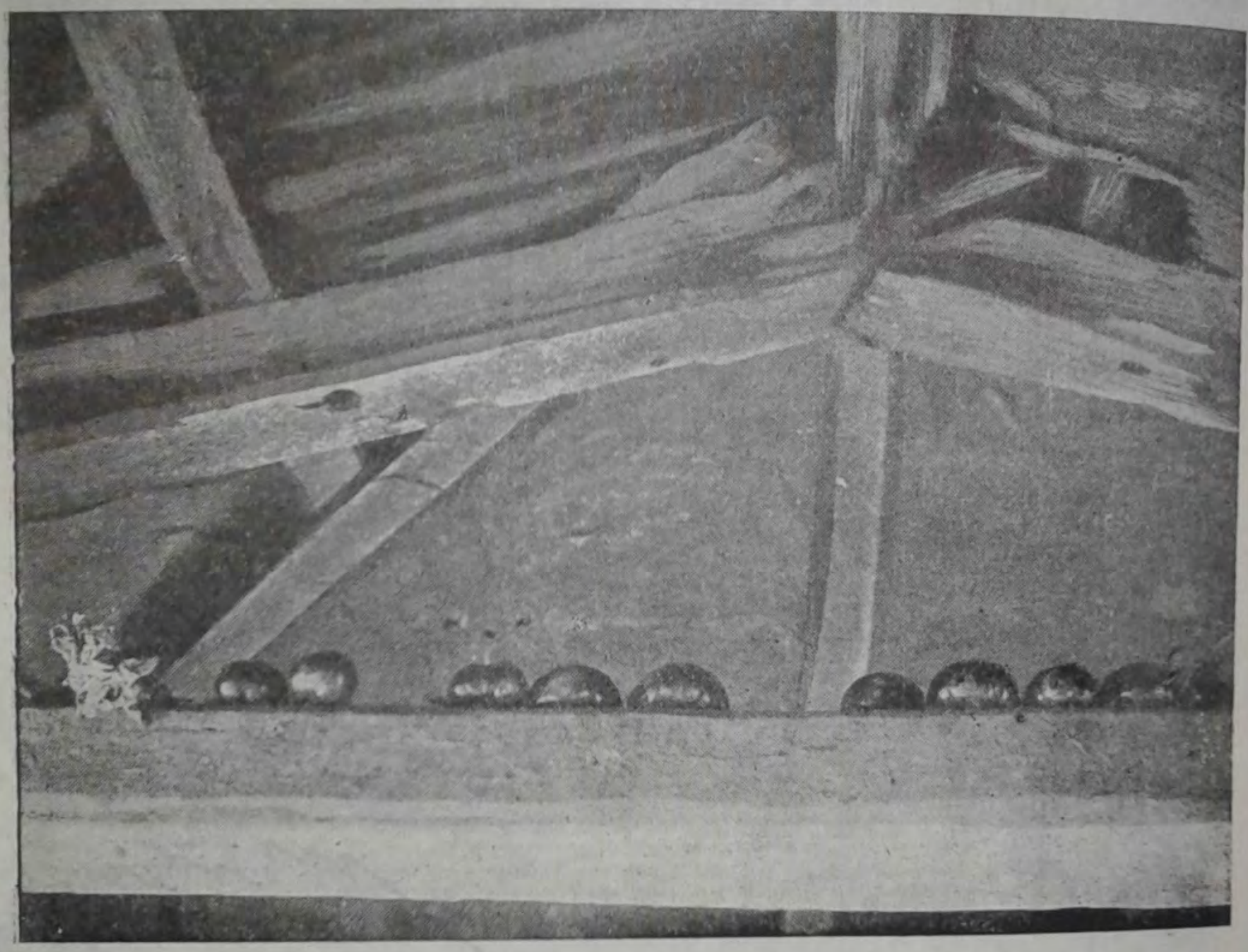

Рис. 108. Крепления стропил.

чем «византийскими» или «малоазиатскими», и не являются ли особые сшивки углов в постройках результатом, помимо указанных выше явлений, также учета землетрясений в Крыму? Возможно, что конструкция была рассчитана на землетрясения, и поэтому старались как в каменной, так и в деревянной постройке создать опорный каркас, наблюдаемый нами и на деревянных сравнительно поздних постройках татар Крыма и на каменных сооружениях древнего Дороса.

В. П. Бабенчиков

Из истории Крымской Готии

Древний Дорос — политический центр Готских Климатов в Тавриде— расположен на плато вытянувшейся с севера на юг столовой горы, окруженной со всех сторон обрывами. Он неприступен по природе, но обитатели его над обрывами возвели еще боевые стены и башни.

Въехать в Дорос можно было только с юга, в единственные ворота, по дороге, извилистыми маршами высеченной в скале.

На случай длительной осады обитатели неприступного Дороса были обеспечены и водой; ее давал «осадный колодец»; к нему сверху, с плато, вела лестница в 95 ступеней, высеченная внутри материковой скалы, не только недоступная, но даже и неприметная со стороны долины.

Внушительные боевые сооружения заставляют удивляться искусству строителей, по всей вероятности, византийских военных инженеров, и высокому состоянию строительной техники. [1]

Время обратило этот город, оставленный жителями в XIV в., в груды развалин, занесенных землей, густо поросших травой и кустарником. Как нельзя лучше подходит к нему его современное татарское название «Эски-Кермен» — старая крепость.

Обе долины, вернее — оба ущелья, обходящие его с западной и восточной стороны, теперь заброшены и почти не обрабатываются, если не считать нескольких участков в восточном ущелье, распаханных татарами из соседней деревни Черкез-Кермен. Жилья поблизости совсем нет.

Однако в прошлом долины эти были не только сплошь заняты под культуры, но и заселены.

В западной долине, по названию Джурла (бегущая) под скалами Топшана-хребта, замыкающего ее с запада, и сейчас видны слелы прискаловых построек: это врубы, назначение которых служить гнездами для закладывания концов потолочных балок или наклонных стропил крыши; над ними характерные канавки — жолоба, отводящие в стороны стекающую со скалы воду.

Судя по тому, что врубные гпезда для потолочных балок находятся на высоте иногда ниже человеческого роста, ясно, что постройка существовала или, вернее, перестала существовать не одну сотню лет тому назад: только за такой долгий промежуток времени и мог образоваться наплыв земли иногда в несколько метров мощностью.

[1] Готский сборник, стр. 181—211.

Постройки ютились также иногда в высоких и широких естественных пещерах. Иногда эти вырубки идут в 2-3 ряда. Это говорит о том, что строили здесь в разные эпохи; новая постройка возводилась тогда, когда наплыв земли успевал значительно вырасти и уже нельзя было использовать старые вырубки.

Встречаются и мелкие гнезда, очевидно, для тонких жердей, типа «суруков», подобных тем, на которых татары подвешивают низки табака для сушки.

Делались постройки и при отдельных свалившихся в долину громадных камнях. Их особенно много в долине Текмэ-Таш (поставленный камень), обходящей Эски-Кермен с востока.

Само собой разумеется, что прискаловые постройки составляли незначительный процент всех построек. [1] В долине Текмэ-Таш есть места, поверхностный осмотр которых уже дает возможность предполагать, что здесь было немало обыкновенных построек: еще не совсем заплыли землей кучи строительного мусора. Удавалось находить и стенки несомненно старой кладки и по местоположению своему утерявших всякий смысл для современного хозяйства.

Кроме таких явных следов древних поселений, есть еще много другого рода указаний на густую заселенность долин, окружающих древний Дорос. Параллельно юго-восточному его склону, по низу долины еще сохранились следы широких мощеных дорог. О цветущем состоянии долин говорят и лужайки среди леса с остатками одичавших культурных растений, посаженных в определенном порядке: здесь и груши, pistatia mutica, и роза, и нередко — виноград. Для сельского хозяйства здесь были налицо необходимые условия: отличная почва и достаточное количество воды.

Обильные заросли «болиголова» по всей долине Текмэ-Таш и в северном ущельи говорят об обилии подпочвенных вод. Северное ущелье выходит в широкую плодородную степь.

Все это приводит нас к убеждению, что окрестности Дороса были густо заселены земледельческим населением.

Самый Дорос возник как укрепленный пункт в V—VI вв.

Это — время процесса интенсивной феодализации Крыма в условиях резкого обострения классовой борьбы в рабовладельческом обществе и наступления «варваров» на Крым.

В старой исторической литературе существует мнение, что в начале VIII в. (время бегства Юстиниана II из Херсонеса, куда он был сослан, в Дорос, в 704 г.) в Готских Климатах образовалась «нейтральная территория, на которой Юстиниан был недосягаем для прямых покушений со стороны византийских властей, а в то же время еще не находился во власти хазарского хакана». [2] К этому мнению примыкает и Васильев, который говорит, что «эта часть горного Крыма с Доросом ушла в то время из-под прямого сюзеренитета Византии и пользовалась самостоятельностью». [3]

---

[1] Ср. А. Н. Бернштам, ук. соч., стр. 13 сл.
[2] В. Г. Васильевский, Житие Иоанна Готского, Труды, т. II, стр. 388.
[3] А. А. Васильев, Готы в Крыму, Известия ГАИМК, т. V, 1927 г., стр. 94.

Думается, однако, что эта предполагаемая независимость Готских Климатов представлена исследователями в несколько преувеличенном виде. Нет необходимости понимать и вассальную зависимость от византийских императоров как абсолютное подчинение Византии. Нет также надобности предполагать в данном случае непременно полный разрыв с Византией. Напротив, можно думать, что Готские Климаты и в это время обычных связей с Византией не порывали.

Хазары точно так же не порывали установившихся связей с Византией и не покушались на какие-либо агрессивные действия по отношению к Готским Климатам. Появление хазарского «тудуна» в соседнем Херсонесе (710 г.) не знаменует подчинения этого последнего хакану, так как херсонесский протополит Зоил остается у власти. Связь Херсонеса с хазарами могла не касаться Готских Климатов,—данных об этом мы, по крайней мере, не имеем. Участвуя в низложении Юстиниана II, снова попавшего на престол, Готские Климаты занимали положение союзников, а не зависимых от хазар.

Союз с Византией и Готскими Климатами для хазар был особенно необходим, и именно в VIII столетии, в виду грозившей арабской опасности.

Союзные отношения закреплялись брачными: дочь хакана Ирина выходит замуж за Константина, сына императора Льва III.

В этих условиях в конце VIII в., около 787 г., в Готских Климатах происходит крупное политическое событие, которое, на первый взгляд, идет как будто бы в разрез с высказанными ранее соображениями, — вооруженное столкновение населения Климатов, предводительствуемого епископом Иоанном Готским, с хазарами, занявшими Дорос.

Восставшие прогнали из Дороса хазарскую вооруженную стражу и заняли горные проходы, ведущие к нему. Однако удержать долго позиции не могли. Глава восстания, епископ Иоанн, был выдан жителями одного местечка (селения? — εἰνὸς χωρίου) и посажен хазарами под стражу в городе Фуллах. Вместе с Иоанном были преданы и его люди (μετὰ τοῦ ἰδίου λαοῦ). [1]

Восставшие «прибегли к хакану», который «казнил семнадцать неповинных рабов». Был захвачен в связи с восстанием правитель Готии, но наказания никакого не понес. Ученики Иоанна также были отпущены; хакан сказал: «эти вины за собой не имеют». А заключенный в Фуллах [2] Иоанн смог бежать к морю, где он благополучно сел на судно и уехал в Амастриду.

Вот все, что можно извлечь о фактической стороне этого события из жития Иоанна Готского. [3]

[1] Термин ἴδιος λαός по существу требовал бы специального комментария. *Ред.*

[2] Локализуются в Чуфут-Кале, около Бахчисарая. А. Л. Бертье-Делагард, Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья Тавриды, ИТУАК, вып. 57, стр. 108—112.

[3] В. Г. Васильевский, Труды, т. II, стр. 396—400, 416—427. Ср. приведенные у Васильевского данные из синаксарей — в минологии Василия Порфирородного X—XI вв. и в синаксаре Chiff etian, приведен в AASS там же, стр. 420.

Автор жития изображает это событие как результат племенной вражды между готами и хазарами, как столкновение двух народов, чуждых друг другу. Иоанн был выдан властителям хазар, «так как вместе с господином Готии, его начальниками и всем народом стоял за то, чтобы страною их не повелевали (κατακυρεῦθαι) хазары».

Представители буржуазной науки полностью следовали точке зрения автора жития. Васильевский и вслед за ним Васильев полагают, что восстание носило национальный характер, что это было возмущение готов против хазар, причем властитель Готии в результате занятия Дороса будто бы был приведен хаканом в вассальную от него зависимость. [1] Не говоря уже о том, что в те времена не могло быть движений национальных, следует также усомниться, было ли это столкновение результатом племенной вражды хазар и готов.

Чтобы уяснить себе действительное значение и исторический смысл этих событий, нужно внести ясность в самые понятия «хазары» и «готы», раскрыть этнический и социальный смысл этих терминов. В свете последних исторических исследований «хазары» раскрываются скорее всего как «высший социальный слой, живший в городских центрах феодального общества — в Итиле, Семендере, в Саркеле и в других, нам еще не известных по их остаткам городах». [2] Хазарская держава явилась «крупнейшим результатом феодализационного процесса в северо-восточном Причерноморьи». [3] В то же время готы в Причерноморьи и специально в Крыму представляют собою безусловно историческую реальность. «Этногонически они образуются на основе общего для Причерноморья процесса феодализации в составе ряда скрещенных элементов». [4] Крымские готы в VII — VIII вв. — это не только социальная верхушка населения Готских Климатов, а все их население, во всей сложности их социальных отношений.

Несомненно, что в этих условиях сложения феодального общества у готов интересы классово-враждебных его элементов не могли совпадать, отношение к хазарам представителей различных социальных слоев не могло быть одинаковым. Истолковывать поэтому движение, возглавленное Иоанном Готским, в плане племенной вражды нельзя.

Другое предположение, что восстание готов носило религиозный характер, не подтверждается источниками. В самом житии нет абсолютно никаких намеков на столкновение готов с хазарами на религиозной почве.

Объяснение нужно искать, очевидно, в самой феодализации готского общества, в процессе окончательного укрепления его феодализирующейся верхушки в качестве феодалов для закрепления эксплуатации непосредственного производителя и борьбе

---

[1] Ук. соч., стр. 204.
[2] В. И. Равдоникас, ук. соч., стр. 88.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 91—93.

этого последнего против закрепощения. Борьба эта осложнялась процессом борьбы между феодалами.

Подтверждением правильности именно такого истолкования событий 787 г. в Готии является и то, что занятие Дороса хазарами не сопровождалось войной. На это мы нигде указаний не находим. В житии говорится кратко и ясно: «хакан, отправив [отряд войска], занял крепость их, по имени Дорос, и оставил в ней вооруженную стражу». Получается впечатление, что Дорос был занят отрядом хазар *без сопротивления*. Самый отряд, очевидно, вскоре же удалился, оставив вооруженную стражу. Значит, хазары не рассматривали Дорос как крепость, долженствующую служить опорным пунктом. Отсюда может быть сделан только один вывод: хазары заняли Дорос и поставили в нем вооруженную стражу не по своему почину. Представляется возможным предположить, что мы имеем здесь дело с призывом «изнутри», с приходом войск другого государства по приглашению верхушки данного государства в виду резкого обострения классовых отношений. [1]

Если допустить такое предположение, то многое становится ясным.

Дорос — не только крепость, но город-замок, населенный феодалами, с их вооруженной охраной, обслуживающими их ремесленниками и т. д.

Если мы признаем, что Дорос — феодальный город, а не только крепость в строгом смысле этого слова, то это отнюдь не противоречит высказывавшемуся мнению, что Дорос строился при участии Византии. Во время войны он мог выполнять функции крепости, мог служить средоточием военных сил, выдерживать осаду.

Возможно возражение и такого рода, что Дорос не мог быть населен никем, кроме войск, потому, что он «есть трудно доступное, а потому и крайне неудобное, особенно для земледельцев, занятых в полях и садах в низине, место поселения. Сюда далеко и трудно ввозить продукты земледельческого труда, и здесь в тесноте трудно было хранить эти продукты в сколько-нибудь значительных количествах». [2]

Сомнения в этом направлении отпадают сами собой; во-первых, феодалы — не земледельцы, а землевладельцы, присваивающие продукты сельскохозяйственного труда у окрестных крестьян путем внеэкономического принуждения; во-вторых, трудности доставки их меньше всего печалили, так как они заставляли доставлять им эти продукты путем того же принуждения; впрочем, в те времена подъездной путь к южным воротам был отлично устроен, в чем убедили последние раскопки; [3] в-третьих, что касается хра-

[1] Это должно быть обусловлено совпадением завоевательных тенденций феодализирующегося хазарского государства с направлением развития классовых противоречий феодального общества готов.

[2] Ф. И. Шмит, Эски-Керменская экспедиция, Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 11—12, стр. 64.

[3] См. выше.

нения продуктов, даже и в значительных количествах, то надо думать, что на территории города, имевшего в длину более километра (1040 м), место, конечно, нашлось бы.

Таким образом, наше предположение о том, что Дорос являлся крупным центром Готии, населенным верхушкой феодалов, вполне допустимо.

Эта-то верхушка, как нам думается, и призвала на каких-то условиях хазарский отряд, узнав о готовящемся против нее восстании эксплуатируемой массы.

Нам остается только подчеркнуть, что она должна была руководиться при этом не хазарскими интересами, а своими классовыми интересами, защищать которые хазары и были призваны. Хазарский же хакан направил свой отряд на помощь Доросу, руководимый такими же классовыми соображениями.

В свете такого толкования попятно, почему правитель Готии был пощажен хаканом, равно как и то, что ученики Иоанна были отпущены после допроса.

Лучшим подтверждением того, что восстание носило классовый характер, является то, что в конечном итоге расправа была произведена над рабами по приказанию хакана, — как уже упоминалось были казнены семнадцать «неповинных рабов». Слово «неповинных» нас не смущает. Цель самого описания — подчеркнуть подвиги и страдания Иоанна, а следовательно, подчеркнуть и зверства его врага — хазарского хакана, на примере его несправедливости, казнью рабов без доказательства их виновности. Может быть, слово «неповинных» надо понимать и в прямом смысле: истинные виновники обнаружены не были, и потому для острастки были казнены первые попавшиеся под руку. Но факт остается фактом: казнены рабы, все же лица, имевшие какое-либо касательство к событиям и принадлежавшие к классу феодалов, в сущности, не пострадали. [1]

К сожалению, автор жития не ставил своей целью рассказать о самом восстании, о причинах, вызвавших его, о последовательности развивавшихся событий и т. п., ограничившись только изображением бедствий своего героя Иоанна, как возглавлявшего восстание. Вследствие этого житие не дает нам материала, на основании которого можно было бы представить, в какой мере гнев восставших после разгрома стражи обрушился на самих эксплуататоров.

Судя по тому, что правитель остался жив, можно думать, что все внимание восставших, тотчас же по изгнании хазарской стражи, было направлено на заботу о том, чтобы гарантировать себя от дальнейшего вмешательства хазар, для чего они в первую очередь и заняли горные проходы. Повидимому, в это-то время и подоспела хазарская помощь на выручку запертым в Доросе феодалам.

---

[1] Текст жития не дает достаточного материала, чтобы выяснить в полной мере роль упомянутых рабов в восстании.

Все эти события следовали, вероятно, одно непосредственно за другим, на небольшом отрезке времени. Возможно поэтому, что именно боевые события и оставили наиболее глубокий след в памяти ближайшего поколения, и имя хазар заслонило за собою истинную причину восстания. Автор жития ведет свой рассказ именно в этом освещении, подчеркивая, что все события вращались вокруг отношения к хазарам как иноплеменникам. Это, кстати, больше подходило и к его главной цели — изобразить Иоанна, причисленного за свои деяния к лику святых, пострадавшим от хазар, принявших незадолго до этого, как известно, иудаизм. Таким образом, самый факт восстания был использован церковниками в своих целях и, очевидно, искажен в своей первопричине.

Весьма вероятно, что на действия хазар совместно с готской феодальной верхушкой указывает и то обстоятельство, что Иоанн был заключен в Фуллах, а Фуллы, как предполагает Васильевский, были городом чисто готским, а не хазарским. [1] «О том, что Фуллы были центром и опорой хазарского могущества, ни из чего нельзя заключить», — говорит также Бертье-Делагард, ссылаясь на Ю. А. Кулаковского. [2]

Самое бегство Иоанна легче объяснить из предположения, что в Фуллах были готы, среди которых нашлись сторонники Иоанна, устроившие ему побег. А если Фуллы были готским центром, то мы можем предположить, с достаточной степенью вероятности, что хазары выдали Иоанна местным готским феодалам для расправы с ним как вставшим хотя бы и на время на сторону их классового врага.

Не лишен интереса еще один штрих, отмеченный в житии: кто-то несправедливо порицал преподобного Иоанна, будто бы он, Иоанн, был виновником того, что укрепление Готии было передано хакану и некоторые несправедливо убиты.

Факт этот попал в житие не случайно: очевидно, ходили слухи (а может быть, так в действительности и было), что хазары отбили Дорос у восставших благодаря предательству, и на Иоанна, как на представителя феодальной верхушки, падало подозрение в соучастии в этом предательстве.

Эта частность еще раз подтверждает наше предположение о том, что восстание в Готских Климатах в 787 г., возглавлявшееся епископом Иоанном, носило классовый характер и было направлено против эксплуататоров-феодалов, а хазарская стража, хазарский отряд и хакан — третья сторона, приглашенная феодалами Готских Климатов. Глава готской церкви Иоанн и правитель Готии могли возглавить это восстание готской эксплуатируемой массы в начале движения как представители старой феодальной знати, боровшейся против укрепления новой феодальной знати, исполь-

---

[1] Васильевский, ук. соч., стр. 424—425.
[2] А. Л. Бертье-Делагард, ук. соч., стр. 72.

зуя в этих целях восстание. Ясно, что весьма быстро пути их должны были разойтись, чем и может быть объяснен факт «предательства восставших хазарскому хакану», о котором глухо упоминает житие.

В результате восстания выиграли феодалы, поддержанные вмешательством хазар, учитывавших, как уже отмечалось, в этом выступлении свои классовые интересы.

Два века спустя мощь феодального хазарского государства в силу ряда причин значительно ослабевает. Хазарские властители не только не способны осуществлять дальнейшие завоевания, а также поддерживать классовые интересы соседей, но не имеют силы справиться в пределах своей страны с эксплуатируемыми массами, в результате чего в конце X в. в Хазарии вспыхивает грандиозное восстание, которое пользуется своей военной силой, состоящей из конницы и пехоты. Восстание это обратило, по словам источника, в пустыню 10 городов и 500 селений [1] и, выйдя за пределы Хазарии, охватило потом и Готию, главный город которой был разорен, а его боевые стены снесены до основания.

Этот главный город, — по моему, несомненно, Дорос. [2]

Об этом восстании рассказывает документ, известный под названием «Записка готского топарха», относящийся к 60-м годам X в. и подробно излагающий события, имевшие место в Крымской Готии осенью 962 г.

Эти события трактовались буржуазными историками [3] так же как и восстание Иоанна Готского, как война готов с хазарами. Однако мы придерживаемся несколько иного мнения.

Приведем в хронологической последовательности события, о которых рассказывает в «Записке» готский топарх.

«Мы тогда решили, — пишет топарх, — объявить варварам войну или, если нужно сказать правду, отложились от них из боязни, чтобы они не напали на нас первыми, и постановили сопротивляться им по мере возможности». [4]

Из дальнейшего изложения становится ясным, что незадолго перед этим страна топарха была опустошена варварами и были снесены стены главного города. Топарх решил вернуться в этот разоренный город (повидимому, перед этим благополучно эвакуировавшийся), но вернулся, навербовав войско, которое он мог бы противопоставить «варварам».

Автор «Записки» говорит: «мы тогда решили...» Васильев полагает, что под словом «мы» надо разуметь «крымских готов или, лучше сказать, вообще население, жившее на территории тогдашней Крымской Готии». [5]

---

[1] Цифры эти, очевидно, преувеличены.

[2] Готский сборник, стр. 136.

[3] Новейшая литература вопроса: Ф. Вестберг, Записка готского топарха, ВВ, т. XV; С. П. Шестаков, Очерки по истории Херсонеса, т. III; А. А. Васильев, ук. соч., стр. 195.

[4] Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 283.

[5] А. А. Васильев, ук. соч., стр. 240.

Однако с еще большим правом можно под этим «мы» разуметь не «готов» и не «население вообще», а группу феодалов, бежавших из Дороса, которым, конечно, и интересно было восстановить свой феодальный центр и снова под защитой его стен вернуть утраченную власть.

Это предположение кажется нам более вероятным, особенно еще и потому, что в другом месте «Записки» топарх упоминает о своих «сторонниках» — «лучших» людях, к которым он отправлял вестников. При помощи этих «лучших» людей, надо полагать, он и собрал войско, достаточное для того, чтобы не только противостоять нападению «варваров», но даже первым начать военные действия против неприятеля. Предполагать же, что «население вообще» могло быть заинтересовано в восстановлении Дороса, нам кажется неверным.

Дорос, в который вернулся топарх, по его рассказам, более походил на селение, так как не имел стен. Топарху удалось прогнать пехоту «варваров». Его конница также оказалась сильнее конницы противника, и к вечеру он оказался хозяином в Доросе. Но Дорос не мог служить надежной базой для последующих военных операций, и потому топарх приступает к устройству поблизости небольшой крепости (φρούριον) — вероятно, так наз. «Кыз-Кулле» на северной оконечности Ташпана. [1] Он укрепил ее двумя проломами в скале, которые отделили территорию крепости от остального массива скалы, как рвом. В эту крепость было снесено все наиболее ценное. Отсюда топарх решил начать постройку города. Предпринятая им с рассветом вылазка с отрядами конницы, пращников и лучников, в количестве более 400 человек, обнаружила отсутствие врага в окрестностях. «Варвары» ушли...

Чем объяснить, что грозные «варвары», разорившие 10 городов и 500 селений, [2] нападавшие, как говорит автор «Записки», с большим числом конницы и пехоты, отступили и так легко сдали позицию? Надо думать, что «варвары» эти не имели нужды защищать занятые позиции, имея целью только уничтожить базу противника — город с крепкими стенами. Самый факт разрушения стен, и разрушения весьма основательного, как показали раскопки последних лет, тоже говорит как будто бы за то, что целью «варваров» было уничтожить только крепость противника — замок феодалов. Отсюда становится ясным, что если «варвары» громили феодалов, то они представляли собой противоположный класс, т. е. эксплуатируемых крестьян.

Понятно, почему автор, представитель класса феодалов, рисует их такими ужасными: «они всех разоряли и самым бесчеловечным образом губили, подобно каким-то диким зверям, проявляющим ко всему свою ярость: они задумали злостно и бесцельно из нашей

---

[1] Готский сборник, стр. 140.

[2] Если эта цифра не преувеличена, то нужно предполагать, что действия варваров выходили за пределы Крыма, так как в Крыму такого количества городов и селений не насчитывалось.

(своей) земли сделать, так сказать, добычу мисян, т. е. разорить ее до тла. Прежняя мягкость и справедливость этих варваров позволили им раньше воздвигнуть трофеи; города и народы добровольно к ним присоединялись. Теперь же у них проявились несправедливость и произвол относительно подчиненных; они постановили: подвластные города, вместо того чтобы им служить и с пользой их благоустроить, поработить и уничтожить; ни в чем не виновные начальники не могли избегнуть смерти... люди ни в чем не повинные, защищенные клятвою, сделались добычею рук и меча».[1]

Васильев, как и другие исследователи, видит в этих «варварах» хазар, а внезапное «превращение» из «мягких» и «справедливых» в жестоких и бесчеловечных объясняет «полным упадком и распадом их державы».[2]

Мы также считаем вполне возможным признать их за хазар, но видим в данном случае в хазарах — широкие массы населения, а не их правителей, не хаканов, которые вели мудрую политику, подчиняя себе «мягкостью и справедливостью» города и народы. Кстати, топарх нигде не говорит о хакане или, по крайней мере, о начальниках «варваров», как будто бы подтверждая нашу мысль, что на этот раз массы действовали самостоятельно, без опеки «лучших людей».

Небезынтересна в этом отношении и поправка выражения «нашей» земли на «своей» земли (см. выше). Не назвал ли феодал по классовой вкоренившейся привычке землю принадлежащей «нам», т. е. феодалам, а потом, желая отнести все дурные качества на долю врагов и приписывая им «бесцельность», как он выразился, действий, решил указать на то, что они «злостно» разоряли «свою» же, мол, землю, т. е. землю, на которой сами работали, пахали и сеяли.

Показательно и то, что автор, обвиняя варваров в жестокости, специально останавливается на такой детали, как избиение «ни в чем не виновных начальников». Здесь мы, несомненно, имеем указание на то, что «варвары», будь они хазары или не хазары, расправлялись с «начальниками», т. е. феодалами или их ставленниками. Не есть ли это прямое указание на то, что таинственное «превращение» хазар было в действительности самым обыкновенным восстанием народной массы против угнетателей? Это, во всяком случае, освобождает нас от необходимости вдаваться в мистику и предполагать какие-то метаморфозы в психике и поведении хазар.

Нельзя не согласиться с тем, что во второй половине X в. хазарская держава вошла в полосу упадка, но причину этого упадка мы склонны видеть не только «в нападении и внедрении в IX в. мадьяров и с конца IX в. печенегов», не только «в разноплеменном составе государства» (оно и с первого дня своего зарождения было уже разноплеменным) и тем паче не «вследствие обнаружившейся

---

[1] Ф. Вестберг, ук. соч., стр. 283.
[2] А. А. Васильев, ук. соч., стр. 244.

слабости»,[1] а в напряженной классовой борьбе, выливавшейся в ряд восстаний, развернувшихся к 60-м годам в грандиозное движение, не ограничившееся пределами самой Хазарии, но передавшееся и в соседнюю Готию.

И топарх в борьбе с восставшими применяет обычный, проверенный способ: он собирает «сторонников». Они явились отовсюду; составили собрание из «лучших людей», на котором топарх предложил на обсуждение вопрос о том, к каким властителям надлежит прежде всего обратиться, чтобы получить помощь в случае повторения восстания. Собрание остановило свой выбор на русском князе Святославе, обладавшем «могучим многочисленным войском и гордою боевою силою», как говорит автор «Записки». Топарх был командирован к северному князю. Святослав не замедлил дать реальную помощь, как в свое время это сделал хакан хазарский, разгромивший восстание Иоанна Готского. Святослав пошел походом на войска хазар, разбил их в битве и взял их крепость Саркел. Топарх же был утвержден правителем Климатов, получил еще какую-то область и обещание части доходов русского князя. Такие милости не сыпались бы на голову топарха, если бы он был просто неудачником в политической игре. Святослав мог помогать только тем, от кого рассчитывал получить выгоды и покрыть свои милости с избытком. Для него, строившего на севере такую же феодальную державу, какую в свое время здесь создавали хазары, с одной стороны, выгодно было получить в лице топарха и его сторонников гарантию безопасности, с другой стороны, рассчитывать на их поддержку в тылу, когда он ударит на восставших хазар и, конечно, обеспечить себе легкую добычу: завладеть богатством феодалов-хазар было гораздо труднее, чем вырвать его из рук восставших. Легче было также заставить служить себе хазарские массы как победителю, когда они разделались с эксплуатирующими их феодалами.

Милости Святослава топарху и его сторонникам носят характер взаимных услуг, с учетом классовых выгод и преимуществ.

Второе восстание было, таким образом, также ликвидировано, и власть феодалов восстановлена, на этот раз под протекторатом киевского князя.

---

[1] Там же, стр. 244.